

Narodna in univerzitetna knjižnica
v Ljubljani

202320

ИЙ СВЕРЧКОВЪ.

РОМАНЪ
ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ИЗДАНИЕ РУССКОЙ ТИ ОГРАФ И
С. ФИЛОНОВА
НОВЫИ САДЪ

АЛЕКСАНДРИТЪ

ДИМИТРІЙ СВЕРЧКОВЪ.

„Въ старину живали дѣды
„Веселѣй своихъ внучать.“

Верстовскій.

(„Аскольдова могила“)

АЛЕКСАНДРИТЪ

РОМАНЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ИЗДАНИЕ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ
С. ФИЛОНОВА
НОВЫЙ САДЪ

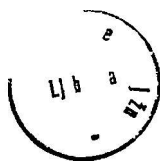
202320

Всѣ права сохраняются за авторомъ.

Tous droits réservés par l'auteur.

Alle Rechte vorbehalten.

Copyright by the author.

Русская Типографія С. ФИЛОНОВА.

НОВЫЙ САДЪ

(Королевство С.Х.С.)

Cogito, ergo sum.
(Je pense, donc je suis).

Descartes.

Неправда, у тебя соперницъ нѣтъ.
Ты для меня не женщина земная.
А солнца зимняго утѣшный свѣтъ.

А. А х м а т о в а.

Эта книга посвящается

*Анастасіи Николаевнѣ Нордъ,
въ первомъ замужествѣ — Сверчковой.*

АВТОРЪ.

„Александритъ (Alexandrit, Chrisobé-
ril Суморhone) — кристаллъ сибирскаго
зеленаго хризоберила, дающій въ прохо-
дящемъ свѣтѣ ярко-красный цвѣтъ. Онъ
открытъ въ Уральскихъ горахъ въ 1834
году минералогомъ Норденшильдомъ и
названъ такъ въ честь Императора Але-
ксандра II, въ бытность Его Наслѣдни-
комъ Престола.“

„Хорошіе александриты составля-
ютъ величайшую рѣдкость.“

М. Пыляевъ.

(„Драгоцѣнные камни“.)

Въ концѣ апрѣля 1913 года, статсъ-дама гра-
финя Ропшина, жившая въ Москвѣ, въ своемъ до-
мѣ на Поварской, получила изъ Петербурга офици-
ціальное приглашеніе „прибыть на торжества по
закладкѣ памятника трехсотлѣтія Царствованія Дома
Романовыхъ въ Высочайшемъ присутствіи“.

Графиня могла бы не ѣхать на эти торжества,
но необходимо было показаться большому свѣту,
чтобы напомнить о себѣ и поговорить съ нужными
людьми, и, не столько ради себя самой, сколько
ради сына Васеньки, служившаго въ Петербургѣ,
въ гвардіи, — и графиня рѣшила ѣхать, тѣмъ бо-
лѣе, что она предполагала провести это лѣто въ
своемъ тверскомъ имѣніи — Ячменовѣ — и въ этомъ
году не ѣхать за границу.

Приглашенные должны были прибыть въ Ко-
строу 18 мая (Государь ожидался на другой день)
и поэтому графиня, послѣ домашняго напутствен-
наго молебна, разсчитавъ съ запасомъ время, сѣла
въ поѣздъ на Нижегородскомъ вокзалѣ за три дня.

Въ Нижнемъ Новгородѣ гудѣла Макарьевская
ярмарка.

Прямо съ поѣзда графиня поѣхала въ Глав-
ные Торговые Ряды.
.
.

На Пасху изъ Петербурга пріѣзжалъ въ Мос-
кву ея сынъ, молодой графъ. Онъ говорилъ, что
на одномъ балу познакомился съ персидскимъ прин-
цемъ Каджаръ, у котораго онъ видѣлъ перстень
съ рѣдкимъ и никогда имъ не виданнымъ драго-
цѣннымъ камнемъ. Этотъ камень играетъ разными
цвѣтами: ярко-зеленымъ — днемъ и багрово-крас-
нымъ — ночью, и называется — александритъ.

— Камень мнѣ понравился своей двойной
игрой, — продолжалъ молодой графъ, сидя въ глу-
бокомъ дѣдовскомъ креслѣ въ будуарѣ матери и
лубясь своимъ изображеніемъ въ стѣнномъ овалъ-
номъ зеркалѣ, отражавшемъ всю его статную фи-
гуру. — Я узналъ, что александриты добываются
на Уралѣ, шлифуются, какъ брилліанты, съ кроной
и бываютъ величиной до пяти каратъ... На Востокѣ
существуетъ легенда, что парные александриты
соединяютъ влюбленныхъ и приносятъ имъ счастье,
но при этомъ создаютъ всякіе кровавые эпизоды,
какъ страшныя сказки изъ „Тысячи и одной ночи“...
Все это, конечно, вздоръ, — безопасно произнесъ
графъ, затянувшись ароматнымъ дымомъ папи-
росы, — тѣмъ болѣе, что любовь не для меня...

— Не говори, ты, глупостей, Васенька! Надо-
ѣло! — досадливо и сердито перебила его графиня.

— Какая глупость?

— Но если ты задумаешь жениться, то какъ-
же... безъ любви?

— Я? Жениться?.. — засмѣялся графъ, —
Боже упаси!..

Графиня укоризненно покачала головой.

— А сколько есть хорошихъ невѣстъ въ Мо-
сквѣ, — родовитыхъ, богатыхъ, красивыхъ...

— Куклы! — коротко опредѣлилъ графъ мо-
сковскихъ невѣстъ.

— Ne me taquine pas! — обидѣлась графиня, перейдя на французскій языкъ, что она дѣлала всегда, когда сердилась.

— Лучшіе александриты продаются на Нижегородской ярмаркѣ и идутъ, главнымъ образомъ, въ Индію, въ Персію и въ Афганистанъ, — какъ ни въ чемъ не бывало, между тѣмъ, заключилъ графъ свой рассказъ.

.
.

Медленно идя по Главнымъ Торговымъ Рядамъ и, всматриваясь черезъ лорнетъ въ витрины съ драгоценностями, графиня, теперь уже съ нѣжнымъ чувствомъ къ сыну, вспоминала бывшій разговоръ.

Графиня зашла въ лавку.

За прилавкомъ стоялъ старикъ-персъ въ чалмѣ, съ длинной сѣдой бородой и подстриженными, какъ щетина, усами.

Онъ опытнымъ взглядомъ торговца окинулъ покупательницу и, по восточному обычаю, приложивъ правую руку къ сердцу и ко лбу, низко поклонился ей.

— Мнѣ требуется александритъ съ хорошей игрой и чистой воды! — сказала графиня, кивкомъ головы отвѣтивъ на его почтительный поклонъ.

— Такихъ камней, какіе имѣю я, исфаганскій купецъ Ибрагимъ-Ага-Эддинъ, не имѣетъ и Макинскій сардаръ! — отвѣтилъ персъ съ театральнымъ достоинствомъ, довольно чисто по-русски, но съ гортаннымъ акцентомъ, доставая изъ окованнаго сундука желѣзную шкатулку. Изъ шкатулки онъ вынулъ небольшую коробку. Въ ней лежали два совершенно одинаковыхъ камня, игравшихъ переливами зеленого цвѣта.

Графиня съ любопытствомъ разглядывала ихъ.

Персъ, внимательно наблюдая за произведеннымъ впечатлѣніемъ, говорилъ: — эти камни найдены въ истокахъ уральской рѣки Большого Рефта

въ изумрудныхъ розсыпяхъ... Тамъ въ Ильменскихъ горахъ есть и алмазъ, и топазъ, фанаинъ и сапфиръ. У Альбаши — горный хрусталь, аметистъ... Дальше яхонтъ, тотъ-же рубинъ, гранатъ... Великъ русскій Царь! Слава о немъ идетъ по Востоку!..

— Это — александриты? — коротко спросила графиня.

— Развѣ милостивая ханумъ не видитъ... Эти камни достойны носить имя Бѣлаго Царя, побѣдившаго Хиву, Бухару и самого непобѣдимаго Турецкаго Падишаха! — и, посмотрѣвъ александриты на свѣтъ, персъ зажмурилъ глаза. — Такіе камни еще ни разу не сіяли передъ самимъ Афганскимъ эмиромъ!

— Вотъ и отлично, — я возьму одинъ, а другой пусть сіяетъ Афганскому эмиру, — снисходительно улыбнулась графиня.

На лицѣ перса выразилось неподдѣльное изумленіе.

— Ханумъ шутить... Развѣ это возможно? Они вѣчность были вмѣстѣ и одновременно увидѣли солнечный свѣтъ... Какъ-бы люди ихъ не раздѣляли они сойдутся опять, — такъ говорятъ мудрые люди Мешедъ, Исфагани и Решта!

— Мало-ли чего не говорятъ ваши мудрые люди! — засмѣялась графиня.

— Имъ эта мудрость дана отъ Аллаха! — осмѣлился сказать персъ.

Но графиня была упряма...

— Я куплю одинъ камень, — сказала она, — и мнѣ только нужно знать цѣну!

Персъ задумался.

Онъ нерѣшительно назначилъ ту-же цѣну, что стоили оба.

Графиня, не торгуясь, отсчитала деньги...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

„Горе вамъ, вожди слѣпые..“

Ев. отъ Матеея, 23, 16.

„Вѣрный въ маломъ и во многомъ
вѣренъ; а невѣрный въ маломъ, невѣ-
ренъ и во многомъ.“

Ев. отъ Луки, 16, 10.

Шла русско-японская война...

Она приняла тотъ затяжной характеръ, когда одна изъ армій, избѣгая рѣшительныхъ столкновений, медленно отходить передъ болѣе энергичнымъ и хорошо подготовленнымъ къ войнѣ противникомъ.

Въ августѣ 1904 года, русской арміей, уже готовой торжествовать побѣду, было проиграно большое Ляоянское сраженіе и она отошла къ Мукдену.

Въ началѣ 1905 года Генералъ-Адъютантъ Гrippенбергъ сдѣлалъ попытку захватить инициативу дѣйствій въ свои руки и нанесъ японцамъ стремительный ударъ въ направленіи дотолѣ никому неизвѣстнаго, а потомъ такого печальнаго по воспоминаніямъ, манчжурскаго селенія Сандепу и обошелъ ихъ, но, не поддержанный главнымъ

командованіемъ, не смогъ развить дальнѣйшаго успѣха и остановился.

Потери были большія...

Результаты оказались ничтожны...

Окончательно убѣдившись до чего главнокомандующій Куропаткинъ со своимъ штабомъ малодушенъ и слабъ, Гриппенбергъ съ настойчивымъ упрямствомъ, съ какимъ онъ еще въ чинѣ полковника въ 1878 году атаковалъ съ Московскимъ гвардейскимъ полкомъ турокъ у Арабъ-Конака, подъ Плевной, рѣшилъ открыть Государю глаза.

Онъ хорошо зналъ на что онъ шелъ, но иного выбора не было: онъ просилъ у Государя личнаго доклада.

И, дѣйствительно, когда черезъ 12 дней онъ былъ въ Петербургѣ, дворцовыя интриги сдѣлали свое дѣло и Гриппенбергъ, не принятый Государемъ, оказался въ опалѣ.

Между тѣмъ, грозныя событія шли своимъ чередомъ...

Въ февралѣ русская армія была разгромлена подъ Мукденомъ.

Государь вспомнилъ про Гриппенберга.

Куропаткинъ былъ смѣщенъ, но поздно...

Война была проиграна и одна изъ безславнѣйшихъ страницъ русской исторіи оказалась вписанной въ книгу судебъ...*)

*) Генералъ Гриппенбергъ — уроженецъ Финляндіи. Началъ службу въ финскихъ войскахъ. При покореніи Хивы командовалъ 5 Туркестанскимъ Линейнымъ батальономъ и въ Русско-Турецкую войну — Л. Гв. Московскимъ полкомъ. Состоялъ въ Свитѣ Государя и былъ Генералъ-Адъютантомъ. Послѣ Русско-Японской войны былъ назначенъ Инспекторомъ Пѣхоты.

Авт.

II

„Сандепу — селеніе Мукденской провинціи. Въ немъ жмыховый заводъ...“

Изъ описанія Манчжуріи.

Бой замиралъ...

Съ русской стороны раздавались еще рѣдкіе и далекіе орудійные выстрѣлы, унылые, какъ погребальный звонъ, и гдѣ-то вправо у рѣки въ морозномъ воздухѣ визгливо жужжали одинокія пули...

На измученную землю медленно опускалась ночь и стала смотрѣть на нее міриадами звѣздъ, жмурясь, въ мерцаніи, при видѣ страшнаго зрѣлища, удивляясь людскому безумію.

Въ деревнѣ Лидіатунъ, въ которой былъ расположенъ штабъ командующаго II арміей генерала Гриппенберга, непрерывно трещали телефоны.

Начальникъ штаба генералъ Рузскій, сидя за картой и вскидывая по временамъ изъ подъ золотыхъ очковъ свои хитрые и безцвѣтные глаза на адъютантовъ, диктовалъ новыя диспозиціи.

Въ сторонѣ сидѣлъ на „канѣ“ молодой офицеръ-ординарецъ графъ Ропшинъ и наблюдалъ за нимъ.

— Настоящій Рейнеке-Лисъ! — думалъ онъ про Рузскаго, вспомнивъ одну изъ своихъ дѣтскихъ книгъ.

Онъ не любилъ Рузскаго, съ его вѣчно бѣгающимъ взглядомъ исподлобья, съ фальшивой улыбкой его тонкихъ губъ.

Графъ Ропшинъ только недавно пріѣхалъ изъ Петербурга, изъ гвардіи.

Его юношеское, безусое и утомленное лицо было блѣдно, голубые глаза смотрѣли грустно, между бровями глубоко залегла скорбная тѣнь.

Въ головѣ неотвязчиво держалась мысль о понесенной арміей неудачѣ и это ему казалось до такой степени невѣроятнымъ, что представлялось какимъ-то кошмарнымъ и тяжелымъ сномъ.

Но далекіе орудійные выстрѣлы у Сандепу возвращали его къ печальной дѣйствительности и снова острой болью ложились на душу.

Ропшинъ поднялся съ кана и осторожно вышелъ изъ душевой фанзы, пропитанной противнымъ китайскимъ запахомъ бобоваго масла, на улицу.

У воротъ конвойные казаки варили себѣ ужинъ.

Огонь костра освѣщалъ мигающимъ краснымъ свѣтомъ ихъ бородатые и скуластые лица.

Ропшинъ прислушался къ ихъ оживленному и веселому разговору.

— ...И былъ, значитца, у насъ въ станицѣ такой конь, черезъ кажинный плетень сигалъ почему здря...

— Ну?

— ...Разъ, этта, онъ съ молодой казачкой какъ сиганулъ, — онъ черезъ плетень, а она въ бурьянъ...

— Ну?

— Прямо въ крапиву!.. Такой скаженный!.. Казаки дружно засмѣялись.

И Ропшинъ невольно улыбнулся...

Но тутъ-же черныя мысли снова овладѣли имъ.

Онъ вспомнилъ, какъ наканунѣ онъ ѣздилъ съ приказаніемъ въ Х корпусъ, проскакавъ на своемъ англо-донцѣ „Изумрудъ“ 25 верстъ въ одинъ часъ, какъ онъ нашелъ корпуснаго командира генерала Церпицкаго въ цѣпяхъ Орловскаго полка и какъ кругомъ свистѣли пули, и одна изъ нихъ впилась „Изумруду“ въ крупъ и густая алая кровь потекла по его золотистой шерсти на покрытую инеемъ мерзлую землю...

— Ваше сіятельство! — услышалъ онъ въ это время голосъ того казака, который рассказы-

валъ про удивительнаго коня, — милости просимъ казачьей крошечки откушать... Крошонка отмѣнная! — и Ропшинъ увидѣлъ, какъ казакъ, сощуривъ глаза, пристально всматривался въ его сторону, въ темноту.

Ропшинъ подошелъ къ костру.

Казакъ развернулъ красный фуляровый платокъ, досталъ изъ него завернутый хлѣбъ и аккуратно отрѣзалъ краюху.

Другой казакъ вынулъ изъ-за голенища сапога потемнѣвшую отъ времени и пищи липовую ложку.

— Милости просимъ, — повторилъ онъ, и, старательно обтеревъ ее о выцвѣтшій лампасъ, подалъ Ропшину.

И только теперь Ропшинъ вспомнилъ, что онъ цѣлый день ничего не ѣлъ и почувствовалъ острый приступъ голода.

Ему показалось, что онъ никогда не ѣлъ ничего вкуснѣ этой мелко-нарѣзанной вареной солонины съ картофелемъ, обильно приправленной лукомъ.

Казаки продолжали разговаривать между собой.

Они говорили о Донѣ, о своихъ станицахъ, о роднѣ... Обо всемъ, — только не о войнѣ. И Ропшинъ никакъ не могъ понять, какъ они могутъ такъ спокойно говорить объ этомъ, послѣ того, что случилось...

Вернувшись въ свою фанзу, онъ легъ на циновку кана, но заснуть не могъ.

Онъ долго лежалъ въ темнотѣ съ открытыми глазами.

Мысли бѣжали...

Вспомнились казаки и ихъ разговоры...

И ему самому представилась далекая, вся въ снѣгу, вышневолоцкая усадьба, въ которой жила его мать, паркъ передъ домомъ, зеленая лужайка, на которой онъ игралъ въ дѣтствѣ, березовая роща въ розовыхъ лучахъ заходящаго солнца...

И въ его душѣ неожиданно открылся прежній міръ и онъ уснулъ спокойно съ ясной и дѣтской улыбкой на измученномъ лицѣ...

III

Въ одинъ изъ дней середины іюля бригада сибирскихъ стрѣлковъ съ артиллеріей и саперами двинулась съ Сыпингайскихъ позицій въ сторону японскаго расположенія для производства усиленной рекогносцировки.

Изъ Петербурга все время посылались въ армію настойчивыя директивы проявлять возможную активность, чтобы сдѣлать японцевъ болѣе сговорчивыми при заключеніи мира, переговоры о которомъ намѣчались, по инициативѣ американскаго президента, въ Портсмутѣ.

Солнце уже взошло и его огромный огненный дискъ повисъ надъ вершинами сопокъ, когда головная застава авангарда достигла Каюаня и ея начальникъ графъ Ропшинъ увидѣлъ съ пригорка, изъ за высокихъ стеблей разноцвѣтнаго мака, картину, поразившую его неожиданностью.

Прямо передъ нимъ, въ разстояніи полуверсты, въ жемчужной пѣнѣ горной рѣчки, около взвода японскихъ гусаръ безпечно купали лошадей.

Невдалекѣ, за рѣчкой, виднѣлась небольшая китайская деревушка.

Какъ охотникъ смотритъ на дикаго звѣря, такъ Ропшинъ смотрѣлъ теперь на мирно купающихся непріятельскихъ кавалеристовъ.

— Только-бы не ушли! — думалъ онъ и, отстегнувъ дрожащими отъ волненія руками походную сумку, досталъ изъ ея глубины полевую книжку и написалъ донесеніе.

Но японцы и не думали уходить...

До слуха Ропшина звонко доносились ихъ веселые гортанные выкрики и даже казалось, что слышится плескъ воды, когда нѣкоторые изъ нихъ, нагіе, желто-бронзовые, съ разбѣга кидались въ рѣчку.

Въ то время, когда Ропшинъ внимательно изучалъ мѣстность и съ злорадствомъ обдумывалъ, какъ-бы лучше обойти ихъ съ тыла, „чтобы никто изъ нихъ не ушелъ“, его слухъ неожиданно поразила ружейная трескотня изъ сосѣдней саперной заставы.

И уже не думая о томъ, что саперы разрушили весь его, какъ ему казалось, хорошо задуманный планъ и не отдавая себѣ яснаго отчета хорошо-ли или плохо онъ дѣлаетъ, — онъ съ пригорка, по маковому ковру, быстро побѣжалъ впередъ.

Стрѣлки бросились за нимъ...

Японскіе гусары заметались...

Одни начали поспѣшно вскакивать на лошадей и понеслись къ деревнѣ, другіе, не успѣвши сѣсть, бѣжали, держа лошадей въ поводу, нѣкоторые бѣжали безъ лошадей...

Нѣсколько человѣкъ остались неподвижно лежать у рѣчки...

Когда Ропшинская застава и саперы заняли деревню, японская горная батарея, скрытая за цѣпью впереди-лежащихъ холмовъ, открыла по ней бѣглый огонь шимозами и шрапнелью.

Однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ Ропшинъ былъ раненъ.

Въ безсознательномъ состояніи отъ мучительной боли въ головѣ и въ лѣвомъ плечѣ онъ былъ доставленъ на станцію Сыпингай, гдѣ уже ждалъ раненыхъ санитарный поѣздъ.

Поѣздъ былъ Имени Императрицы и въ немъ главнымъ хирургомъ былъ профессоръ Мантейфель.

— Интересный случай, — сказалъ онъ ассистенту, осмотрѣвъ Ропшина, — двойной переломъ

плечевой кости! Положите его въ вагонъ тяжело-раненыхъ!

На станціи суетился и кричалъ, отправляя поѣзда на сѣверъ, „санитарный диктаторъ“ генералъ Езерскій...

IV

Въ августѣ 1905 года, расписавшись въ своемъ безсиліи, Россія въ Портсмутѣ заключила миръ.

Этотъ миръ былъ нуженъ всему міру... Прежде всего онъ былъ нуженъ Россіи, внутри которой начался сильный политическій пожаръ, угрожавшій ей тяжелыми послѣдствіями...

Японіи миръ былъ необходимъ, потому что война истощила всѣ ея наличныя силы и она замѣтно слабѣла въ борьбѣ.

Всѣмъ-же культурнымъ странамъ, въ которыхъ золото — все, прекращеніе войны значило восстановленіе нормальныхъ условій міровой торговли, общее теченіе которой было нарушено безъ замѣтныхъ и опредѣленныхъ выгодъ для нихъ въ продолженіе полутора лѣтъ.

Это нарушеніе торговыхъ условій и было причиною того, что бостонскій эсквайръ и миллионеръ Генри Смитъ не поѣхалъ, какъ это онъ дѣлалъ ежегодно, въ Маниллу, гдѣ еще во время войны Америки съ Испаніей изъ за Кубы онъ удачно пріобрѣлъ огромныя площади плодороднѣйшей земли табачныхъ плантацій, мечтая о достиженіи того-же баснословнаго состоянія, какимъ владѣли въ Сѣверной Америкѣ Морганъ, Фордъ и Вандербильдтъ.

Свое вынужденное бездѣлье сэръ Смитъ возмѣстилъ постройкой роскошной виллы, въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Бостона, на самомъ берегу Атлантическаго океана.

Она была построена съ поразительной быстротой въ одинъ мѣсяцъ и ея вычурный и безвкусный фасадъ былъ виденъ далеко съ пароходовъ.

Расположена она была въ глубинѣ сада, подстриженного и изуродованнаго по всѣмъ правиламъ англійской садовой культуры. Цвѣты въ саду, на зеленомъ бархатѣ симметрично разбитыхъ клумбъ, казались большими и оляповатыми пятнами. Дорожки, усыпанныя желтымъ пескомъ, были гладко прикатаны. Посреди сада билъ фонтанъ, изображавшій большую сѣрую лягушку.

Сэръ Смитъ помѣстилъ въ виллѣ свою дочь, десятилѣтнюю Кэтъ, которую онъ окружилъ роскошью и цѣлымъ штатомъ боннъ и гувернантокъ.

Воспитательницей Кэтъ была дипломированная англичанка, сухая и строгая миссъ.

Жена сэра Смита умерла отъ тропической лихорадки на Филиппинахъ въ то время, когда Кэтъ пошелъ четвертый годъ и съ тѣхъ поръ дѣвочка жила то въ Нью-Йоркѣ, то въ Бостонѣ, очень смутно помня мать и почти не видя отца, постоянно занятого своими дѣлами.

Живая, непослушная и своенравная Кэтъ къ десяти годамъ стала причинять своей воспитательницѣ много огорченій. Она совсѣмъ не желала считаться съ тѣмъ книжнымъ режимомъ, въ рамки котораго такъ настойчиво вводила ее ученая англичанка.

Уговоры и наказанія не дѣйствовали...

Случай, когда Кэтъ, вскорѣ послѣ переѣзда въ виллу, со смѣхомъ высыпала себѣ на ладонь всѣ крупинки гомеопатической аптеки своей воспитательницы и со вкусомъ, хрустя зубами, всѣ ихъ проглотила къ неподдѣльному ужасу убѣжденной гомеопатки, — заставилъ миссъ обратиться къ сэру Смиу.

На жалобы о поведеніи Кэтъ, сэръ Смитъ сухо отвѣтилъ, что онъ самъ намѣренъ присмотрѣться къ своей дочери.

Закончивъ свои дѣла въ Нью-Йоркѣ, онъ переехалъ въ виллу и поселился въ верхнемъ этажѣ, стараясь постепенно сблизиться съ Кэтъ и наблюдая за ней.

Скоро онъ замѣтилъ, что и Кэтъ за нимъ наблюдаетъ и, если идетъ на сближеніе, то очень осторожно и нерѣшительно. Эта черта характера Кэтъ его удивила, но, чего онъ не ожидалъ, еще больше огорчила его.

— Вотъ тебѣ и ученая миссъ! Даже не сумѣла внушить Кэтъ любви ко мнѣ!.. — подумалъ онъ, когда дѣвочка, на его вопросъ — любить-ли она его? — почтительно отвѣтила, подумавъ, что она его должна любить, потому что онъ ея отецъ, который, къ тому-же, привезъ ей въ подарокъ изъ Нью-Йорка большую красивую и говорящую куклу.

Въ этотъ моментъ сэръ Смитъ совсѣмъ не подумалъ о томъ, что онъ самъ въ этомъ виноватъ, но вечеромъ онъ долго мѣрилъ по діагонали свой кабинетъ, нервно теребилъ свои рыжіе бакенбарды и въ его душѣ въ первый разъ шевельнулось сознаніе, что интересы своей маленькой Кэтъ онъ до сихъ поръ всегда ставилъ ниже интересовъ своихъ табачныхъ плантацій.

V

Прошло недѣли двѣ...

Сэръ Смитъ, какъ-то, вышелъ послѣ раннего завтрака погулять въ саду.

Было хорошее утро...

Солнечные лучи тонули въ синевѣ какъ-бы уснувшего моря и еще не жгли землю, какъ раскаленнымъ желѣзомъ.

Сэръ Смитъ постоялъ на главной аллеѣ, посмотрѣлъ, какъ за далекимъ горизонтомъ скрылся большой океанскій пароходъ, оставляя за собой

полосу черного дыма, и, обойдя клумбу съ орхидеями, медленно направился въ боковую дорожку.

Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ увидѣлъ на скамьѣ дежурную гувернантку, которая, сидя, дремала съ книгой въ рукахъ, а въ кустахъ желтыхъ акацій, у рѣшетки, окружавшей виллу, онъ замѣтилъ бѣлое платице Кэтъ.

За рѣшеткой, прислонившись къ ней, стояла хорошенькая черноволосая дѣвочка, что-то говорила ей и нѣжно цѣловала ее.

Замѣтивъ отца, Кэтъ испуганно отскочила отъ рѣшетки, а незнакомая дѣвочка убѣжала.

— Почему ты такъ испугалась? — спросилъ сэръ Смитъ свою дочь, ласково глядя ея золотистыя кудряшки.

— Мнѣ миссъ не позволяетъ ни съ кѣмъ разговаривать, когда я гуляю въ саду! — призналась Кэтъ въ смущеніи.

— А что это за дѣвочка?

— Это — Таня... Она наша сосѣдка... Русская.

— Позови ее! Пусть придетъ! — предложилъ сэръ Смитъ.

Кэтъ удивленно посмотрѣла на него изъ-подъ своихъ густыхъ рѣсницъ и стояла въ нерѣшительности.

— Она теперь не придетъ!

— Почему?

— Она будетъ бояться, что меня за это накажутъ... Только она одна меня любитъ!.. — и глаза у Кэтъ наполнились слезами... — Она всегда жалѣетъ меня, — дополнила Кэтъ свои слова и неожиданно съ лаской прижалась къ отцу головой.

Въ этотъ моментъ сэръ Смитъ почувствовалъ, какъ у него къ горлу подкатился горькій клубокъ...

Если-бы въ эту минуту проснулась гувернантка, она увидѣла-бы странную картину.

Сэръ Смитъ, этотъ невозмутимый и чопорный человѣкъ, стоялъ на колѣняхъ, обнявши Кэтъ, и по его лицу текли слезы.

Глаза Кэтъ, тоже наполненные слезами, сіяли счастьемъ...

А изъ за рѣшетки удивленно смотрѣла на нихъ незнакомая дѣвочка и наивно-просительнымъ тономъ все время повторяла: — не плачьте, сэръ! Не надо!.. Она-же васъ любитъ!.. Очень любитъ!.. Увѣрю васъ!.. Она мнѣ это сама говорила!..

VI

Дружба дѣвочекъ, зародившаяся безъ всякаго этикета черезъ ограду, отдѣлявшую владѣнія американскаго милліонера отъ россійской консульской дачи, находившейся рядомъ, въ тѣни столѣтнихъ липъ, привела къ тому, что отцы Тани и Кэтъ, встрѣтившись на морскомъ пляжѣ, познакомились и обмѣнялись официальными визитами.

Воспитанный въ основахъ служебнаго такта, Пѣнскій поставилъ себя въ отношеніи милліонера просто, но съ достоинствомъ, и Смитъ, боявшійся уронить свой престижъ, прочно покоившійся на его милліонахъ, вскорѣ пересталъ считаться посѣщеніями и сталъ часто бывать у Пѣнскаго запросто, на „five o'clock tea“, иногда засиживаясь на консульской дачѣ до поздняго вечера.

Для дѣвочекъ эти „пятичасовые чаи“ были праздниками...

Въ то время, когда отцы, сидя въ саду за самоваромъ, обсуждали рядъ политическихъ вопросовъ, при чемъ Пѣнскій не забывалъ служебныхъ инструкцій о возможной подготовкѣ американскаго общественнаго мнѣнія въ пользу Россіи при предстоящихъ мирныхъ переговорахъ съ Японіей, Таня и Кэтъ играли въ куклы, рылись въ песокъ и бѣгали взапуски съ борзой собакой „Бобомъ“, не обращая вниманія на то, что „Бобъ“ все время хваталъ ихъ за кружевную оборку юбокъ и, прыгая

на нихъ, оставлялъ на ихъ бѣлыхъ платьяхъ слѣды своихъ пыльныхъ лапъ.

Послѣ разговоровъ на политическія темы сэръ Смитъ часто развивалъ свои идеи о богатствѣ...

— Я дѣлю богатства на три категоріи — сказалъ онъ, какъ-то, въ минуту откровенности, послѣ чая, закуривая душистую манильскую сигару производства своихъ собственныхъ плантацій, — первое — это земли, рудники, лѣса и т. п., т. е. все то, что не подлежитъ колебаніямъ цѣнъ, второе — это промышленныя предпріятія: заводы, фабрики и всякія коммерческія общества, доходы съ которыхъ зависятъ отъ различныхъ причинъ и условій, а третье — это богатства, основанныя на спекулятивномъ началѣ, успѣхъ которыхъ часто зависитъ не столько отъ ума и знаній, сколько отъ удачи и счастья.

— Н-да, — замѣтилъ Пѣнскій, подумавъ о томъ, какъ Смитъ, незнавшій чѣмъ можетъ окончиться испано-американская война, бѣшено скупалъ въ 1898 году земли на Филиппинскихъ островахъ.

— Я уже одинъ разъ сильно рисковалъ, — какъ-бы дополнилъ Смитъ мысль Пѣнскаго, — и, вотъ, года два тому назадъ имѣлъ намѣреніе рискнуть вторично...

Пѣнскій насторожился.

— Я хотѣлъ принять участіе въ русскихъ лѣсныхъ концессіяхъ на Ялу.

— Н-да!

— Но, ознакомившись съ этимъ вопросомъ, я увидѣлъ, что держателями паевъ этихъ концессій являются, главнымъ образомъ, крупные чиновники, изъ числа тѣхъ, которые окружаютъ Царя и поэтому я рѣшительно воздержался. Все лучшее, что осталось отъ Императора Александра III, сходило со сцены, а новое... не будемъ о немъ говорить.

Пѣнскій началъ доказывать ошибочность такого взгляда, впадая въ невольное противорѣчіе.

— Оставьте, вы, я убѣжденъ, сами не вѣрите

въ то, что говорите! — сощурилъ свои маленькіе глаза сэръ Смитъ.

— Если бы я не вѣрилъ, я бы ничего не говорилъ! — съ дѣланной запальчивостью произнесъ Пѣнскій.

— О, въ такомъ случаѣ, — вы ошибаетесь!

— Почему?

— Потому что факты говорятъ сами за себя, — концессіи на Ялу привели Россію къ войнѣ...

Сэръ Смитъ поднялся.

Пѣнскій изъ тактическихъ соображеній не продолжалъ дальнѣйшаго разговора.

Сэръ Смитъ подозвалъ къ себѣ Кэтъ.

— Боже мой! На кого ты похожа? — произнесъ онъ съ притворнымъ ужасомъ, разводя руками.

— И что скажетъ дома наша миссъ? — заключилъ онъ со смѣхомъ свои слова, цѣлуя дѣвочку.

VII

Въ началѣ осени Таня и Кэтъ поступили въ одинъ изъ нью-іоркскихъ колледжей, на Третьемъ авеню.

Сэръ Смитъ лично отвезъ свою Кэтъ въ колледжъ и уѣхалъ въ Маниллу.

Въ то время, когда Таня съ сознаниемъ неизбежности быстро приспособилась къ порядкамъ закрытаго учебнаго заведенія, Кэтъ съ трудомъ привыкала къ новымъ условіямъ жизни.

Она не разъ сознавалась Танѣ, что давно убѣждала-бы изъ этой „тюрьмы“, если-бы Таня на это согласилась. Разсудительная дѣвочка приходила въ ужасъ отъ словъ своей живой и легкомысленной подруги...

Полушутя, полусеріозно Кэтъ стала учиться русскому языку. Она оказалась способнѣе, чѣмъ Таня могла предположить.

Кэтъ очень забавляло, когда классныя дамы, не понимая русской рѣчи, снисходительно и до-вѣрчиво улыбались въ то время, когда она учти-вымъ и вѣжливымъ тономъ безбожно бранила ихъ.

Въ эти минуты Таня не знала куда ей дѣ-ваться отъ стыда. Поведеніе Кэтъ не разъ приво-дило ее въ отчаяніе...

Тогда Кэтъ бросалась къ подругѣ на шею, обѣщая исправиться, но въ концѣ концовъ все оставалось по-прежнему, — Кэтъ такъ же шалила, училась плохо и выводила изъ терпѣнія учителей, воспитательницъ и классныхъ дамъ.

Наступила поздняя осень... Пошли дожди... Надъ Нью-Йоркомъ повисли густые туманы... Но, несмотря на погоду, дѣвочекъ ежедневно выводили въ садъ, гдѣ онѣ гуляли парами по мокрымъ и скользкимъ деревяннымъ мосткамъ.

— Ты опять сегодня не знала таблицы умно-женія! Какъ тебѣ, право, не совѣстно? — укоряла Таня Кэтъ, шедшую съ ней въ паркъ.

— Я не могу учиться, когда вспомню про Бостонъ! — отвѣтила Кэтъ съ нотой отчаянія.

— А ты не думай о немъ, — забудь на время! Ну, какъ будто ничего не было!

— Не могу!.. Вѣдь намъ было тамъ такъ хо-рошо и такъ весело, — помнишь въ саду! И какъ плакалъ „Бобъ“, когда мы уѣзжали? Помнишь?.. И папа былъ такой ласковый...

— А сколько у насъ было куколъ? — не удержалась сама Таня отъ пріятныхъ воспоминаній.

— И какой роскошный гардеробъ для нихъ?

— Подумай, — у нихъ были даже бальныя платья! — снова дополнила Таня. — Но нѣтъ, — не будемъ вспоминать всего этого, — вѣдь мы заплачемъ! — спохватилась она рѣшительно.

Кэтъ задумалась...

— Знаешь, Таня, — я начала высчитывать сколько осталось дней и часовъ до Рождества, когда насъ отпустятъ домой — Кэтъ должна была провести Рождество у Пѣнскихъ — и отмѣчаю ихъ въ моей тетрадкѣ палочками. Но палочекъ осталось еще такъ много, такъ много! — закончила она съ грустью.

— Это ничего, Кэтъ! Вѣдь ихъ все время становится меньше!

— Ну, конечно!

— А пока, — намъ нужно учиться и ты, вотъ, постарайся меньше шалить!

— All right! — согласилась Кэтъ и, подпрыгнувъ на одной ногѣ, соскочила съ мостковъ на поблекшую траву.

— Миссъ Смитъ, — вы ведете себя плохо! — слышалось вслѣдъ за этимъ строгое замѣчаніе классной дамы.

VIII

Послѣ выздоровленія отъ раны, Ропшинъ вернулся обратно въ свой полкъ, изъ котораго онъ былъ назначенъ на войну, въ то время, когда, послѣ томительнаго недоумѣнія отъ стрѣльбы на улицахъ, казачьихъ разъѣздовъ, пушекъ, пулеметовъ и вооруженныхъ солдатъ, грѣющихся у костровъ на площадяхъ, — столица освободилась отъ грознаго вида вооруженнаго лагеря и приняла свой прежній обликъ „блистательнаго Санктъ-Петербурга“.

Полкъ встрѣтилъ Ропшина радушно...

Ропшинъ обладалъ тѣмъ характеромъ, который давалъ ему возможность ладить со всѣми людьми, съ которыми ему приходилось встрѣчаться въ жизни.

Въ то-же время онъ близко ни съ кѣмъ не сходился и, не имѣя близкихъ друзей, дружилъ со всѣми.

Въ полку его любили за открытый и веселый нравъ, за богатство и за общественныя связи, и называли „нашъ Васенька“.

Мать Ропшина постоянно жила въ Москвѣ, гдѣ у нее на Поварской былъ собственный особнякъ, доставшійся ей отъ покойнаго мужа.

Въ свое имѣніе — Ячменово, расположенное на линіи Николаевской желѣзной дороги въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, она не ѣдила, потому что въ деревнѣ было еще неспокойно послѣ смуты.

Но Ропшинъ ѣздилъ въ Ячменово часто, осенью — охотиться по „перу“, а зимой — на облавы на волковъ и медвѣдей.

Возвращаясь съ одной изъ такихъ облавъ въ Петербургъ, онъ ѣхалъ въ купѣ недовольный и злой, — на его номеръ, доставшійся ему на опушкѣ мелкаго кустарника въ занесенной снѣгомъ логвинѣ съ многочисленными характерными слѣдами волчьихъ лапъ и казавшійся ему такимъ удачнымъ, ни одинъ звѣрь не вышелъ и въ то время, когда было убито пять матерыхъ волковъ и шесть волчатъ, онъ не убилъ ни одного.

Въ купѣ Ропшинъ былъ одинъ. Онъ растегнулъ тужурку и, доставъ изъ саквояжа французскій романъ, прилегъ на бархатный диванъ.

Чтеніе не шло... Онъ продолжалъ думать о неудачной для него облавѣ, въ ушахъ все еще звучали выстрѣлы сосѣднихъ номеровъ и онъ съ отвращеніемъ видѣлъ передъ собой довольныя лица торжествующихъ охотниковъ, которые, какъ ему казалось, съ сожалѣніемъ смотрѣли на него.

Вскорѣ онъ уснулъ.

Онъ проснулся отъ стука въ дверь. Поѣздъ стоялъ на одной изъ небольшихъ станцій вблизи Петербурга. Въ окно смотрѣли сумерки, но электричество въ вагонѣ еще не горѣло.

Въ купѣ вошли двѣ дамы... Ропшинъ нехотя поднялся.

Онѣ безцеремонно облили его взоромъ своихъ подведенныхъ глазъ и, не снимая шубъ, сѣли противъ.

Ропшинъ искося посмотрѣлъ на нихъ...

— Должно быть какія нибудь „фифочки“! — подумалъ онъ, вспомнивъ полковое „beau mot“ про женщинъ полусвѣта и, отвернувшись, сталъ смотрѣть въ окно, мимо котораго сначала проплыла станція, потомъ — водокачка и дальше пошла снѣжная равнина, кое-гдѣ поросшая мелкимъ кустарникомъ.

Вдали, на горизонтѣ, виднѣлись высокія дымящіяся трубы какой-то фабрики.

„Фифочки“ продолжали, видимо, раньше начатый разговоръ...

Одна изъ нихъ, болѣе развязная, рассказывала другой о походахъ извѣстной петербургской танцовщицы изъ „Альказара“ — Миликетти.

Другая, болѣе скромная, смотрѣла на нее большими черными глазами, въ которыхъ замѣтно читалось смущеніе отъ присутствія посторонняго человѣка, который не могъ не слышать всего того что такъ безцеремонно рассказывала ей подруга.

— Будемъ говорить по французски! — предложила она ей съ тѣмъ акцентомъ, съ какимъ говорятъ бывшія петербургскія модистки большихъ французскихъ магазиновъ, поставляющія въ большихъ городахъ „свободныхъ женщинъ“ высшего полета.

— Зачѣмъ?

— Онъ-же все слышитъ!

— Ну, такъ, что-же? Я люблю учить безусыхъ мальчишекъ! Они, правда, неловки и смѣшны, но за то... потомъ...

— Т-съ!

— Да, что съ тобой, Дора! Этотъ пижонъ можетъ вообразить, что ты воплощенная невинность! Но онъ, даже, на насъ не смотритъ и, право

можно подумать, что онъ не гвардейскій офицеръ, ѣдущій въ отдѣльномъ купѣ съ красивыми женщинами, а какой-то... — и она сдѣлала циничное сравненіе.

Ропшинъ не обратилъ-бы на это сравненіе никакого вниманія, если бы въ интонаціи голоса, какимъ оно было сказано, не чувствовался опредѣленный вызовъ.

Онъ обернулся.

На него смотрѣли прищуренные и дерзкіе безстыдствомъ, наглые глаза и, смотря прямо въ эти глаза, Ропшинъ сказалъ по французски:

— Mademoiselle! Вы, видимо, забываете, что гвардейскій офицеръ, ѣдущій въ купѣ съ красивыми женщинами, имѣетъ право рассчитывать на ихъ скромность.

— Что это значитъ? — спросила женщина вызывающе вскинувъ голову.

— Эго значитъ, что я не хочу быть мишенью вашихъ остротъ!

— Ахъ, такъ! Хорошо! — съ угрозой бросила женщина, быстро поднялась съ мѣста и скрылась въ коридорѣ.

— Боже мой, что это будетъ! Мы много пили, — простите насъ!.. — растерянно заговорила другая женщина, поднявъ на Ропшина свои красивые глаза.

Въ коридорѣ зазвенѣли шпоры и черезъ минуту въ дверяхъ купѣ появился какой-то офицеръ.

При свѣтѣ зажегшагося электричества Ропшинъ увидѣлъ, что это былъ уланъ, но не разбирая полковыхъ кавалерійскихъ цвѣтовъ, онъ не смогъ опредѣлить какого онъ полка. За спиной этого улана стояла женщина и что-то говорила ему.

— На какомъ основаніи вы оскорбляете моихъ дамъ? — въ повышенномъ тонѣ произнесъ уланъ, нервно вздергивая свои пушистые рыжіе усы.

— На какомъ основаніи вы такъ разговариваете со мной? — спокойно отвѣтилъ ему Ропшинъ, продолжая сидѣть.

— Я требую отвѣта!
— А я не желаю вамъ отвѣчать!
Уланъ побагровѣлъ.
— Вы — нахаль! Я васъ проучу!..
Ропшинъ вскочилъ. Кровь бросилась ему въ голову.

— Вы себѣ не отдаете отчета въ своихъ словахъ! Вы — пьяны! — произнесъ онъ, поблѣднѣвъ, раздѣльно и твердо.

Уланъ бросился въ купѣ съ угрожающимъ жестомъ.

Женщина съ черными глазами съ визгомъ повисла у него на рукѣ.

— Я оскорбленъ! Это чертъ знаетъ что такое! — кричалъ уланъ взбѣшеннымъ голосомъ.

— Замолчите!

— Это безобразіе!.. Я требую удовлетворенія!..

— Пожалуйста! — и Ропшинъ вынулъ изъ бумажника свою визитную карточку.

Уланъ сдѣлалъ то же.

— Когда и гдѣ? — произнесъ онъ уже съ театральнымъ пафосомъ.

— Не беспокойтесь, — это рѣшатъ наши секунданты! — отвѣтилъ выдержанно Ропшинъ, сдвинувъ свои тонкія брови, и, стараясь казаться спокойнымъ, сѣлъ на свое прежнее мѣсто.

Повѣздъ входилъ съ грохотомъ въ станціонный тупикъ Николаевского вокзала.

IX

„Вы судите по плоти; Я не сужу
никого“.

Ев. отъ Іоанна 8, 15.

Дѣло о поединкѣ между поручикомъ графомъ Ропшинымъ и уланскимъ штабсъ-ротмистромъ

Несвижскимъ разбиралось въ гвардейскомъ полковомъ судѣ чести, въ которомъ сразу-же возникли споры и разногласія по поводу того, — считать-ли оскорбленіемъ бранныя слова, сказанныя офицеру другимъ офицеромъ въ состояніи опьяненія, т. е. невмѣняемости?

Подъ негласнымъ давленіемъ штабовъ этотъ вопросъ, съ большими треніями, былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что это оскорбленіе, влекущее поединокъ.

Примиреніе сторонъ не состоялось и офицерскій споръ долженъ былъ рѣшиться силой оружія по занесеннымъ въ русскую армію нѣмецкимъ традиціямъ.

Мѣсто, которое было выбрано для поединка, находилось недалеко отъ станціи „Лигово“, въ направленіи Сергіевской пустыни, вблизи проселочной дороги, на полянѣ, среди березоваго лѣса.

До поляны нужно было идти по глубокому снѣгу.

Въ воздухѣ висѣлъ тотъ полупрозрачный туманъ, послѣ котораго обыкновенно бываетъ оттепель.

Падалъ мелкій снѣгъ и морозъ не превышалъ трехъ градусовъ.

Было девять часовъ утра.

Ропшинъ и его два секунданта, однополчане: Щербининъ, — его ротный командиръ, и Дорнъ, его однокашникъ по корпусу, пріѣхали въ возкѣ за четверть часа до назначеннаго срока и находились на полянѣ.

Ропшинъ волновался. Ночью онъ почти не спалъ и уснулъ только къ утру, когда рѣшилъ, что не будетъ стрѣлять первымъ.

Онъ сидѣлъ на срубленномъ пнѣ и курилъ, наблюдая, какъ смѣшно пробирался по сугробамъ снѣга, по лѣсной цѣлинѣ, толстый и неуклюжій полковой докторъ, за которымъ легко шелъ медицинскій фельдшеръ, несшій аптечную сумку съ накрашеннымъ на ней краснымъ крестомъ.

Щербининъ и Дорнъ, въ сторонѣ, раскрывали на снѣгу полированный ящикъ съ пистолетами.

Докторъ приближался къ Ропшину и улыбался ему добродушной улыбкой.

— Вотъ и мы, — началъ онъ дѣланно веселымъ тономъ, отдуваясь и вытирая платкомъ лысину, — и будетъ очень хорошо, если я вамъ не пригожусь!

— Будемъ надѣяться! — отвѣтилъ Ропшинъ. Докторъ помоталъ головой.

— Сознайтесь, графъ, что все это, ей Богу, не остроумно! Остановитесь, пока не поздно!

— Что объ этомъ говорить, милый докторъ! Видите, — ѣдутъ! — отвѣтилъ Ропшинъ, увидя черезъ просѣку двое крестьянскихъ саней, двигающихся по проселку и довольный тѣмъ, что къ нему вернулось спокойствіе.

— Ёдуты! — крикнулъ Дорнъ.

Ропшинъ взглянулъ на браслетные часы. Было четверть одиннадцатаго.

Щербининъ подошелъ къ нему.

— Стрѣляй первымъ на всю дистанцію! Не жди! Онъ, говорятъ, хорошій стрѣлокъ, — совѣтовалъ онъ Ропшину вполголоса то, что мучительно продумалъ, ставя себя на мѣсто Ропшина.

— Тамъ видно будетъ! — далъ Ропшинъ уклончивый отвѣтъ.

Уланы вышли на поляну.

Они издали, отдавъ честь, поклонились Ропшинской группѣ и одинъ изъ нихъ, молодой корнетъ, подошелъ къ Щербинину.

— Просимъ извиненія за опозданіе, — мы поѣхали не по той дорогѣ и заблудились! — сказалъ онъ, прикладывая руку къ козырьку фуражки.

— Мы такъ и думали! — любезно отвѣтилъ ему Щербининъ, который былъ старшимъ изъ секундантовъ и поэтому долженъ былъ руководить дуэлью.

— Всѣ-ли условія, которыя мы выработали остаются въ силѣ? — спросилъ онъ корнета.

— Такъ точно!

— Значить, — можно начинать?

— Такъ точно!

Щербининъ глубоко вздохнулъ... Онъ медленно вышелъ на середину поляны и откашлялся. Потомъ обвелъ всѣхъ строгимъ взоромъ и громко сказалъ, чеканя слова:

— По дуэльному кодексу я дѣлаю послѣднюю попытку къ примиренію сторонъ! — и какъ бы извиняясь за то, что онъ это сказалъ, онъ добавилъ: — это моя обязанность!

— Я не согласенъ! — слышался запальчивый отвѣтъ улана Несвижскаго.

— И я тоже! — спокойно отвѣтилъ Ропшинъ.

Вѣтеръ неожиданно зашумѣлъ по вершинамъ березъ...

Гдѣ то далеко, далеко, со стороны Петергофа, должно быть у Св. Сергія, торжественные удары колокольнаго звона убѣжденно призывали людей къ молитвѣ и всепрощенію.

— Въ виду того, что примиреніе не состоялось предлагаю зарядить пистолеты! — нарушилъ тишину Щербининъ, обращаясь къ секундантамъ, и съ этими словами вынулъ изъ ноженъ свою шашку и воткнулъ въ снѣгъ.

Онъ отмѣрилъ отъ нее поперекъ поляны двадцать шаговъ.

Одинъ изъ молодыхъ уланъ подалъ ему саблю.

Обозначивъ барьеры, Щербининъ отсчиталъ отъ нихъ по десяти шаговъ и утопталъ рыхлый снѣгъ.

— Мѣста для противниковъ будутъ опредѣлены жребіемъ! — объяснилъ онъ сухо.

— Пистолеты заряжены! — доложилъ офиціальнымъ голосомъ Дорнъ.

— Боже мой! Что они дѣлаютъ? — слышались въ морозномъ воздухѣ тихія, но ясныя слова доктора.

Снигири, сидѣвшіе на голыхъ древесныхъ вѣтвяхъ, съ удивленіемъ смотрѣли, какъ на полянѣ

высшія существа, въ которыхъ, изъ всего живущаго на землѣ, только въ однихъ вложено божественное начало, озабоченно дѣлали что то очень важное, чего ихъ снигирный птичій умъ, конечно, понять не могъ.

Ропшину досталось мѣсто подъ номеромъ вторымъ, у барьера, обозначеннаго Щербининской шашкой.

— На послѣдней облавѣ въ Ячменовѣ мнѣ тоже достался номеръ второй! — подумалъ Ропшинъ.

— Нехорошая примѣта! — мелькнуло у него въ умѣ.

Дорнъ передалъ ему заряженный пистолетъ. Волненіе, которое охватило его, когда ему достался второй номеръ, прошло.

Онъ хладнокровно выслушалъ объясненіе Щербинина, что стрѣлять можно по счету „три“ съ мѣста и на ходу и что послѣ выстрѣла стрѣлявшій долженъ подойти къ барьеру, а не стрѣлявшій долженъ стрѣлять съ того мѣста, на которомъ его застанетъ выстрѣлъ противника.

— Разъ, два, три! — раздѣльно выкрикнулъ Щербининъ какимъ-то не своимъ, чужимъ голосомъ.

По счету „три“ Ропшинъ, не сходя съ мѣста, медленно повернулся правымъ бокомъ къ улану и закрылся пистолетомъ, т. е. поднялъ его дуломъ вверхъ на уровень лица и прижалъ локоть къ тѣлу.

Сердце учащенно забилося...

Секунданты удивленно смотрѣли на Ропшина.

Докторъ отвернулся, охвативъ голову руками.

Уланъ поднялъ пистолетъ..

Ропшинъ зажмурился, чтобы не видѣть наведеннаго дула, но ему только казалось, что онъ не видитъ его.

Блестящее стальное отверстіе притягивало, гипнотизировало его и было страшно, спокойно стоять, не шелохнувшись, подъ дуломъ уланскаго пистолета.

— Скорѣе-бы! — дрожали нервы.

Моментъ казался вѣчностью...

Гулко пронесся по лѣсу звукъ пистолетнаго выстрѣла...

Клубъ бѣлаго порохового дыма окуталъ на минуту статную уланскую фигуру.

Стайка красногрудыхъ снигирей испуганно метнулась съ сосѣднихъ березъ.

Ропшинъ зашатался и мягко опустился въ снѣгъ.

Щербининъ и докторъ бросились къ нему.

Онъ былъ блѣденъ и тяжело дышалъ.

— За мной еще остался... мой выстрѣлъ... по праву! — сказалъ онъ злобно.

— Какое ужъ тамъ право, графы! — застоялъ докторъ со слезами въ голосъ, — оставьте, — вы ранены!..

— Не мѣшайте! Уйдите! — раздѣльно, сквозь стиснутые зубы, тяжело проговорилъ Ропшинъ.

Онъ оперся на лѣвую руку и сѣлъ.

Подъ нимъ алѣло на бѣломъ снѣжномъ коврѣ большое кровавое пятно.

— Прошу... къ барьеру! — бросилъ онъ улану и его свѣтло-голубые глаза сдѣлались темными и лицо исказилось страданіемъ...

Уланъ подошелъ къ барьеру и, картинно бравирюя, оперся на саблю...

На его лицѣ блуждала самодовольная улыбка. Вѣтеръ шевелилъ пушистые усы.

Ропшинъ выстрѣлилъ, съ трудомъ удерживая лѣвой рукой равновѣсіе тѣла.

Штабсъ-ротмистръ Несвижскій былъ убитъ наповаль, въ голову.

Ропшинъ долго былъ между жизнью и смертью... Онъ былъ раненъ въ грудь. Въ началѣ Великаго поста онъ выписался изъ клиники, въ которой лежалъ, и уѣхалъ на поправку къ своей матери, въ Москву.

скому Царю, которыя „въ дыму кальяна“ весело танцуютъ „лезгинку“, а у мутнаго Каспія, по степямъ, носятся на полудикихъ коняхъ, какъ южно-американскіе ковбои, полудикіе туркмены, калмыки и киргизы...

Уже было поздно, когда дежурная воспитательница отправила, наконецъ, Таню и Кэтъ въ дортуаръ.

Дортуаръ, слабо освѣщенный зелеными абажурами, крѣпко спалъ...

Кэтъ, ложась спать, увѣряла, что она не заснетъ, не можетъ заснуть, но отъ усталости и сложныхъ переживаній минувшаго дня, сразу заснула, даже не прочитавъ вечернихъ молитвъ передъ Распятіемъ, висѣвшимъ у нее въ изголовьи, и не успѣвъ накинуть на себя ночного пеньюара.

Таня долго не спала... Думы о томъ, что ожидаетъ ее впереди, отгоняли сонъ...

Она нѣсколько разъ подходила къ Кэтъ, садилась къ ней на постель и, когда Кэтъ всхлипывала во снѣ, осторожно цѣловала ея золотистые локоны, разметавшіеся изъ подъ ажурнаго чепчика по влажной отъ слезъ подушкѣ.

XI

Танина жизнь въ Москвѣ потекла совсѣмъ не такъ, какъ Таня ожидала.

Ея тетушка графиня Ропшина принадлежала къ типу тѣхъ больныхъ женщинъ, которыя ставили условности и предрасудки того общества, въ которомъ онѣ вращались, выше здравыхъ понятій о жизни, и поэтому сами были рабынями этого общества и не могли выйти изъ заколдованнаго круга. Танѣ было очень трудно примѣняться къ этому кругу.

Все до крайности удивляло ее... Начиная с того, почему в России все люди делятся на знатных и незнатных и кончая тем, почему она не может выходить на улицу без сопровождения горничной, — к этому она не могла привыкнуть.

Когда отец привез Таню в Москву, он поместил ее в одну из частных женских гимназий на Лубянке, в которой директором был его старинный петербургский знакомый, и с осени Таня стала ездить в гимназию в старой карете, ровесниц графини, с новыми позолоченными гербами на каретных дверцах и с лифрейным лакеем на козлах.

После отъезда Танинаго отца графиня взяла ее из гимназии... Она нашла, что ее племянница не может учиться с дочерьми всяких разночинцев, — что это неприлично, что она неизбежно приобретет там дурные манеры или, что самое опасное, заразится там вольнодумными идеями.

Это последнее было у графини *idée fixe* и она боялась этого не меньше, чем мышей и крыс, при виде которых с ней делалось дурно и тогда ей даже не помогало изящный флакончик с английскими солями, который она всегда имела при себе.

За свое короткое пребывание в гимназии, Таня подружилась ближе, чем с другими, с одной из своих одноклассниц Настей Суконниковой, дочерью костромского купца, а на одном из литературных утр познакомилась с ее братом, студентом-медиком, сдававшим государственные экзамены и надвующимся остаться при университете и защищать диссертацию.

Веселый, живой и остроумный Иван Суконников, молодой человек того русского типа, который до последнего времени сохранился в костромских лесах и старовѣрческих скитах по течению Ветлуги, невольно обратил на себя внимание Тани, тем более, что его сестра успела передать ей, хотя и под „страшным“ секретом,

что Ваня влюбился въ нее съ перваго знакомства и теперь, сидя въ своей горницѣ за „Анатоміей“ не учится, а напѣваетъ: „въ одномъ селѣ Ванька жилъ, Ванька Таньку полюбилъ!..“

Таня была очень горда своей первой побѣдой, но не показала вида.

Она только засмѣялась и просила Настю передать брату, чтобы онъ, вмѣсто глупыхъ пѣсенъ, старательно занимался, чтобы не провалиться на экзаменахъ.

Это было передано Ивану Суконникову тоже въ соответственной редакціи.

Послѣ того, какъ графиня взяла Таню изъ гимназіи, къ ней начали пріѣзжать на домъ учителя, чтобы подготовить ее къ веснѣ, къ выпускнымъ экзаменамъ, со своимъ классомъ.

Времени оставалось не такъ много, курсъ былъ большой и ученіе занимало все время...

XII

— Знаешь, Таня! Къ намъ скоро долженъ пріѣхать Васенька... Можетъ быть даже къ Пасхѣ! — сказала графиня, входя къ Танѣ въ будуаръ, гдѣ Таня, полулежа на кушеткѣ, читала Бѣлинскаго.

— Я очень рада! — любезно произнесла Таня, въ душѣ недовольная тѣмъ, что графиня своими разговорами не даетъ ей готовить уроковъ.

Она встала и заложила въ книгу закладку.

— Сиди, сиди... Я только хотѣла показать тебѣ мое новое платье, — полуобернувшись графиня къ Танѣ, — не правда-ли, очень стильно и *comme il faut*?

Графиня была въ глухомъ черномъ платьѣ и безъ драгоценностей, кромѣ фамильныхъ жемчужовъ на груди, потому что былъ Великій постъ. Платье со вкусомъ облегалo ея располнѣвшую

фигуру, было хорошо сшито и изящно своей строгой простотой.

— Я ничего не могу сказать противъ, — мнѣ оно очень нравится, — согласилась Таня.

— И знаешь, гдѣ оно сшито?.. Въ Москвѣ! Да, въ Москвѣ! Теперь, право, можно одѣваться не въ Парижѣ! — произнесла графиня такимъ разочарованнымъ тономъ, какъ будто ей было очень досадно, что московскіе портные могутъ шить платья не хуже Пакэна.

Графиня опустила въ кресло.

— Однако, сколько лѣтъ ты не видѣла Васеньки? — спросила она Таню, разглядывая въ лорнетъ влюбленнымъ взоромъ портретъ своего сына, стоящій рядомъ на этажеркѣ, — лѣтъ десять?

— Нѣтъ, двѣнадцать!

— О, теперь ты его совсѣмъ не узнаешь! Теперь онъ уже гвардейскій штабсъ-капитанъ... На виду!.. На Рождество онъ не могъ пріѣхать, — вѣдь онъ каждый вечеръ былъ занятъ! Что дѣлать? — вздохнула графиня, нюхая соль, — это та-же служба, — *Noblesse oblige!* Онъ даже дирижировалъ на придворномъ балу... — и графиня стала мечтать вслухъ о томъ, какую карьеру сдѣлаетъ Васенька, благодаря знакомствамъ.

Таня слышала объ этомъ много разъ, эго начинало ей надоѣдать и какое-то недоброжелательное чувство къ Васенькѣ овладѣвало ею всегда послѣ этого.

Такъ было и на этотъ разъ.

— Что это за книга, которую ты читаешь? — спросила графиня послѣ своихъ мечтаній, бросивъ взглядъ на кушетку.

— Это Бѣлинскій.

— Кто такой — Бѣлинскій?

— Писатель.

— Романистъ?

— Нѣтъ, критикъ.

— Не люблю я критиковъ, они только всѣхъ осуждаютъ, а сами...

А это что? — снова спросила графиня, взглянув на угловой столикъ.

— Это — Алгебра... Я уже ее прошла...

По лицу графини скользнула тѣнь неудовольствия.

— Я не понимаю твоего отца, который разрѣшаетъ тебѣ учиться... Я бы ни за что не позволила! Ты молода, красива, имѣешь средства, приходишь изъ хорошей фамиліи... Зачѣмъ тебѣ всѣ эти науки. Только одна блажь, совсѣмъ ненужная для замужества... А вотъ эта изящная книжка въ золоченомъ переплетѣ, рядомъ? Тоже учебникъ?

— Нѣтъ, это дневникъ моей подруги Кэты!

— Этой американской миллионерши?

— Да.

— Что-же она въ немъ пишетъ?

— Описываетъ свою однообразную жизнь въ колледжѣ... Послѣ колледжа она собирается ѣхать въ Маниллу, гдѣ у ея отца имѣется дворецъ...

— Дворцы имѣются только у владѣтельныхъ особъ, а онъ хотя и богачъ, но даже не дворянинъ! — съ презрительной гримасой произнесла графиня и взглянула въ окно.

У подъѣзда стояла Ропшинская карета. Кучеръ сидѣлъ на козлахъ, одѣтый по великопостному, по-московски, не въ армякѣ, а въ обыкновенной поддевкѣ. Ливрейнаго лакея рядомъ съ нимъ не было.

Графиня поцѣловала Таню въ лобъ и уѣхала на благотворительный базаръ.

Таня посмотрѣла, какъ карета отъѣхала отъ дома, какъ городской, на углу, вытянувшись, отдалъ ей честь и какъ она скрылась за поворотомъ улицы.

Таня взобралась съ ногами на кушетку, взяла въ руки Бѣлинскаго и случайно открыла главу о Пушкинской поэзіи.

— „Стихъ Пушкина“, — начала она читать, — „можно сравнить съ красотою чело-

вѣческихъ глазъ, оживленныхъ чувствомъ и мыслию; отнимите у нихъ оживляющее ихъ чувство и мысль — они останутся только красивыми, но уже не божественно-прекрасными глазами...”

...и неожиданно передъ Таней появились веселые и чистые глаза Ивана Суконникова, „оживленные чувствомъ и мыслию“...

Она вспомнила, что въ послѣднее время она часто встрѣчалась съ нимъ, то въ церкви, то на улицѣ, и даже одинъ разъ онъ оказался у подъѣзда, когда она садилась съ теткой въ карету, чтобы ѣхать въ театръ.

Сердце ей подсказывало, что это не случайность.

ХІІІ

Казачекъ постучалъ въ дверь молельной, — угловой комнаты, увѣшанной по стѣнамъ образами, въ которой пахло розовымъ масломъ, кипарисомъ и чадомъ отъ лампадъ.

Въ восточномъ углу помѣщался большой кіотъ съ иконой Божіей Матери „Утоли моя печали“, съ коврикомъ передъ ней, на которомъ по утрамъ, „отъ сна возставъ“ и вечеромъ, „отходя ко сну“, молилась графиня.

— Кто тамъ? — спросила она недовольнымъ голосомъ, продолжая подливать масло въ неугасимую лампаду передъ образомъ св. Ильи Пророка, вдѣланнаго въ нишу.

— Это я, — Прохорка! — пропищалъ казачекъ, почесывая затылокъ.

— Что такое?

— Нѣкій студентъ спрашиваетъ... Говорить, — по дѣлу!..

Графиня не сразу вспомнила, почему могъ придти по дѣлу студентъ...

Наканунѣ Танинъ учитель посовѣтовалъ графинѣ пригласить къ Танѣ репетитора по русскому языку, для упражненій, передъ экзаменами, въ диктантъ и классныхъ сочиненіяхъ.

Графиня, скрѣпя сердце, согласилась и учитель обѣщалъ прислать подходящаго и опытнаго студента.

Когда графиня вошла въ кабинетъ, стоявшій у двери сутуловатый студентъ неловко поклонился ей бокомъ.

Она окинула его пристальнымъ взглядомъ.

Его изможденное и худое лицо было блѣдно, впалые глаза смотрѣли грустно и онъ нервно пощипывалъ свою рѣдкую курчавую бородку.

Онъ былъ одѣтъ въ поношенную и вытертую тужурку, на которой, какъ сразу замѣтила графиня, не хватало двухъ пуговицъ.

— Я — репетиторъ! — сказалъ онъ тихимъ голосомъ заранѣе приготовленные слова.

Графиня посмотрѣла ему въ ноги, на которыхъ были одѣты высокіе стоптанные сапоги съ порыжѣлыми голенищами.

— Знаете... произошло недоразумѣніе... теперь репетиторъ не нуженъ... — слукавила она, удивляясь учителю, который посмѣлъ прислать къ ней такого „санкюлота“.

— Значить, — я опоздалъ, — сказалъ тихо студентъ, — а я такъ надѣялся, — плата за ученіе не внесена, денегъ нѣтъ... Ахъ, впрочемъ это вамъ все равно! — и онъ, безнадежно махнувъ рукой, сдѣлалъ движеніе уйти.

Неожиданно для самой себя, графиня остановила его.

— Откуда вы?

— Я — калужскій... Моя фамилія — Синайскій... Меѳодій Синайскій — добавилъ онъ. — Мой отецъ — псаломщикъ... надъ покойниками читаетъ...

у него насъ, дѣтей, десять душъ... Многовато, знаете — усмѣхнулся онъ горько однимъ угломъ рта.

Графиня задумалась.

— Я имѣю солидныя рекомендаціи...

— Я вѣрю! Конечно!.. — перебила его графиня.

Студентъ замялся.

Онъ опять бокомъ поклонился графинѣ и вышелъ. Прохорка проводилъ его до прихожей.

Когда за студентомъ закрылась дверь, графиня подскѣла къ письменному столу, открыла боковой ящикъ и вынувъ изъ шкатулки корельской березы съ серебряными инкрустаціями двѣ сторублевки, вложила ихъ въ конвертъ. Потомъ она оторвала отъ блокнота листъ бумаги и, написавъ на немъ своимъ крупнымъ и острымъ почеркомъ: „прилагается отъ студента Меѳодія Синайскаго въ счетъ платы за ученіе“, соединила листья металлическаго ландыша, служившаго ей настольнымъ электрическимъ звонкомъ.

Черезъ минуту вошелъ выѣздной лакей.

— Университетъ знаешь? — спросила его графиня, вкладывая записку въ конвертъ.

— Это который на Волхонкѣ? — Знаю.

— Найди тамъ казначея и передай этотъ конвертъ, а, если спросить отъ кого, не говори! Понялъ?

— Понялъ.

— Иди!

Графиня возвратилась въ молельную...

Черезъ полчаса Прохорка снова стоялъ у дверей и своимъ пискливымъ голосомъ снова докладывалъ, что пришелъ еще одинъ студентъ.

Когда на этотъ разъ графиня вошла въ кабинетъ, у письменнаго стола стоялъ высокій молодой человѣкъ въ форменномъ студенческомъ сюртукѣ, плотно облегавшемъ его стройную фигуру, держа фуражку лѣвой рукой въ бѣлой перчаткѣ за козырекъ.

Студентъ издали вѣжливо поклонился ей.

— Этотъ, кажется, подходитъ, — подумала про него графиня, когда онъ въ вѣжливыхъ выраженіяхъ объяснилъ, что желалъ бы быть репетиторомъ именно въ домѣ графовъ Ропшиныхъ, потому что это для него особенная честь.

Графиня осталась очень довольна такимъ объясненіемъ и не обратила вниманія на улыбку, промелькнувшую по лицу студента, которую онъ поторопился скрыть въ темной полоскѣ обозначившихся усовъ.

— Я, конечно, не сомнѣваюсь въ томъ, что вы имѣете хорошія рекомендаціи, но не безпокойтесь!.. — остановила она студента, намѣревавшася достать рекомендательныя письма изъ внутренняго кармана сюртука, — я своимъ глазамъ вѣрю больше, чѣмъ писаннымъ документамъ!.. Приступимъ къ дѣлу... Вамъ придется заниматься съ моей племянницей. Она недавно пріѣхала изъ Америки и не очень грамотно пишетъ по-русски, а въ гимназіи почему-то требуютъ, чтобы она писала безъ ошибокъ... Какъ будто это такъ важно! Но не въ этомъ дѣло... Моя племянница не можетъ не выдержать экзамена! — произнесла графиня раздѣльно. — Вы понимаете, — не можетъ не выдержать! — повторила она еще разъ.

Студентъ легкимъ наклоненіемъ головы поспѣшилъ съ этимъ согласиться.

— Теперь намъ нужно выяснить вопросъ относительно гонорара, — вы будете получать столько, сколько получаютъ всѣ учителя, которые приходятъ ко мнѣ въ домъ на уроки. Вы согласны?

— Вполнѣ, графиня.

— Въ такомъ случаѣ... Прохорка! — обернулась графиня къ двери, — попроси сюда барышню!

Когда Таня вошла въ кабинетъ, она съ трудомъ удержалась, чтобы не выдать себя отъ неожиданности: передъ ней стоялъ Иванъ Суконниковъ.

На Крестопоклонной недѣлѣ графиня собиралась ѣхать на вечернюю службу въ Донской монастырь. Въ прихожей она случайно встрѣтилась съ Суконниковымъ.

— Я рѣдко видѣла такихъ молодыхъ людей, какъ вы, которые такъ добросовѣстно относятся къ своимъ обязанностямъ, — сказала она ему одобрительно. — Вѣдь вы иногда приходите заниматься съ вашей ученицей по два раза въ день! Это очень похвально, я очень вами довольна...

— Я несказанно польщенъ, графиня! — поклонился Суконниковъ и почтительно поцѣловалъ милостиво протянутую ему руку.

XIV

Зима прошла... Метели и вьюги отколдовали и лѣсъ шумѣлъ, сбрасывая съ себя послѣдніе снѣжные покровы... На рѣкахъ прошелъ ледъ... Наступилъ богатый своими прозрачно-туманными далями апрѣль...

Хотя весь домъ уже давно ждалъ Васеньку и готовился къ этому событію, но онъ пріѣхалъ неожиданно, рано утромъ, съ курьерскимъ поѣздомъ, въ Страстную пятницу.

Въ это время графиня, въ утреннемъ капотѣ и въ папильоткахъ подъ ночнымъ чепчикомъ, молилась въ молельной.

Она торопливо положила всѣ уставные поклоны молитвы Ефрема Сирина и, уже не думая о томъ, чтобы ей дано было узрѣть свои прегрѣшенія, бросилась къ сыну, на отведенную ему половину дома.

Таня изъ своей спальни слышала суету, разительно-веселый смѣхъ Васеньки и хлопанье дверьми, когда вносили чемоданы...

Она уже больше не могла уснуть и въ полудремотѣ вспоминала, какъ она съ Кэтъ плакала, когда Васенька былъ раненъ въ Русско-Японскую войну и какъ Кэтъ назвала въ честь его графомъ Ропшинымъ одну изъ своихъ любимыхъ куколъ, изображавшую англійскаго драгуна въ полной парадной формѣ...

На этомъ мысль о немъ оборвалась... Другой образъ заслонилъ все...

Танѣ ясно представилось застѣнчивое и счастливое лицо своего любимаго, когда онъ единственный разъ нѣжно поцѣловалъ ее въ щеку у родимаго пятнышка...

Она сладко потянулась, довѣрчиво улыбнулась милому призраку и вздохнула, зажмуривъ глаза, полной грудью... Потомъ, — рѣшительно сбросивъ съ себя пуховое одѣяло, стала одѣваться...

Когда она вошла въ столовую, графиня и Васенька сидѣли за чайнымъ столомъ. Васенька намазывалъ филипповскій калачъ свѣжей зернистой икрой, а графиня, сидя за самоваромъ, не спускала съ сына влюбленнаго материнскаго взора.

Васенька отложилъ калачъ и, застегивая на себѣ тужурку, несмотря на то, что подъ ней былъ бѣлый пикейный жилетъ, поцѣловалъ у Тани руку и сталъ ей говорить „ты“, быстро опредѣливъ этимъ ихъ взаимоотношенія двоюродныхъ брата и сестры.

Таня нашла, что онъ совсѣмъ не такой, какимъ она его себѣ представляла по рассказамъ графини.

Въ его добродушно-простомъ обращеніи не было ничего заносчиваго, что говорило бы о самовлюбленности и карьеризмѣ. Наоборотъ, — въ немъ чувствовался тотъ типъ русскаго барства, который уходитъ въ прошлое.

За чаемъ разговоръ коснулся нью-іоркскаго колледжа и Таня упомянула про Кэтъ.

— Это твоя американская подруга, — спросилъ Васенька.

— Да.
— Навѣрное она очень неинтересная, потому что двѣ хорошенькихъ женщины не могутъ дружить!
— Почему?
— Такъ принято думать!
Таня обидѣлась за Кэтъ..
— Чтобы сказать мнѣ пріятное ты не щадишь Кэтъ. Это уже несправедливо!.. Наоборотъ, она очень миленькая... У нее золотистые волосы..
— Скажи прямо, — рыжекудрая Діана!
— Да... Впрочемъ, не совсѣмъ... Именно золотистая...

Послѣ чая графиня съ Васенькой собрались ѣхать къ Депре, чтобы заказать вина къ Пасхальному столу.

Таня не могла ѣхать, потому что у нее былъ урокъ.

Передъ отъѣздомъ Васенька зашелъ къ Танѣ въ будуаръ, чтобы узнать какія конфеты она предпочитаетъ другимъ.

Онъ крѣпко пожалъ Суконникову руку и весело спросилъ его, шутя, — доволенъ-ли онъ своей ученицей и заслуживаетъ-ли она своимъ прилежаніемъ засахаренныхъ каштановъ отъ Абрикосова?

Суконниковъ въ томъ же веселомъ и шутливомъ тонѣ отвѣтилъ ему, что его ученица такъ прилежна, что ей слѣдуетъ привезти не одну, а двѣ такихъ коробки...

Танѣ показалось, что Васенька зашелъ къ ней не только ради конфетъ.

XV

Дачный поѣздъ Балтійской желѣзной дороги съ большимъ быстроходнымъ коломенскимъ паровозомъ, остановившись въ пути только на минуту

у Лигова, подлетѣлъ къ Красному Селу и со скрежетомъ остановился у станціи.

Суконниковъ вышелъ изъ душнаго вагона на платформу.

Онъ былъ въ бѣломъ кителѣ и въ лѣтней фуражкѣ, держа легкую накидку переброшенной черезъ руку.

Къ нему торопливой походкой приближался графъ Ропшинъ.

— Очень радъ васъ видѣть! — говорилъ онъ привѣтливо, здороваясь съ Суконниковымъ, — ваша вчерашняя телеграмма о вашемъ прїѣздѣ по неотложному и экстренному дѣлу, меня, признаюсь, немного встревожила, но теперь я вижу по вашему лицу, что ничего особеннаго не произошло... Не такъ-ли?

— И да, и нѣтъ... — уклончиво отвѣтилъ ему Суконниковъ, и въ то время, когда они вмѣстѣ медленно направлялись въ станціонное зданіе, онъ въ смѣшливомъ тонѣ разсказалъ, какъ онъ въ Петербургѣ сѣлъ по ошибкѣ не въ тотъ поѣздъ и спохватился только въ послѣднюю минуту.

— Что, всетаки, означаетъ его неожиданный прїѣздъ? — думалъ Ропшинъ. — Что ему надо?..

Этотъ вопросъ занималъ его даже ночью, когда онъ находился со своей полуротой въ „сторожевкѣ“ у Пулковской обсерваторіи, ожидая наступленія маневрировавшихъ Императорскихъ стрѣлковъ.

— Вы обѣдали? — спросилъ онъ Суконникова, когда они заняли отдѣльный столикъ у окна въ буфетномъ залѣ и къ нимъ подбѣжалъ лакей-татаринъ.

— Спасибо. Я позавтракалъ въ Петербургѣ...

— Тогда выпьемъ вина!

— Съ удовольствіемъ!

Ропшинъ заказалъ подогрѣтую бутылку „Пон-тэ-Канэ“, фрукты и сладкое.

— Вы мнѣ разрѣшите, графъ, сразу приступить къ дѣлу? — помолчавъ спросилъ Суконниковъ,

пригладивъ обѣими руками свои волнистые волосы.

— Пожалуйста! Я весь къ вашимъ услугамъ! А потомъ, я надѣюсь, вы зайдете ко мнѣ въ лагерь... тутъ недалеко...

— Я не могу... Мнѣ нужно торопиться обратно въ Москву... Вы меня извините, — я не успѣю! — сталъ одговариваться Суконниковъ отъ посѣщенія офицерской среды.

Ропшинъ не настаивалъ...

Онъ налилъ Суконникову и себѣ по стакану вина и пододвинулъ къ нему вазу съ фруктами.

— Я слушаю! — сказалъ онъ Суконникову, чокнувшись съ нимъ.

Суконниковъ сдѣлалъ нѣсколько глотковъ вина и выдержалъ небольшую паузу.

— Когда вы были на Пасху въ Москвѣ, — началъ онъ, — вы, какъ мнѣ казалось, замѣтили, что между мной и Таней установились болѣе близкія отношенія, чѣмъ между репетиторомъ и ученицей...

— Замѣтилъ, но не придавалъ этому никакого значенія, — откровенно признался Ропшинъ.

— Это только доказываетъ, что любовь скрытна... Я сдѣлался Танинымъ репетиторомъ съ исключительной цѣлью видѣть ее и дышать съ нею однимъ воздухомъ... Графиня ничего не подозрѣвала. Она, видимо, не допускала мысли, чтобы какой-то студентъ могъ полюбить ее родную племянницу и пользоваться взаимностью и не хотѣла знать, что каждый человѣкъ, независимо отъ своего происхожденія, имѣетъ сердце...

— Я принадлежу къ купеческому сословію. Мои родители патріархальны, религіозны и почти неграмотны, но я ихъ благословляю за то, что они съ дѣтства внушили мнѣ живыя представленія о честности, правдѣ и добрѣ...

— Я съ рѣдкой для купеческаго мальчика настойчивостью поступилъ въ гимназію и вотъ

теперь окончилъ университетъ съ медалью и заграничной командировкой на годъ.

— И я сказалъ себѣ, что я Тани никому не отдамъ! — произнесъ Суконниковъ рѣшительно и твердо.

— Это легко сказать! — подумалъ Ропшинъ, очищая сочную „дюшессъ“ и осторожно кладя себѣ въ ротъ съ кончика десертнаго ножа ея душистый ломтикъ.

— И я это выполнилъ! — такъ же твердо дополнилъ Суконниковъ.

Ропшинъ вопросительно поднялъ на него глаза.

— Я женился на Танѣ.

Ропшинъ даже приподнялся отъ неожиданности.

— Вы... на Танѣ? — переспросилъ онъ удивленно.

— Я обвѣнчался съ Таней по всѣмъ правиламъ... Въ церкви, со священникомъ, съ шаферами и даже съ цѣлой оранжереей цвѣтовъ, но, къ сожалѣнію, безъ разрѣшенія графини...

— Это уже конечно! — засмѣялся Ропшинъ. — Что-же? Я искренно поздравляю васъ и Таню, и вѣрю, что Таня съ вами будетъ счастлива!.. — и онъ постучалъ ножомъ по фарфоровому краю тарелки.

Отъ буфета подбѣжалъ татаринъ.

— Заморозъ намъ „Поммери“!.. Вы какое пьете — сек или *demi-sec*? — обернулся Ропшинъ къ Суконникову.

Я, собственно, предпочитаю шампанскому московскій квасъ!

— Но ради такого случая!

— Лучше сухое!

— А теперь расскажите, какъ все было! Вѣдь это какая-то сказка...

Суконниковъ продолжалъ...

— Нашей нирваны больше нѣтъ! — сказала я Танѣ, когда она вернулась домой послѣ послѣдняго сданнаго экзамена.

— Да, — согласилась Таня, — и что будетъ дальше я не знаю! Мнѣ даже страшно подумать!..

— Я же смѣло смотрѣлъ впередъ, потому что наступилъ тотъ моментъ, который долженъ былъ рѣшить мою и Танину судьбу. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ того дня, когда графиня пригласитъ меня въ свой кабинетъ, чтобы въ послѣдній разъ поблагодарить меня за Танины успѣхи и уплатить гонораръ. Я рѣшилъ тогда-же объяснитьсь съ ней.

— Не скрою, что я дѣлалъ этотъ шагъ, какъ шахматистъ дѣлаетъ первый ходъ гамбита въ началѣ игры, не зная точно, какъ на него отвѣтитъ партнеръ, или какъ человѣкъ, который очень чего нибудь хочетъ и надѣется на чудо... И этого чуда не случилось!

— Графиня не нашла словъ, чтобы выразить мнѣ свое негодованіе и, въ концѣ концовъ, предложила мнѣ немедленно покинуть ея домъ или, говоря проще, выгнала меня.

— Вечеромъ она сдѣлала Танѣ бурную сцену, къ которой я Таню, на всякій случай, заранѣе подготовилъ.

— Такимъ образомъ, точка надъ „і“ была поставлена... Все шло нормально!..

— Ну, какъ сказать! — покачалъ головой Ропшинъ, въ душѣ недовольный на мать, которая не сумѣла избѣжать такого драматическаго эпизода.

Настойчивость Суконникова, наоборотъ, ему положительно нравилась, а его поступленіе въ ех-репетиторы „съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ“ представлялось веселымъ французскимъ водевилемъ въ духѣ эпохи короля Людовика XV.

— Настоящая комедія Бомаршэ! — подумалъ Ропшинъ, когда лакей, священнодѣйствуя, поставилъ около стола серебряное ведро со льдомъ, въ которомъ лежала золоченая бутылка.

Въ то время, когда лакей осторожно вынималъ изъ бутылки накрахмаленной салфеткой тугую пробку и Ропшинъ наблюдалъ за тѣмъ, чтобы она не выстрѣлила въ потолокъ, что когда-то было въ модѣ, а теперь считалось невѣжествомъ, Суконниковъ, полуобернувшись, смотрѣлъ въ открытое окно, изъ котораго виднѣлись по гребню пологого зеленого холма березовыя рощи гвардейскаго лагеря...

Платформа была пуста...

Только желѣзнодорожный солдатъ стоялъ на вытяжку на краю ея и размѣренно-гулко звенѣли по асфальту шпоры станціоннаго жандарма.

— Ваше и Танино здоровье! — высоко поднимая Ропшинъ свой бокалъ съ пѣнисто-золотистымъ виномъ.

— Ваше и графини! — ему въ тонъ весело отвѣтилъ Суконниковъ съ той улыбкой русскаго добродушія, отъ которой его лицо сдѣлалось открытымъ и особенно привлекательнымъ.

И они оба выпили свои бокалы до дна.

Дальше Суконниковъ разсказалъ, какъ онъ уговорилъ Таню рѣшиться на вѣнчаніе; какъ они для этого выбрали день, когда въ гимназіи долженъ былъ состояться выпускной актъ; какъ графиня привезла въ этотъ день Таню въ гимназію и сама поѣхала къ Мюрь и Мерелизу, сказавъ, что за Таней пришлетъ карету; какъ послѣ полученія своего аттестата Таня выбѣжала на крыльцо и они въ автомобиль поѣхали за Калужскую заставу, гдѣ знакомый священникъ ихъ обвѣнчалъ безъ соблюденія необходимыхъ формальностей и какъ они послѣ вѣнчанія вернулись въ гимназію, гдѣ еще не закончилось литературно-музыкальное утро, послѣ официальной раздачи аттестатовъ окончившимъ гимназисткамъ.

— Изъ гимназіи я усадилъ свою жену въ карету и она уѣхала къ себѣ въ свой дѣвичій будуаръ, а я — домой, въ Замоскворѣчье.. — грустно дополнилъ свой разсказъ Суконниковъ. — Весь этотъ вечеръ я провелъ одинъ, не желая никого видѣть и ни съ кѣмъ говорить. Мнѣ было досадно и жалко, что приходится таиться и притворяться, когда все кругомъ такъ ясно и легко и когда можно было быть такъ безконечно счастливымъ! Меня мучило сознаніе, зачѣмъ я отпустилъ Таню и мнѣ все казалось, что она перестанетъ меня любить за это и недовольна мной... На другой день я поѣхалъ къ графинѣ, чтобы откровенно ей все разсказать.

— Уѣзжая изъ дома, я случайно взглянулъ на себя въ зеркало и только тогда понялъ, по своему виду, какъ я волнуюсь. Чтобы взять себя въ руки, я часть пути прошелъ пѣшкомъ.

— Графиня меня не приняла...

— На завтра я сдѣлалъ ту-же попытку и такъ-же неудачно. Вечеромъ я съ трудомъ упросилъ свою сестру Настю съѣздить къ Танѣ и переговорить съ ней.

— Я ѣду точно преступница какая-то, и, если я тамъ встрѣчусь съ графиней, я прямо скажу, что я твоя сестра! — заявила она мнѣ передъ отъѣздомъ.

— Но, къ счастью, она графини у Тани не видѣла и привезла мнѣ нѣсколько Таниныхъ совъѣтовъ, изъ которыхъ я воспользовался тѣмъ, который привелъ меня къ вамъ, въ Красное Село.

— И отлично сдѣлали! — сказалъ графъ Ропшинъ, съ видимымъ наслажденіемъ допивая небольшими глотками играющее топазами вино.

Въ это время въ вокзалъ ворвалась трескучая мѣдь кавалерійскаго оркестра. Вблизи, пересѣкалъ желѣзную дорогу гусарскій полкъ на вороныхъ лошадяхъ.

— Это Елисаветградцы готовятся къ смотру Своего Шефа, — пояснилъ графъ Ропшинъ. —

Говорятъ, что на парадѣ Сама Великая Княжна*) проведетъ Свой полкъ передъ Государемъ! — дополнилъ онъ свои слова съ торжественностью въ голосъ.

Суконниковъ съ любопытствомъ наблюдалъ, какъ воронье эскадроны, на пригоркѣ, одинъ за другимъ исчезали въ густой тучѣ сѣрой пыли, изъ которой, временами рѣзко вырывались, какъ голуби изъ садка, отдѣльныя ноты полкового марша, но всѣ его думы были далеко въ Москвѣ, около молодой жены.

XVII

„Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“.

— Итакъ, — диспозиція готова! Остается привести ее въ исполненіе... — весело сказалъ Ропшинъ Суконникову, когда обратный петербургскій поѣздъ вынырнулъ изъ віадукъ со стороны Дудергофа и паровозъ, выпустивъ клубъ бѣлаго пара, далъ протяжный свистокъ.

Суконниковъ намѣревался отвѣтить Ропшину любезной фразой, но, не найдя для передачи своего настроенія подходящихъ словъ, только крѣпко пожалъ ему руку.

Поѣздъ, простоявъ въ Красномъ Селѣ одну минуту, судорожно рванулся съ мѣста, быстро прибавляя ходъ и стройная фигура Ропшина, стоявшая на платформѣ, стала быстро уменьшаться въ размѣрахъ и вскорѣ совсѣмъ скрылась изъ поля зрѣнія Суконникова, заволоченная паровознымъ дымомъ.

*) Ольга Николаевна.

Большая часть пассажировъ вагона, въ который сѣлъ Суконниковъ, были офицеры.

Они оживленно говорили о предстоящихъ скачкахъ, упоминая фамиліи офицеровъ-спортсменовъ, и называли цѣлый рядъ лошадей съ англійскими именами.

Многихъ техническо-спортивныхъ словъ Суконниковъ совсѣмъ не понималъ.

Онъ забился въ уголъ вагона...

Въ окнѣ мелькали кочковатыя торфяныя болота съ тощими чахлыми березками и плакучія ивы у полотна...

„Диспозиція“, о которой говорилъ Ропшинъ при прощаніи, состояла въ томъ, что онъ попроситъ графиню, чтобы она, на время своей поѣздки за границу, на воды, въ Висбаденъ, куда она ѣздила каждую осень, оставила Таню въ деревнѣ, потому что онъ самъ хочетъ пріѣхать въ деревню отдохнуть и поохотиться, а иначе не пріѣдетъ.

— Съ отъѣздомъ татап все само собой образуется и дальнѣйшіе переговоры съ ней я беру на себя! — сказалъ Ропшинъ. — Это святая ложь для ея же пользы! — добавилъ онъ такъ задушевно и тепло, что въ душѣ Суконникова всѣ надежды и счастье слились въ одно торжественное чувство и все кругомъ стало свѣтло и радостно...

Съ этимъ чувствомъ Суконниковъ пріѣхалъ въ Петербургъ, переѣхалъ съ Балтійскаго вокзала на Николаевскій и вечеромъ уѣхалъ въ Москву.

Въ августъ все, дѣйствительно, „образовалось“, но совсѣмъ не такъ, какъ это предполагали Ропшинъ и Суконниковъ.

XVIII

„Итакъ, что Богъ сочеталъ, того
человѣкъ да не разлучитъ“.

Ев. отъ Матѳея, 19, 6.

Въ концѣ августа, незадолго до Бородинскихъ торжествъ, на которыя была приглашена графиня, какъ статсъ-дама и правнучка одного изъ убитыхъ въ Отечественную войну генераловъ, Таня сидѣла у себя въ будуарѣ и грустно перечитывала влюбленные письма своего „соломеннаго“ мужа.

Заслышавъ въ сосѣдней гостиной торопливые шаги графини, она быстро вложила связку писемъ въ кожаный буюаръ, взяла со стола первую попавшуюся книгу и, раскрывъ ее наугадъ, сѣла къ окну.

Графиня вошла къ Танѣ разсерженная... Это Таня сразу замѣтила по ея дрожащему подбородку. Графиня молча сѣла въ кресло.

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи.

— До меня, знаешь, дошли странные слухи... — начала графиня, раскачивая на шнуркѣ свой черепашковый лорнетъ.

Сердце у Тани упало...

— Одна барышня нашего круга тайно обвинялась (на этихъ словахъ графиня сдѣлала удареніе) съ однимъ студентомъ... Я хотѣла спросить тебя, — не знаешь-ли ты ее случайно? — и графиня пристально посмотрѣла на Таню въ лорнетъ.

Таня покраснѣла и опустила глаза... Скрываться было нельзя...

— Знаю...

— Можетъ быть, ты даже расскажешь почему она такъ сдѣлала?

Таня замаялась.

— Она любила...

— Скажите, пожалуйста, какія африканскія страсти! — иронически перебила ее графиня, — подумаешь, какая пылкая любовь!

— Она знала, что ей этого не разрѣшать, — тихо сказала Таня.

— И поэтому пошла на ложь, на обманъ... Прекрасно!

Таня молчала, низко опустивъ голову.

— Куда-же молодые уѣхали послѣ свадьбы? — строго спросила, помолчавъ графиня.

— Они разѣхались!

— Куда?

— Она къ... тетѣ, а онъ къ себѣ, домой!

— Прямо изъ подъ вѣнца?

— Да. Только заѣхали на минуту въ гимназію...

Графиня подняла на Таню лорнетъ.

— И никогда больше не встрѣчались? — неуверенно спросила она.

— Никогда!

На лицѣ графини промелькнула тѣнь удивленнаго недоумѣнія.

— Скажи мнѣ, Татьяна, ты... говоришь правду?

Таня подняла на графиню свои ясные глаза. Такіе глаза не могли лгать...

— Я, всетаки, никогда не думала, что вы оба такъ глупы! — сказала, улынувшись графиня. — Дай знать этому... твоему мужу, чтобы онъ пріѣхалъ ко мнѣ! Я въ этомъ шалопахъ всетаки не ошиблась!.. — дополнила она, поднимаясь съ кресла.

Суконниковъ только наканунѣ вернулся изъ Краснаго Села къ себѣ, въ Москву. Онъ занималъ двѣ небольшихъ комнаты въ Третьяковскомъ переулкѣ. Раньше онъ жилъ вмѣстѣ съ своей сестрой у тетки, и перѣхалъ, потому что тамъ было шумно, и трудно заниматься. Спальня замѣняла Суконникову кабинетъ, а другая комната была гостиная со старинной, хозяйской, купеческой мебелью смѣшаннаго стиля.

Кромѣ низкой кровати, въ спальнѣ стоялъ столъ, заваленный книгами, на которомъ лежалъ

пожелтѣвшій человѣческій черепъ, зіявшій пустотой глазныхъ впадинъ, и на небольшомъ столѣ помѣщался самоваръ съ посудой. Въ углу висѣла почернѣвшая отъ времени старинная икона, совсѣмъ не гармонировавшая со свѣжестью красокъ большаго портрета Тани, наклонившагося надъ столомъ.

Суконниковъ занимался химіей, когда къ нему въ дверь постучали.

Онъ, нехотя, всталъ и открылъ запертую дверь. Передъ нимъ стоялъ Ропшинскій выѣздной лакей, который передалъ ему конвертъ.

Недоумѣвая, Суконниковъ вскрылъ конвертъ и нашелъ въ немъ Танину записку.

Таня писала: „все открылось! Пріѣзжай немедленно, — тетя хочетъ тебя видѣть! Не падай духомъ!“

— Я сейчасъ буду! — сказалъ Суконниковъ выѣздному, не глядя на него, боясь, чтобы онъ не замѣтилъ охватившаго его волненія.

Суконниковъ быстро, но тщательно переодѣлся и поѣхалъ на Поварскую.

Графиня приняла Суконникова въ своемъ кабинетѣ.

Она, наклоненіемъ головы, предложила ему кресло противъ себя за письменнымъ столомъ.

Прищуривъ глаза, она нѣкоторое время смотрѣла на него.

— Что-же это вы натворили, молодой человѣкъ? — спросила она его послѣ молчанія, тономъ напускной строгости.

Суконниковъ нанизывалъ мысль, чтобы въ возможно скромныхъ тонахъ объяснить графинѣ свою женитьбу, но графиня опередила его.

— Про вашу свадьбу я узнала случайно отъ архимандрита Донскаго монастыря и благодарите его за то, что онъ внушилъ мнѣ христіанское смиреніе — „кого Богъ соединяетъ, люди не могутъ

разлучить!“ — привела графиня своими словами евангельскій текстъ.

— Я нѣсколько разъ, графиня, искалъ путей къ вашему сердцу, но...

— Но рѣшили обойтись безъ него!.. — остановила его графиня.

Суконниковъ замолчалъ.

Молчала и графиня...

Неожиданно ея мысли перенеслись въ далекое прошлое... Она видитъ себя въ выпускномъ классѣ „лиловыхъ“ Екатерининскаго института... Холодное, сѣверное, зимнее солнце бросаетъ сквозь два яруса оконъ ярко-ослѣпительные лучи на блестящій паркетъ огромнаго бѣлаго зала... Посреди зала, высоко поднявъ голову, стоитъ статный красавецъ-кавалергардъ въ латахъ и держитъ на сгибѣ лѣвой руки серебряную каску съ орломъ... — „Графъ Ропшинъ — Натану Пѣнскую!“ — слышитъ она сдержанный шопотъ среди подругъ и съ робкой нерѣшительностью перебѣгаетъ залъ.

Дальше все, какъ въ туманѣ... Реверансъ, улыбка графа, мѣсто у колонны и онъ рядомъ, конфеты и тихій, какъ журчаніе ручья, разговоръ, изъ котораго она понимаетъ только то, что онъ пріѣхалъ къ ней по порученію ея отца, важнаго генерала, недавно уѣхавшаго изъ Петербурга въ Туркестанъ, къ подножію таинственнаго и далекаго Памира.

Дальше, — выпускъ... Знакомая семья въ Павловскѣ... Осторожное ухаживаніе графа... Болѣе рѣшительное... Признаніе... Первый поцѣлуй... Поцѣлуй безъ счета... Свадьба, счастье и... блаженство, блаженство...

Графиня очнулась, какъ отъ сна.

— Сегодня вы побѣдете вмѣстѣ съ Таней въ Ячменово! Идите къ ней, — она васъ ждетъ! — сказала она Суконникову ласково и улыбнулась ему улыбкой прошлаго — легко и радостно.

XIX

„Не вѣкъ дѣвицей вѣковать...
„Пора гнѣздо устроить...“

А. С. Пушкинъ.

Пришла осень съ вѣтрами и дождемъ.

Лѣсъ шумѣлъ и было уже совсѣмъ недалеко до снѣжныхъ зимнихъ бурь.

По ночамъ были сильные заморозки и утромъ все было бѣло отъ инея.

Погода была дурная и Суконниковы большую часть времени проводили въ комнатахъ обширнаго ячменовскаго дома, въ которомъ прожило не одно родственное поколѣнiе и въ которомъ пахло тѣми честными семейными традиціями и воспомина-ніями, которыми такъ гордились Ропшины.

Хотя не все въ домѣ было изящно, стильно и красиво, но за то все было прочно, удобно и внушало уваженіе къ старинѣ.

Когда, вечеромъ, на черныхъ окнахъ отражался огонь горящаго камина, и по глянцевиымъ стекламъ непрерывными дорожками сбѣгали дождевые капли, молодые супруги забирались въ уголъ, въ которомъ на самотканомъ коврѣ стоялъ старинный клавесинъ.

Тамъ они тихо вели свои задушевные бесѣды, засиживаясь за полночь, и эти бесѣды часто опредѣляли многое въ ихъ чувствахъ и мысляхъ...

Въ одинъ изъ ненастныхъ дней ноября Таня получила отъ Кэтъ письмо послѣ значительнаго перерыва.

Въ этомъ письмѣ Кэтъ сообщала Танѣ, что ея отецъ, сэръ Смитъ, скоростижно умеръ на пароходѣ по дорогѣ въ Маниллу, что надъ его огромнымъ состояніемъ, временно, до ея совершеннолѣтія, которое, по американскимъ законамъ,

наступаетъ въ 18 лѣтъ, назначена правительственная опека и что она, весной, по окончаніи колледжа, воспользуется тѣмъ, что будетъ совершеннолѣтней и пріѣдетъ въ Россію, чтобы быть съ Таней и, чтобы ознакомиться съ огромной страной, которую она знаетъ только по книгамъ.

Дальше Кэтъ писала, что она уже выразила опекѣ свое желаніе, чтобы для нея былъ купленъ въ Петербургѣ „отдѣльный домъ“ („отдѣльный домъ“ было зачеркнуто и надписано „особнякъ“), въ который просила перевезти изъ Бостонской виллы всю ея обстановку. „У меня все будетъ бѣлое, — домъ, автомобили, экипажи, лошади и яхта на Невѣ!“ фантазировала Кэтъ.

— Совсѣмъ больница! — смѣялся Танинъ мужъ.

— Это просто ея любимый цвѣтъ, — бѣлый, — защищала Таня свою подругу отъ его нападокъ.

XX

На Рождество къ молодымъ Суконниковымъ собрались гости. Пріѣхала Настя и неожиданно въ сочельникъ пріѣхали со станціи желѣзной дороги, совсѣмъ запорошенные снѣгомъ, графъ Ропшинъ и Щербининъ.

Домъ оживился...

Ропшинъ устраивалъ облаву. Онъ ѣздилъ въ лѣсъ, въ охотничью избу, гдѣ собирались помѣщики и крестьяне сосѣднихъ деревень, чтобы сговориться о времени облавы, о томъ, какъ и откуда вести загонъ и о томъ, какъ лучше охватить весь участокъ лѣса отъ казеннаго бора, изъ котораго въ Ропшинскій лѣсъ перекочевали волки, ближе къ людскимъ селеніямъ.

Приближался Новый 1913 годъ...

Молодой графъ поѣхалъ въ Москву, чтобы провести по традиціи вмѣстѣ съ матерью 1-ое января, день своихъ именинъ, а Суконниковы и Щербининъ остались въ Ячменовѣ, бѣгали на лыжахъ по занесеннымъ снѣгомъ перелѣскамъ и полямъ, и катались на салазкахъ съ горъ у Ячменовскаго ручья.

По вечерамъ составлялся импровизованный концертъ.

Щербининъ игралъ на віолончели и Настя аккомпанировала ему.

Таня вспоминала американскія пѣсенки.

Прошло нѣсколько дней...

Было много послѣ полуночи, когда всѣ разошлись по своимъ спальнямъ.

Таня въ ночной кофѣ сидѣла передъ зеркальнымъ трюмо и заплетала на ночь свои тяжелыя косы.

Суконниковъ, помѣстившись въ сторонѣ на пуфѣ, докуривалъ папиросу и наблюдалъ за ней.

— Знаешь, Ваня! — не оборачиваясь къ мужу, сказала Таня, — я думаю, что наша Настя очень подошла-бы къ Щербинину... Была-бы хорошая пара... Какъ ты думаешь?

— Что за фантазія! — улыбнулся Суконниковъ.

— Увѣряю тебя!

— Глупости. Онъ, — на много старше ея, убѣжденный холостякъ, офицеръ, а она, — дѣвчонка, изъ купеческой среды и еще совсѣмъ жизни не знаетъ... Что у нихъ можетъ быть общаго?

— А все-таки есть.

— Стрижено — брито! — засмѣялся Суконниковъ.

— Ты не смѣйся... Мы, женщины, это понимаемъ лучше васъ, мужчинъ... Мы болѣе чутки... — и Таня, откинувъ косы назадъ, встала. — О чемъ ты думаешь? — спросила она мужа.

— Смотрю на тебя!

— Не насмотрѣлся! — улыбнулась Таня счастливой улыбкой и, подойдя къ мужу, обвила его

шею руками и, приподнявшись на ципочки, вся трепещущая, прильнула щекой къ его губамъ...

Ропшинъ вернулся въ Ячменово въ началѣ января. Онъ привезъ для Суконникова университетское извѣщеніе о томъ, что ему, Суконникову, надлежитъ немедленно выѣхать въ заграничную командировку въ Берлинъ, куда онъ назначенъ ассистентомъ въ хирургическую клинику.

Облава состоялась безъ Щербинина, — онъ провожалъ Настю и Суконниковыхъ до Москвы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

„Обильно печаль потекла среди земли Русской, —
„Князи сами на себя крамолу ковали...“

„Слово о полку Игоревѣ“.

21 февраля 1913 года!

Прошло ровно триста лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда въ Москвѣ „всей русской землей“, въ періодъ полнѣйшаго упадка русской государственности, былъ избранъ царемъ молодой бояринъ изъ дома Романовыхъ — Михаилъ.

Романовы дали Россіи цѣлый рядъ такихъ-же, какъ Она Сама, великихъ людей, создавшихъ величайшую въ мірѣ Имперію съ необъятнымъ пространствомъ одной шестой части всей земной суши, многолюдную, богатую, самобытную и непонятную за рубежомъ.

Въ первый періодъ царствованія Романовской династіи яркой нитью проходитъ эгоистическое соблюденіе Россіей своихъ національныхъ интересовъ и полнѣйшее игнорированіе внутреннихъ европейскихъ дѣлъ. Этого не было только въ короткое царствованіе Императора Петра III (Голштинскаго).

Но со смерти Императрицы Екатерины Великой и воцаренія Императора Павла I русскіе Императоры рѣзко уклонились отъ пути Своихъ Великихъ Предковъ и непрерывнымъ и упорнымъ вмѣшательствомъ въ европейскія дѣла неосторожно создали въ Европѣ, на русской крови и золотѣ, рядъ сильнѣйшихъ государствъ, быстро занявшихъ въ отношеніи Россіи враждебное положеніе.

Въ сторонѣ отъ этихъ Императоровъ стоитъ мощная и величественная фигура Императора Александра III, считавшаго, что весь міръ не стоитъ жизни одного захудалаго крестьянина Его обширной Державы, и царствовавшаго всего 13 лѣтъ.

Императоръ Николай II получилъ отъ Своихъ Предковъ тяжелое наслѣдіе, съ которымъ справиться онъ былъ не въ силахъ. Россіи нуженъ былъ великій Императоръ, — титанъ ума, воли и характера...

Онъ такимъ не былъ...

II

Послѣ суровой зимы 1912 - 1913 гг. въ Петербургѣ потеплѣло въ мартѣ...

Въ началѣ апрѣля въ городѣ запахло весной, т. е. сложнымъ запахомъ испареній торцовыхъ мостовыхъ, сырости и дыма плавящагося асфальта.

Гвардія готовилась въ концѣ апрѣля выступить въ Красное Село и съ нетерпѣніемъ ожидала того времени, когда ей на смѣну придутъ изъ провинціи армейскіе полки.

Графъ Ропшинъ, задержавшись въ ротѣ, вышелъ изъ казармъ на улицу, нѣкоторое время постоялъ въ раздумьи и потомъ рѣшительно направился въ сторону Невского проспекта.

Въ толпѣ людского потока онъ пересѣкъ Невскій и вышелъ къ Фонтанкѣ.

Ропшинъ былъ въ скверномъ расположеніи духа.

Это сразу было видно по его сумрачному лицу.

Онъ нервно прикусывалъ кончики своихъ короткихъ усовъ и щуриль свои большіе голубые глаза.

Онъ зло посмотрѣлъ на парныхъ часовыхъ-кавалергардовъ, стоявшихъ, какъ изваянія, у золоченой рѣшетки Аничкина дворца, которые, какъ ему показалось, не одновременно подняли свои тяжелые палаши, отдавая ему честь, недовольно сдвинулъ свои тонкія брови и перешелъ на другую сторону улицы.

Настроеніе у Ропшина испортилось еще въ полку...

Тотъ отпускъ, которымъ онъ хотѣлъ воспользоваться, чтобы провести мѣсяцъ въ Ячменовѣ, по выраженію полкового адъютанта, улыбнулся ему, потому что роту, въ которой служилъ Ропшинъ, принималъ для ценза штабной офицеръ и Ропшинъ понималъ, что въ этомъ случаѣ оставить роту было невозможно.

Кромѣ того, на экзаменѣ молодыхъ солдатъ, съ которыми Ропшинъ такъ старательно занимался цѣлую зиму, одинъ чувашъ сказалъ, что кеньги*) даются часовому для того, чтобы часовой не могъ уйти съ поста.

Этотъ нелѣпый солдатскій отвѣтъ окончательно вывелъ Ропшина изъ себя.

Идя по Невскому проспекту, онъ злился и на воинскихъ начальниковъ, которые присылаютъ въ гвардію „такихъ дураковъ“, и на штабъ корпуса, который на разбивкѣ новобранцевъ въ Михайловскомъ манежѣ назначилъ чуваша-брюнета въ полкъ, который составлялся изъ блондиновъ, и даже на полкового командира, который по мнѣнію Ропшина, несправедливо подѣлилъ инородцевъ по ротамъ, давши ихъ въ его роту больше, чѣмъ въ другія...

* Глубокія, тяжелыя, кожаныя калоши.

— Какъ, однако, фамилія этого „момента“, который принимаетъ нашу роту и этимъ лишилъ меня отпуска? — сталъ вспоминать Ропшинъ, проходя мимо Александринскаго театра. — Помню, что адъютантъ назвалъ какую-то тяжеловѣсную, нѣмецкую, трехъэтажную фамилію... — и Ропшинъ напряженіемъ памяти выдавилъ: — фонъ Маквицъ-Эрнсбергъ.

Думая о томъ, какъ много нѣмцевъ служить въ гвардіи, онъ вошелъ въ подѣздъ Европейской гостиницы.

Войдя въ обѣденный залъ, онъ окинулъ его привычнымъ взглядомъ ежедневнаго посѣтителя и, довольный тѣмъ, что никого изъ знакомыхъ не было, сѣлъ къ столу въ нишу за цвѣточный жардиніеръ.

Къ Ропшину сейчасъ-же поспѣшилъ метръ-д'отель съ лакеемъ, держащимъ на подносѣ въ кускѣ прозрачнаго льда разноцвѣтныя водки.

III

Послѣ завтрака Ропшинъ рѣшилъ зайти въ музей Императора Александра III, виднѣвшійся сквозь молодую весеннюю зелень Михайловскаго сквера.

Въ этомъ музеѣ, гдѣ были собраны лучшія картины извѣстныхъ русскихъ художниковъ, онъ бывалъ часто.

Ему нравились эти большіе залы бывшаго дворца, увѣшанные шедеврами русской живописи, нравилось стоять передъ большими полотнами и находить въ нихъ все новыя и новыя достоинства, нравилось просто сидѣть въ сторонѣ и наблюдать за посѣтителями, изъ которыхъ большинство были провинціалы, пріѣхавшіе въ Петербургъ по дѣламъ и выкроившіе время не столько для того, чтобы

осмотрѣть рѣдкое собраніе картинъ, сколько для того, чтобы потомъ этимъ хвастаться дома, въ какомъ-нибудь глухомъ захолустьѣ.

Ропшинъ медленно прошелъ всѣ залы и, задержавшись больше обыкновеннаго въ Верещагинской галлерей, вернулся въ первый залъ.

Онъ сѣлъ у окна передъ картиной Маковского „Праздникъ въ Каирѣ“.

Это полотно его всегда поражало искусствомъ исполненія, — столько въ немъ было свѣта, зноя и красокъ!..

Когда Ропшинъ, полуобернувшись, смотрѣлъ на картину, которая ему такъ нравилась, въ залъ вошла скромно-одѣтая дѣвушка и, обведя взглядомъ немногочисленныхъ посѣтителей, сѣла недалеко отъ Ропшина.

Она, видимо, ждала кого-то, потому что часто смотрѣла на входную дверь.

— Любовное свиданіе! — подумалъ Ропшинъ, взглянувъ на нее, въ то время, когда ея глубокіе, черные глаза остановились на немъ и напомнили ему что-то далекое, прошлое...

Глаза дѣвушки выразили удивленіе, она ихъ быстро отвела и замѣтно покраснѣла.

— Что за исторія? — подумалъ Ропшинъ, — и она меня знаетъ!.. — Но напрасно онъ напрягалъ память, — онъ никакъ не могъ воспроизвести ту обстановку, при которой онъ видѣлъ эту красивую дѣвушку и потому не могъ ее вспомнить.

Одно слово разъяснило все...

Къ дѣвушкѣ подошелъ молодой человѣкъ съ длинными прядями волосъ, зачесанными назадъ, съ большимъ бантомъ, вмѣсто галстука, нѣсколько пестро одѣтый, какъ обыкновенно одѣваются художники, и сказалъ:

— Дора...

То, что дальше говорилъ „художникъ“, Ропшинъ не слышалъ... Онъ даже не видѣлъ, какъ „художникъ“ ушелъ...

Въ его памяти, какъ на фотографической пластинкѣ, ясно отпечатлѣлась его ссора съ уланомъ Несвижскимъ въ вагонѣ Николаевской желѣзной дороги и женщина полусвѣта, бросившаяся къ улану при его угрожающемъ движеніи въ купѣ.

Эти черные, глубокіе глаза принадлежали этой женщинѣ...

Вѣроятно, дѣвушка замѣтила произведенное ею впечатлѣніе, быстро встала и вышла изъ зала.

Ропшинъ бросился за ней...

Онъ обошелъ весь музей, но нигдѣ ее не нашелъ...

IV

„Я забуду жизнь свою и грезы,
„Я уйду отъ страстнаго экстаза,
„Стану чище ласковой березы,
„Стану тверже яснаго алмаза.

Р. Якушева.

Доротей (Дора) Новицкая была дочерью цирковой наѣздницы — испанки и атлета-борца изъ Варшавы, и родилась въ Москвѣ, когда ея отецъ гастролировалъ въ циркѣ Никитина.

Своихъ родителей Дора не помнила. Они ѣздили по Европѣ и не разъ бывали въ Америкѣ, — въ то время, когда ихъ маленькая дочь жила у своей тетки въ Яблони, подъ Варшавой, гдѣ у этой тетки былъ небольшой домъ съ огородомъ.

Когда Дорѣ было пять лѣтъ до Яблони дошли слухи о томъ, что ея родители погибли въ какомъ-то кораблекрушеніи у береговъ Средиземнаго моря; когда-же Дорѣ исполнилось десять лѣтъ и умерла ея тетка, Дора осталась на всемъ свѣтѣ одна.

Варшавскій дамскій комитетъ помѣстилъ Дору въ одно изъ отдѣленій большой французской фирмы

дамскихъ нарядовъ и этимъ ограничилъ о ней свои заботы.

Вскорѣ это отдѣленіе перевело хорошенькую дѣвочку съ новыми товарами въ Петербургъ, въ главный магазинъ, въ которомъ Дора училась говорить по французски, чтобы быть продавщицей.

Но продавщицей ей быть не пришлось...

Въ 16 лѣтъ ее обманулъ обѣщаніемъ жениться на ней приказчикъ сосѣдней галантерейной фирмы и это не столько огорчило Дору, сколько озлобило ее. Она оставила магазинъ и, благодаря своей привлекательной наружности, поступила хохоткой въ загородный садъ.

Черезъ мѣсяцъ она уже исполняла на эстрадѣ испанскій танецъ съ кастаньетами и пунцовой розой въ зубахъ, черезъ два — чардашъ въ короткой юбкѣ и сафьяновыхъ сапожкахъ со шпорами, и стала танцовщицей.

Вращаясь въ кругу петербургской золотой молодежи, она стала присматривать себѣ покровителя, участвуя въ кутежахъ и приглядываясь къ людямъ.

Въ этотъ періодъ ея жизни на ея горизонтѣ появился уланъ Несвижскій, который предложилъ ей связь, но Дора, боясь его невозддержаннаго и вздорнаго характера, держалась отъ него далеко. Это выводило улана изъ себя.

Какъ-то, Несвижскій предложилъ Дорѣ поѣхать въ Саблино къ цыганамъ.

Дора согласилась при условіи взять съ собой одну изъ шансонетокъ.

Несвижскій на это пошелъ съ неудовольствіемъ.

Въ таборѣ много пили. Тамъ Несвижскій потребовалъ отъ Доры рѣшительнаго отвѣта.

Дора отвѣтила отказомъ.

На обратномъ пути въ Петербургъ, Несвижскій демонстративно не захотѣлъ съ ней ѣхать въ купѣ и, мрачный и злой, остался стоять на вагонной площадкѣ.

Въ купѣ ѣхалъ молодой гвардейскій офицеръ.

Онъ Дорѣ понравился, — высокій, стройный, голубоглазый блондинъ. Держалъ себя „строга“ и не только не заговаривалъ, но даже не смотрѣлъ на нее.

Что было дальше Дора помнила смутно, — все было такъ дико и несообразно, что не уложилось въ ея затуманенной головѣ..

Несвижскій вызвалъ молодого офицера на дуэль... Черезъ нѣсколько дней дуэль состоялась... Несвижскій былъ убитъ, а молодой офицеръ — тяжело раненъ...

Этотъ случай произвелъ на Дору ошеломляющее впечатлѣніе и у нее начался душевный переломъ... Ей показалось, что со всего, что ее окружало, слиняли краски и все ей представилось въ своей настоящей, безобразной наготѣ... Ей вспомнилась старая варшавская набожная тетка и Дора пошла въ католическое подворье св. Екатерины, чтобы излить свои грѣхи у оконца монаху-исповѣднику.

Исповѣдникъ настойчиво призвалъ ее къ покаянію... Дора смѣло оставила шантанную эстраду... Никакого ремесла она не знала. Она долго думала, что ей дѣлать, пока не рѣшилась поступить натурщицей въ Академію Художествъ, гдѣ ее скоро оцѣнили за скромность и за классически правильныя формы ея красиваго тѣла.

Она стала позировать художникамъ и этимъ жить.

Но молодой гвардейскій офицеръ, ѣхавшій съ нею въ купѣ (графъ Ропшинъ, какъ она узнала потомъ) еще долго, какъ искушеніе, являлся ея воображенію и тогда она, по совѣту своего духовника-ксендза, отгоняла его чарующій призракъ покаяніемъ.

Въ одинъ изъ дней начала мая большой двух-трубный нѣмецкій пароходъ, вошелъ въ устье Невы и съ грохотомъ цѣпей бросилъ якоря у Николаевского моста.

На командномъ мостикѣ вмѣстѣ съ капитаномъ стоялъ старый финнъ-лоцманъ, приведшій пароходъ изъ Кронштадта въ Петербургъ по Морскому каналу, и, указывая рукою вверхъ по Невѣ объяснялъ, что оттуда должны прибыть таможенные власти.

И, дѣйствительно, вскорѣ у Васильеостровскаго берега показался небольшой катеръ, который, лавируя между стоящими на якоряхъ судами, быстро приближался, оставляя за собой жемчужную нитку пѣны.

Онъ, то скрывался за огромными дровяными баржами, то снова показывался изъ за пароходовъ и неуклюжихъ землечерпательныхъ машинъ, не убавляя своего быстрого хода, и невольно обратилъ на себя вниманіе стоявшей на верхней палубѣ высокой рыжевато-золотистой дѣвушки, все время ежившейся въ легкомъ дорожномъ сакѣ отъ свѣжести, поднимавшейся съ Невы.

По голубому теченію рѣки, блестя и играя на яркомъ солнцѣ, неслись, какъ послѣднее воспоминаніе зимы и морозовъ, рѣдкіе куски ладожскаго льда.

Но, несмотря на то, что было свѣжо, дѣвушка не уходила съ палубы...

Ее занимало все кругомъ...

И ледъ, который шелъ по Невѣ въ то время, когда виднѣвшіеся городскіе скверы были одѣты въ нѣжную листву, и нигдѣ не виданныя ею грандіозныя гранитныя набережныя, и роскошныя зданія, и купола церквей, горѣвшіе золотомъ, и переброшенный черезъ рѣку громадный мостъ...

Когда катеръ подошелъ къ лѣвому борту и изъ него поднялись на пароходъ по трапу какіе-то люди, она перевела любопытный взглядъ своихъ карихъ глазъ на многочисленные ялики, отовсюду слѣшившіе къ пароходу между льдинами.

— Зима лѣтомъ! — подумала дѣвушка.

— Ваши документы! — услышала она за собой голосъ по-французски, и, обернувшись, увидѣла чиновниковъ, повѣрявшихъ паспорта и производящихъ таможенный досмотръ.

Дѣвушка достала изъ дорожной сумки свой заграничный паспортъ.

— Я говорю по-русски! — сказала она чиновнику.

— Вы — русская?

— Нѣтъ, — я американка!

— Но бывали въ Россіи?

— Нѣтъ!

Чиновникъ поправилъ пенснэ и развернулъ документы.

— Катерина-Агнесса-Анна Смитъ, 18 лѣтъ, дочь эсквайра изъ Нью-Йорка, — прочелъ онъ сухо. — Васъ вчера у таможи ждалъ экипажъ, но по Невѣ шелъ такой густой ледъ, что всѣ пароходы были задержаны въ Кронштадтѣ, а сегодня вы пришли раньше времени... — добавилъ онъ, выходя изъ своего служебнаго тона.

— И сейчасъ тамъ стоитъ пролетка на бѣлой лошади! — почтительно вмѣшался въ разговоръ своего начальника старый вахтеръ.

— Значитъ, — догадался... пріѣхалъ... — одобрительно замѣтилъ чиновникъ и пошелъ дальше.

Катъ осталась на палубѣ и поднесла къ глазамъ небольшой морской бинокль. У верфи разворачивался изящный крейсеръ.

На его кормѣ она прочла славянскую вязь: „Аврора“.

Катъ посмотрѣла, какъ крейсеръ развернулся и, придерживая правой рукой поля своей фетровой шляпы, спустилась внизъ, въ свою каюту.

Хотя Кэтъ и писала изъ Гамбурга, гдѣ она ожидала парохода въ Петербургъ, своему управляющему каменноостровскимъ домомъ, чтобы никто, кромѣ кучера, ее не встрѣчалъ, — но теперь въ душѣ она жалѣла объ этомъ...

Огромный, незнакомый городъ и она одна... Никого знакомыхъ... Таня съ мужемъ въ Берлинѣ и пріѣдетъ осенью... Не съ кѣмъ даже посовѣтоваться!..

Всѣ таможенные формальности были быстро закончены и Кэтъ вышла на подъѣздъ. У подъѣзда стояла пролетка съ сѣрымъ рысакомъ.

Она поманила рукой. Бородатый кучеръ тронулъ вожжами и подалъ...

Кэтъ поздоровалась съ кучеромъ и окинула взглядомъ узкую пролетку и рысакъ.

— Выѣздъ мнѣ нравится! Очень нарядная лошадь! — сказала она, поглаживая рысакъ по гривѣ, когда онъ въ нетерпѣннѣи билъ копытомъ торцовую мостовую.

Если бы Кэтъ была болѣе наблюдательной, то она не могла бы не замѣтить, что ея слова вызвали на лицѣ кучера нѣкоторое недоумѣніе.

Кэтъ удобно помѣстилась въ пролеткѣ...

Рысакъ на тугихъ вожжахъ выѣхалъ, горячася, изъ воротъ и повернулъ направо. Пролетка миновала красное зданіе Биржи и проѣхала Дворцовый мостъ. Повернувъ налево у Зимняго дворца, рысакъ понесся по Набережной.

Не зная Петербурга, Кэтъ не обратила вниманія на то, что кучеръ не свернулъ на Троицкій мостъ, чтобы ѣхать на Каменноостровскій, а полной рысью проѣхалъ мимо памятника Суворову, Мраморнаго дворца и Лѣтняго сада и задержался только на Литейномъ проспектѣ, потому что дорогу пересѣкала батарея легкой артиллеріи.

— Господа юнкера въ лагерь выступаютъ, — полуобернувшись кучерь къ Кэтъ, какъ-бы оправдывая невольную остановку.

Михайловскіе юнкера съ наивно-добродушнымъ видомъ разглядывали Кэтъ и ей стоило большого труда оставаться серіозной подъ этимъ перекрестнымъ обстрѣломъ многихъ юношескихъ глазъ и она опустила рѣсницы.

Послѣ прохода батареи пролетка тронулась дальше и остановилась у одного изъ домовъ на Кирочной.

Кэтъ осмотрѣла фасадъ дома, который ей показался слишкомъ обыкновеннымъ, и вошла въ вестибюль.

— Меня ждуть? — спросила она швейцара.

— Со вчерашняго дня еще ждуть! — небрежно отвѣтилъ швейцаръ, снимая съ нея дорожный сакъ.

— Онъ не особенно вѣжливъ! — подумала про него Кэтъ и по широкой лѣстницѣ вбѣжала наверхъ и очутилась въ гостиной.

Въ полутемной гостиной никого не было.

Въ углу у оконъ, завѣшанныхъ по краямъ полосами тяжелой и пестрой ковровой матеріи восточнаго рисунка, стояла такая-же низкая мягкая мебель.

У противоположной стѣны помѣщалась тахта и пуфы. По стѣнамъ были развѣшаны ковры и большой серебряный „хоросанъ“ покрывалъ полъ.

Кэтъ не успѣла подумать, гдѣ находится ея бѣлая бостонская мебель „рококо“, которую еще сэръ Смитъ выписалъ для нея изъ Парижа, какъ въ дверяхъ сосѣдней комнаты показалась фигура въ синемъ фартукѣ.

Кэтъ, освоившись съ темнотой гостиной, увидѣла, что эта фигура принадлежитъ молодому человѣку съ улыбающимися глазами, съ подстриженными усами и бородкой „à l'Henri IV“ и что прядь темныхъ волосъ ниспадаетъ у него на высокій лобъ.

— Наконецъ-то! Мы васъ такъ ждемъ! — услышала Кэтъ его веселый голосъ. — Вы какъ-разъ застали насъ за работой, — продолжалъ онъ, внимательно разглядывая ея стройную фигуру и жестомъ руки приглашая ее въ комнату, изъ которой онъ вышелъ.

Въ то время, когда Кэтъ переступила порогъ двери, — она остоленѣла...

Комната, въ которую она вошла, представляла изъ себя стеклянный фонарь. Въ простѣнкахъ между большими венеціанскими окнами висѣли оконченные и неоконченные картины и этюды. Пахло скипидаромъ и красками...

Посреди комнаты стоялъ мольбертъ и въ сторонѣ, на возвышеніи, на имитации тигровой шкуры полулежала совершенно обнаженная женщина.

Она полулежала въ позѣ страстнаго призыва, протягивая правой рукой винный кубокъ, но все ея нѣжно-матовое лицо было спокойно, а черные глаза съ удивленіемъ устремились на Кэтъ.

Какъ кроликъ, который съ ужасомъ смотритъ на удава, не думая о спасеніи, такъ Кэтъ смотрѣла на раскинувшуюся женщину.

Художникъ этого не замѣчалъ...

Онъ съ довольнымъ видомъ потиралъ руки и говорилъ натурщицѣ: — я вижу, что центральная фигура моихъ „Вакханокъ“ будетъ великолѣпна... Рыженькая... Нѣжно-розовый оттѣнокъ кожи... Сложена, какъ богиня... Не правда-ли, Дора?

Кэтъ стояла растерянная...

Она что-то пробормотала и, закрывъ лицо руками, въ изнеможеніи опустилась на диванъ.

Въ то время, когда полуодѣтая Дора заботливо суежилась около Кэтъ и объясняла ей, что она находится въ студіи художника Лачинова, въ квартирѣ его дяди, сибирскаго золотопромышленника,

живущаго постоянно на Ривьерѣ съ больной женой, и что художникъ въ настоящее время пишетъ конкурсную картину „Пиръ вакханокъ“, для которой ожидалъ изъ Кронштадта новую натурщицу, — самъ художникъ Лачиновъ, недоумѣвающий и растерянный, отправился въ людскую для объясненія съ кучеромъ.

— Откуда ты мнѣ эту барышню привезъ? — набросился онъ на него.

— Вы-же мнѣ, баринъ, сами наказывали, чтобы я ждалъ у таможни! — оправдывался кучеръ.

— Вѣрно!

— И чтобы я доставилъ ту барышню, которая придетъ съ парохода.

— Вѣрно!

— Такъ оно и было!

— Не можетъ этого быть, — это другая!

— Это ужъ не можемъ знать, — которая пришла, такую и привезъ!..

— Ничего не понимаю! — рѣшилъ художникъ. — А жаль, — рѣдкая модель!.. Лучшей не найти! — думалъ онъ, возвращаясь въ студию, оцѣнивая Кэтъ, какъ натурщицу, для своей картины.

Черезъ часъ Дора отвезла Кэтъ въ ея особнякъ на Каменноостровскій.

VII

Бѣлая, сѣверная, лѣтняя ночь...

Кэтъ полулежала въ лонгшезѣ на открытой террасѣ, выходящей на проспектъ, и ей казалось, что сошлись двѣ зари, но блѣдный предразсвѣтный сумракъ утренней зари все никакъ не могъ разсѣяться и дрожалъ фантастическимъ свѣтомъ.

По проспекту непрерывной вереницей тянулись экипажи и слышались гудки автомобилей, мѣрные удары конскихъ подковъ о мостовую и окрики кучеровъ.

Городъ и ночью продолжалъ лихорадочно жить, и чувство полного одиночества охватило Кэтъ.

До сихъ поръ ея мысли были заняты тѣмъ, какъ она поѣдетъ въ Россію, но никогда она не думала о томъ, какъ она устроить въ ней свою жизнь.

Это ей казалось простымъ...

Дѣйствительность обманула ее...

Она сознала, что путешествовать одной по незнакомой странѣ въ качествѣ туристки, — это еще не значитъ, что она ее будетъ знать и, кромѣ того, въ чемъ Кэтъ даже самой себя не хотѣла признаться, ее пугало ея одиночество.

Она не знала на что рѣшиться!..

На бастионной башнѣ Петропавловской крѣпости Екатерининскіе куранты гулко пробили полночь и со старческимъ кряхтѣніемъ проиграли „Коль славенъ“, а Кэтъ все еще не уходила съ террасы.

Она подводила итогъ той мысли, которая ей неожиданно пришла въ голову при воспоминаніи о Дорѣ, такъ тепло и сердечно отнесшейся къ ней, совсѣмъ не зная ее, въ студіи художника...

Она рѣшила утромъ поѣхать на Кирочную, чтобы повидаться съ ней.

На Кирочной Доры не оказалось. — Та вакханка, для которой позировала Дора, была закончена и Кэтъ пришлось ѣхать по полученному адресу на Выборгскую сторону въ одинъ изъ тѣхъ громадныхъ домовъ съ дешевыми квартирами, въ которыхъ густо ютится богема, состоящая въ большинствѣ изъ студентовъ, курсистокъ и лицъ неопредѣленныхъ профессій, нанимающихъ комнаты и углы отъ хозяекъ.

Съ американской рѣшительностью Кэтъ уговорила Дору переѣхать къ ней и быть ея гидомъ-проводникомъ.

Дора старательно отнеслась къ своимъ новымъ обязанностямъ. Кэтъ побывала съ ней въ Царскомъ, въ Павловскѣ, въ Петергофѣ и собиралась ѣхать на Ладожское озеро, когда Дора узнала, что въ двадцатыхъ числахъ мая предполагается въ Костромѣ закладка памятника Дому Романовыхъ и что на это празднество собирается тамъ вся Царская Семья.

Дора уговорила Кэтъ поѣхать въ Кострому.

Для этого нужно было имѣть пригласительные билеты.

Эти билеты Кэтъ получила изъ американскаго посольства.

VIII

„Путешествіе, развивая умъ, облагораживаетъ человѣка“.

Екатерина II.

(Изъ писемъ Вольтеру).

„Люблю отчизну я, но странною любовью;
„Не побѣдитъ ея разсудокъ мой!

„Родина“. *М. Ю. Лермонтовъ.*

Маршрутъ въ Кострому былъ намѣченъ черезъ Москву до Нижняго Новгорода по желѣзной дорогѣ, чтобы ѣхать дальше верхнимъ волжскимъ плесомъ на пароходѣ.

Поѣздъ пришелъ въ Нижній Новгородъ рано утромъ.

Макарьевская ярмарка гудѣла...

Ея экзотика, краски и грандіозность ошеломили Кэтъ, а Волга, Ока, древній городъ съ кре-

млемъ, богатство, ширь, величіе, — все это представлялось Кэтъ какой-то фантастической фееріей и ей казалось, что все это она видитъ во снѣ.

Она сидѣла рядомъ съ Дорой въ легкой пролеткѣ, которая везла обѣихъ дѣвушекъ по пловучему мосту черезъ Оку на волжскую пароходную пристань.

— Это нѣчто волшебное! — нарушила молчаніе Кэтъ, когда съ середины моста открылся далекій видъ на широкую водную гладь Волги съ нагорнымъ берегомъ и стѣнами Кремля, освѣщенными утренними лучами солнца.

— Да, — согласилась Дора.

— Это какая-то сказка! — восторженно произнесла Кэтъ.

— Это Россія! — дополнила Дора.

Меркурьевскій пароходъ отходилъ отъ Нижегородской пристани около полудня и поэтому Кэтъ, пообщавъ Дорѣ вернуться во-время и не опоздать, сѣла въ такси и поѣхала въ городъ.

Прокатившись по главнымъ улицамъ, она рѣшила побывать и на ярмаркѣ, за Окой.

Проходя по Главнымъ Торговымъ Рядамъ и остановившись у витрины съ драгоценностями, она услышала черезъ открытыя двери оживленный разговоръ.

Говорили двое, — одинъ пѣвучимъ теноромъ, на „о“, какъ говорятъ владимірцы, и другой — съ нерусскимъ гортаннымъ акцентомъ.

Взглянувъ вглубь стекла, Кэтъ увидѣла въ лавкѣ молодого русскаго купца и старика перса.

Изъ ихъ разговора Кэтъ поняла, что старый персъ продалъ одинъ изъ парныхъ александритовъ (Кэтъ въ первый разъ слышала названіе такого драгоценнаго камня), который онъ не хотѣлъ разъединять изъ за персидскаго суевѣрія, что они въ дальнѣйшемъ должны опять соединиться, гдѣ бы они не были и люди, которые ихъ имѣютъ, неми-

нуемо должны встрѣтиться въ жизни и что онъ все-таки продалъ его, потому что ему дали высокую цѣну.

— Ты бы, Ибрагимъ-Ага, и своего Магомета продалъ, если бы тебѣ хорошо заплатили? — засмѣялся купецъ высокимъ теноромъ.

Персъ обидѣлся. Купецъ спохватился.

— Ты, дѣдъ, все-таки не серчай, — вѣдь я не со зла! А что ты продалъ камень, то это очень даже распрекрасно, — вѣдь я въ твою персидскую чертовщину не вѣрю, я — православный!..

Кэтъ вошла въ лавку.

— Нѣтъ-ли у васъ александритовъ? — обратилась она къ купцу, стоявшему у дверей.

— Какъ имъ не быть, сударыня... Помилуйте... На томъ стоимъ!.. Ибрагимъ-Ага, покажи-ка барышнѣ... знаешь... тотъ... — подмигнувъ купецъ въ сторону перса. — Это, знаете, мой компаньонъ... Онъ еще съ моимъ отцомъ вмѣстѣ торговалъ... Сердешный человѣкъ, хоша и бусурманъ!.. — началъ купецъ занимать Кэтъ разговоромъ, внимательно приглядываясь къ ней и думая, какъ бы не продешевить...

Персъ открылъ передъ Кэтъ коробку, въ которой лежалъ крупный александритъ, игравшій прозрачно-свѣтлымъ изумрудомъ.

— Нѣтъ-ли у васъ другого? Такого же? — спросила Кэтъ.

— Такого самага нѣтъ, другой есть! — объяснилъ персъ. — Другой купила одна русская ханумъ! Богатая ханумъ... — дополнилъ персъ свои слова...

Кэтъ купила себѣ александритъ и заодно два парныхъ уральскихъ рубина въ подарокъ Дорѣ и, попросивъ шоффера торопиться, помчалась на пристань.

Она подѣхала на пристань въ то время, когда пароходъ уже далъ два протяжныхъ гудка и Дора, не зная что дѣлать, волновалась и съ безпокойствомъ ожидала ее.

Вскорѣ пароходъ отвалилъ отъ пристани и, описавъ полукругъ, быстро пошелъ вверхъ по теченію...

Кэтъ удобно помѣстилась на складномъ стулѣ на кормѣ, у борта.

Нижній Новгородъ постепенно уходилъ вдаль и, когда пароходъ завернулъ за мысъ, неожиданно скрылся и сталъ невидимъ, какъ градъ Китежъ.

Въ лицо Кэтъ пахнуло свѣжимъ влажнымъ воздухомъ.

Пароходъ шелъ фарватеромъ и взглядъ Кэтъ скользилъ по живописнымъ берегамъ, мѣняющимся, какъ въ панорамѣ.

Кэтъ казалось, что никогда у нее на душѣ не было такъ легко и спокойно. Какое-то новое, неизвѣданное чувство шири и простора овладѣло ею.

Солнце еще стояло высоко, когда на горизонтѣ показалась крутая гора, въ зелени которой виднѣлся небольшой городъ.

— Это Городецъ, — сказалъ кто-то рядомъ.

Пароходъ простоялъ у пристани Городца около получаса, выгрузился и, принявъ новые грузы и пассажировъ, пошелъ дальше.

Вечерѣло...

По Волгѣ началъ стлаться туманъ... Становилось сыро...

Дора уговорила Кэтъ спуститься въ каюту, чтобы отдохнуть передъ завтрашнимъ днемъ.

Уже совсѣмъ стемнѣло и полный мѣсяцъ выглянулъ изъ за чернаго контура прибрежнаго бора, когда пароходъ подходилъ къ Юрьеву.

Дора облокотилась о поручни, вытянула ноги и, сладко потянувшись, унеслась въ мечты...

Пароходъ застопорилъ машину и по инерціи медленно приближался къ пологому берегу.

Въ сумракъ лунной ночи Дора увидѣла на пристани знакомый призракъ...

— Это галлюцинація! — подумала она въ первый моментъ и зажмурилась.

Но нѣтъ!.. Когда пароходъ сбросилъ сходни, по нимъ легко вошелъ на пароходъ графъ Ропшинъ.

Дора, затаивъ дыханіе, испуганно смотрѣла, какъ онъ приближался къ ней.

Она видѣла, какъ онъ удивленно посмотрѣлъ на нее и, нерѣшительно приложивъ руку къ козырьку фуражки, поклонился.

Дора опустила глаза.

— Вотъ гдѣ мы съ вами снова встрѣтились! — услышала она его мягкій голосъ.

— Встрѣтились... — съ трудомъ повторила Дора.

— Я васъ очень часто вспоминаю! — произнесъ Ропшинъ послѣ короткаго молчанія тѣмъ безпечно-многозначительнымъ тономъ, какимъ говорятъ мужчины нравящимся имъ женщинамъ.

Дора подняла голову съ намѣреніемъ сказать ему что нибудь.

Но слова не говорились...

Ею овладѣлъ страхъ...

— Я до сихъ поръ думала, что мы съ вами никогда не встрѣтимся... — тихо сказала она ему на его пристальный взглядъ.

— Почему? — удивился Ропшинъ.

— Не надо!.. — и неожиданно ея сердцу стало такъ больно, что она вздрогнула и едва удержавшись, чтобъ не упасть... проснулась.

Юрьевъ уже давно остался позади...

Пароходъ шелъ полнымъ ходомъ у низкаго берега...

Ивовые кусты, облитые луннымъ свѣтомъ, казались декораціей...

Съ берега слышалось соловьиное пѣніе...

Дора дышала любовью...

IX

Городъ Кострома расположенъ на лѣвомъ берегу Волги, при впаденіи въ нее рѣки Костромы. На другомъ берегу рѣки Костромы находится Ипатьевскій монастырь, въ которомъ произошло то историческое событіе, которое дало Романовымъ скипетръ и державу, а Россіи — славу и могущество.

На Волгѣ, противъ монастыря, была построена для Царской Семьи особая пристань, отъ которой, по лугамъ, была проведена къ монастырю специальная дорога, протяженіемъ около двухъ верстъ.

19 мая 1913 года въ Костромѣ собралась вся Императорская Фамилія и полный составъ Совѣта Министровъ.

Государь Императоръ прибылъ въ Кострому со Своей Семьей по Волгѣ на небольшомъ казенномъ пароходѣ и провель въ Костромѣ двое сутокъ.

Въ первый день Онъ простоялъ обѣдню въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Когда Онъ подъѣзжалъ къ монастырю, изъ города двигался крестный ходъ съ Чудотворной иконой Θεодоровской Божьей Матери.

Государь встрѣтилъ этотъ крестный ходъ и вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ церковь.

Послѣ полудня Государю представлялись различныя депутаціи и между ними крестьяне села Домнина, — потомки Ивана Сусанина.

Государыня Императрица посѣтила въ этотъ день учебныя заведенія, пріюты и благотворительныя учрежденія.

На другой день, на Соборной площади, происходила закладка памятника Трехсотлѣтія Царствованія Дома Романовыхъ.

Послѣ этого Государь принялъ парадъ тѣхъ двухъ единственныхъ полковъ, старшинство которыхъ относится ко времени Царя Михаила Θεодоровича, — Эриванскихъ гренадеръ и Терскихъ Гребенскихъ казаковъ.

Въ парадѣ участвовалъ также и 183-й пѣхотный Пултусскій полкъ, который квартировалъ въ Костромѣ.

Съ Соборной площади Государь поѣхалъ на Волгу, гдѣ на большомъ „самолетскомъ“ пароходѣ былъ устроенъ парадный обѣдъ.

Народъ по пути Его восторженно встрѣчалъ...

Въ этотъ же день вся Царская Семья продолжила Свой путь въ Москву...

(Изъ воспоминаній Т. А. Шишкова).

Дора еще сладко спала и, судя по выраженію ея лица, видѣла во снѣ что-то пріятное, когда Кэтъ, быстро совершивъ свой утренній туалетъ, поднялась на палубу.

Утро было теплое и безвѣтреное, парило...

Голубой куполъ неба былъ чистъ и только далеко, впереди, по краямъ, медленно разбирались кучевыя облака...

Пароходъ настойчиво рѣзалъ спокойную воду, оставляя за собой глубокія борозды волнъ.

Кэтъ осмотрѣлась кругомъ...

На правомъ берегу, за зеленою заливныхъ луговъ, синѣли далекіе хвойные лѣса, а на лѣвомъ, гористомъ, вдоль берега тянулась полевая дорога, надъ которой стояла неуносившаяся густая пыль.

Кэтъ, присмотрѣвшись въ бинокль, увидѣла, что по дорогѣ движутся вереницей крестьянскія телѣги.

Въ томъ направленіи, въ которомъ двигались эти телѣги, Кэтъ замѣтила на горизонтѣ ярко блестящую золотую точку...

Потомъ еще нѣсколько такихъ точекъ загорѣлось на солнцѣ, а, когда пароходъ повернулъ за песчаную отмель, на фонѣ туманныхъ облаковъ горизонта стали ясно вырисовываться церковные купола и бѣлыя колокольни далекаго города...

Пароходъ приближался къ Костромѣ...

Было около 10 часовъ утра 20 мая, когда легкая коляска, въ которой удобно помѣстились на пристани Дора и Кэтъ, медленно двинулась кружнымъ путемъ, потому что всѣ улицы были запружены народомъ, на Соборную площадь.

Дѣвушки нерѣшительно вошли въ церковь и стали въ притворѣ въ то время, когда соборный протодіаконъ заканчивалъ съ амвона низкой бархатной октавой поминовение „въ Бозѣ почившихъ“ царей, императоровъ и царствовавшихъ императрицъ Романовскаго Дома.

— ...Вѣчный покой... подаждь, Господи... Екатеринѣ Второй, Павлу Первому, Александру Первому, Николаю Первому, Александру Второму, Александру Третьему, — и сотвори Имъ... вѣчную память! — и низкія ноты его голоса потонули въ хорѣ.

Вся церковь стала на колѣни.

Дора и Кэтъ сдѣлали то же.

Печальный аккордъ, дрожа, таялъ въ сводахъ храма.

Онъ еще не успѣлъ разсѣяться, какъ протодіаконъ началъ новый возгласъ:

— Благочестивѣйшему, Самодержавнѣйшему, Великому Государю Императору... и Всему Царствующему Дому, — многая лѣта!..

Начавъ этотъ возгласъ съ самыхъ низкихъ нотъ, онъ закончилъ его высокимъ, звучнымъ и мощнымъ басомъ, который, не помѣстившись въ соборѣ, разлился по площади.

Костромской и Галицкій архіепископъ Тихонъ вынесъ Государю запрестольный крестъ.

Молебенъ окончился.

Толпа хлынула изъ церкви.

Образовавшаяся толчея разъединила дѣвушекъ и Кэтъ, очутившись на площади, сколько ни искала глазами Дору, нигдѣ не могла найти ее, потому что вся площадь была полна народа и Кэтъ ничего не могла видѣть вокругъ себя.

Кэтъ стала пробираться къ тому мѣсту, гдѣ стояли экипажи.

Она нашла ту коляску, на которой пріѣхала, только потому, что, видя ее, растерянно-идушую, ее окликнулъ кучеръ.

Въ это время воздухъ наполнился звуками колоколовъ и радостнымъ народнымъ гуломъ.

Все закричало — „ура“, — Государь вышелъ на церковную паперть.

Кэтъ взволнованно встала въ коляскѣ.

Первое, что она увидѣла передъ собой, — это было море головъ.

У собора стоялъ высокій шатеръ, декорированный золотомъ и горностаемъ, и рядомъ фундаментъ будущаго памятника.

На этомъ фундаментѣ стояли два каменщика, старый и молодой, въ цвѣтныхъ шитыхъ рубахахъ и держали въ рукахъ лопатки для извести. Ихъ головы, обильно смазанныя масломъ, ярко лоснились на солнцѣ.

Государь, не задерживаясь въ шатрѣ, подъ который вошла Государыня съ Дѣтьми, поднялся на фундаментъ.

Онъ взялъ изъ приготовленной пирамиды кирпичъ.

Каменщики наклонились къ известковому раствору.

Тотъ кирпичъ, который взялъ Государь, какъ-то самъ собой уложился на свое мѣсто, и въ этотъ моментъ торжественные аккорды гимна впелись въ народный гулъ и съ берега рѣки Костромы загремѣли пушки.

Государь облилъ свѣтомъ своихъ чарующихъ глазъ всю рокотавшую площадь и медленно спустился къ шатру.

Онъ остановился у парныхъ часовыхъ, лейбъ-гренадеръ Эриванскаго полка, стоявшихъ у входа, и, улыбаясь, сталъ разговаривать съ ними.

Кэтъ ничего не видѣла, кромѣ Государя. Онъ одинъ занималъ ея воображеніе...

Парадъ прошелъ для нея, какъ миражъ. Она даже не слышала рѣзкой мѣди оркестровъ.

Поглощенная толпой, Кэтъ смотрѣла на Государя, какъ на божество...

Когда къ шатру подъѣхалъ царскій экипажъ и въ него помѣстилась Государыня съ Дѣтьми и сѣлъ Государь, вся прелесть минувшаго утра покинула Кэтъ.

Она опустилась на сидѣніе и стала ждать Дору. Площадь пустѣла...

Послѣ ранняго обѣда въ городскомъ саду, Кэтъ захотѣлось прокатиться въ лодкѣ и, переѣхавъ черезъ Волгу, побывать на другомъ берегу, гдѣ была желѣзнодорожная станція съ вокзаломъ.

Кэтъ очень удивляло, что такой большой городъ, какъ Кострома, весной и осенью, во время ледохода, разобщается съ внѣшнимъ міромъ, но при этомъ находятся такіе смѣльчаки, которые, прыгая по льдинамъ, переправляются съ одного берега на другой и поддерживаютъ связь.

Дѣвушки сѣли въ лодку на „Меркурьевской“ пристани.

Коренастый лодочникъ въ кумачевой рубахѣ оттолкнулся отъ берега и сѣлъ на весла.

Лодка стала медленно подниматься вверхъ. При впаденіи рѣки Костромы ее подхватило новымъ теченіемъ и отнесло отъ берега, но лодочникъ сильными ударами веселъ поставилъ ее въ направленіи новой, разукрашенной зеленью, пристани, построенной противъ Ипатьевского монастыря, у которой стоялъ небольшой пароходъ, блестящій свѣжимъ синимъ лакомъ.

— На эфтомъ, на самомъ пароходѣ къ намъ Царь пріѣхалъ! — объяснилъ лодочникъ, когда лодка поравнялась съ пароходной кормой.

При этомъ Кэтъ овладѣло непонятное волненіе... На душу легла какая-то тяжесть... Она не-

ожиданно увидѣла, что изъ кормового иллюминатора на нее устремлены два глаза, какъ бы гипнотизирующие ее.

Эти глаза, казавшіеся пустыми, какъ впадины мертвеца, съ горящимъ въ глубинѣ ихъ зловѣщимъ свѣтомъ, принадлежали блѣдному человѣку съ неправильными чертами испитого лица, съ черной всклооченной бородой.

— Кто это? — спросила Кэтъ Дору, не имѣя силы отвести взора отъ иллюминатора.

— Гдѣ?

— Вотъ этотъ, который смотритъ на насъ!

Дора посмотрѣла въ иллюминаторъ и заметалась.

— Боже мой! Боже мой! — вырвалось у нее съ испугомъ.

— Что съ вами?

— Ахъ, Боже мой!

— Да что съ вами?

— Это, — Распутины!

Лодочникъ повернулъ лодку по діагонали къ теченію. Вода весело зажурчала подъ килемъ.

Лодка быстро пересѣкала рѣку.

Кэтъ съ недоумѣніемъ смотрѣла на Дору и царскій пароходъ...

Вечеромъ этого-же дня обѣ дѣвушки, на томъ же меркурьевскомъ пароходѣ, на которомъ онѣ пріѣхали въ Кострому, уѣхали обратно въ Нижній Новгородъ, чтобы проѣхать дальше по всему теченію Волги, внизъ до Астрахани.

Онѣ собирались побывать и на Кавказѣ...

Въ составѣ депутаціи отъ крестьянъ села Домнина, потомковъ Ивана Сусанина, былъ купецъ Суконниковъ. Это былъ бородатый старикъ съ длинной сѣдой бородой, съ медалями на темно-синемъ кафтанѣ.

Государь былъ въ томъ добродушно-хорошемъ настроеніи, которое, въ противоположность его сдержанной молчаливости, дѣлало его оживленно-разговорчивымъ и занятымъ интересами тѣхъ людей, съ которыми Онъ говорилъ.

Приемъ депутаціи происходилъ въ городской думѣ.

Государь разспрашивалъ домнинскихъ крестьянъ о ихъ жизни, о дѣлахъ, объ урожаѣ, о семейномъ положеніи...

Суконниковъ стоялъ рядомъ съ крестьяниномъ, принадлежавшимъ къ типу тѣхъ русскихъ мужиковъ, которые, достигнувъ зрѣлаго возраста, уже не мѣняются, — не горбятся, не сѣдѣютъ и не теряютъ силъ.

Государь долго говорилъ съ нимъ о его внукахъ.

Потомъ Государь спросилъ Суконникова, — чѣмъ онъ торгуетъ?

Суконниковъ отвѣтилъ, что онъ по Волгѣ въ Царицынъ сплавляетъ лѣсъ, который идетъ дальше Каспійскимъ моремъ въ Туркестанъ.

На вопросъ Государя о томъ, ведетъ-ли онъ такое крупное дѣло одинъ или съ дѣтьми, Суконниковъ объяснилъ, почему дѣти ему не помогаютъ, — сынъ, окончивъ докторомъ медицинскій факультетъ, женился и минувшей зимой уѣхалъ отъ университета въ „нѣмецкую землю“, а дочь, по окончаніи московской гимназій, привыкаетъ къ дому и помогаетъ матери по хозяйству.

— Это хорошо! — замѣтилъ Государь.

— По нашему купеческому понятію мнѣ на дѣтей нечего радоваться, Ваше Величество! Сынъ отбился отъ дѣдовскихъ дѣловъ, а дочь...

— Что дочь? — спросилъ Государь.

— Сватался тутъ къ ней одинъ петербургскій офицеръ, Щербининъ ему фамилія...

Суконниковъ пригладилъ изъ подъ воротника кафтана свою сѣдую бороду.

— Щербининъ? — Государь напрягъ свою богатую память и сразу вспомнилъ молодого офицера того времени, когда, будучи Наслѣдникомъ, Онъ командовалъ баталіономъ въ Преображенскомъ полку и встрѣчался по службѣ съ многими офицерами петербургскаго гарнизона.

— Я, стало быть, — продолжалъ Суконниковъ, — на этотъ законный бракъ своего согласія не далъ, — зять купецъ мнѣ много сподручнѣе, — а она уперлась, — „въ монастырь уйду!“ — не ѣстъ, не пьетъ, сохнетъ... Да это все пустое, — подурить и бросить! Видали мы и не такихъ! Воистину, — сосудъ скудельный!

Государь прикусилъ губу, чтобы не засмѣяться и ребромъ ладони провелъ по усамъ.

— Я Щербинина знаю! — сказалъ онъ мягко послѣ минутнаго молчанія, — счастье нашихъ дѣтей, — это наше счастье! Надо это помнить! — и, не ожидая отъ Суконникова отвѣта обратился съ вопросомъ къ крестьянину, на груди котораго былъ приколотъ георгіевскій крестъ, — гдѣ онъ получилъ этотъ крестъ?

— Подъ Ляояномъ, Ваше Императорское Величество! — отвѣтилъ крестьянинъ по-солдатски.

— Какого полка?

— Перваго сибирскаго стрѣлковаго Имени Вашего Императорскаго Величества полка — отчетливо отчеканилъ бывший унтеръ-офицеръ заготовленную фразу.

— Славный полкъ! — сказалъ Государь. — Имъ тогда командовалъ полковникъ Лешъ! — и

Государь сталъ говорить съ унтеръ-офицеромъ о
Ляоянскомъ боѣ и о полку.

XI

„Отдавайте кесарево Кесарю, а
Божіе Богу.“

Ев. отъ Луки 20, 25.

„И вдругъ придется для другого
„Любовь забыть, —
„Что жребія страшнѣй такого?
„И лъзя-ли жить?“

Изъ Монкрифа. В. А. Жуковский.

Суконниковъ ѣхалъ домой полный сложныхъ переживаній. Съ одной стороны, ему казалось, что слова Государя о счастья дѣтей не имѣли прямого отношенія къ предложенію Щербинина, но съ другой — ему казалось, что онъ самъ себя въ этомъ обманываетъ и что Государь именно имѣлъ въ виду это предложеніе. Наконецъ, что означаютъ слова Государя: „Я Щербинина знаю!“ — думалъ Суконниковъ, — и смѣю-ли я, послѣ этихъ Царскихъ словъ, запретить моей Настасьѣ выйти за этого Щербинина?.. Нѣтъ, не смѣю! — опредѣленно рѣшилъ онъ, подѣхавъ къ дому.

Онъ позвалъ къ себѣ въ „угловую“ свою жену.

Видная, моложавая, сорокалѣтняя купчиха усѣлась у створчатого окна и, перебирая бахрому накинутой на ея плечи турецкой шали, съ удивленіемъ наблюдала за мужемъ.

Онъ озабоченно поглаживалъ бороду и, видимо, волновался. Это съ нимъ бывало рѣдко.

— Скажи, — можно-ли выдать Настасью замужъ послѣ Петрова дня? — спросилъ онъ жену послѣ молчанія.

— Вѣстимо можно! Только за малымъ дѣло стало, — жениха нѣтъ!

— Женихъ есть.

— Кто?

— Щербининъ!

Жена Суконникова изумленно посмотрѣла на мужа, — эту фамилію не смѣли произносить въ Суконниковскомъ домѣ.

— Что? Али не вѣришь? — улыбнулся Суконниковъ, не столько довольный разрѣшеніемъ тяжелаго семейнаго вопроса, сколько произведеннымъ эффектомъ своихъ словъ.

— Готовъ, мать моя, приданое и скажи Настасѣ, чтобы справила молебень о Царскомъ здравіи... — и Суконниковъ рассказалъ женѣ о томъ, какъ съ нимъ говорилъ Государь въ городской думѣ.

XII

„Alter ego“...

Находясь въ концѣ іюня въ командировкѣ въ Петербургѣ, графъ Ропшинъ томился одиночествомъ и скучалъ безъ своего полка и привычной обстановки.

Его мать, старая графиня, проводила это лѣто въ Ячменовѣ.

Онъ получилъ отъ нее письмо, въ которомъ она жаловалась сыну, что стала плохо видѣть и просила его нанять ей лектрису, знающую англійскій и французскій языки, и давала при этомъ рядъ указаній.

Графъ Ропшинъ помѣстилъ въ газетахъ объявленіе. Онъ далъ адресъ своей казенно-офицерской квартиры и назначилъ для переговоровъ время послѣ шести часовъ вечера.

Въ первый-же вечеръ пришли вмѣстѣ двѣ бойкихъ молодыхъ француженки. Одна изъ нихъ не захотѣла ѣхать въ деревню, а другая откровенно призналась, что она охотнѣе была бы лектрисой самого Ропшина, а не его матери, и занялась съ нимъ откровеннымъ флиртомъ. Уходя, она дала Ропшину свой адресъ и объяснила, когда бываетъ свободна.

На другой день Ропшинъ пришелъ домой съ запозданіемъ.

Онъ засталъ у себя своего ротнаго командира Щербинина, передаващаго въ этомъ году свою роту штабному офицеру фонъ Маквицу-Эрнсбергу, выполнявшему свой командный цензъ по тому точному, какъ хронометръ, служебному механизму, который обычно выводилъ въ русской арміи много штабныхъ бездарностей на высшія командныя должности.

Когда Ропшинскій денщикъ Захаръ открылъ своему барину дверь, онъ вполголоса доложилъ ему: — такъ что у насъ командиръ роты! — и, увидя, что Ропшинъ нахмурился, думая, что пришелъ Эрнсбергъ, добавилъ: — нашъ, полковой!

— Такъ бы и говорилъ! — обрадовался Ропшинъ.

Услышавъ Ропшинскій голосъ Щербининъ вышелъ изъ гостиной въ переднюю.

— Се женихъ грядетъ во полуночи! — весело встрѣтилъ его Ропшинъ и расцѣловался съ нимъ. Въ полку онъ ему былъ ближе всѣхъ.

Онъ дружески обнялъ Щербинина за талію и пропустилъ его въ дверь гостиной.

— Всѣ говорятъ, что тебя самъ Государь сосваталъ? Правда-ли это? Какъ это случилось? Расскажи!.. — забросалъ онъ его вопросами.

— Сердце Царево въ руцѣ Божіей! Богъ помогъ! — коротко формулировалъ Щербининъ діалогъ Государя съ Суконниковымъ въ Костромѣ.

— Это подарокъ по чину къ твоему произ-

водству въ полковники! — добродушно посмѣялся Ропшинъ.

— Который, всетаки, слѣдуетъ получать поручикамъ или штабсъ-капитанамъ, помоложе! — замѣтилъ Щербининъ.

— Хорошій подарокъ всегда во-время!.. Я радуюсь за тебя, что твоя будущая жена происходитъ изъ прочной, русской, патріархальной семьи... Она съ честью будетъ носить твое имя. Что касается себя, то я доволенъ, что у меня будетъ милый семейный и родственны домъ... Когда-же свадьба?

— Я думаю, — черезъ мѣсяць...

Въ прихожей неожиданно зазвенѣлъ звонокъ.

— Какая то мамзеля... Вовсе не говорить по нашему... Лопочеть чтой-то... — доложилъ черезъ минуту Захаръ.

— Это опять лектриса... Если бы только зналъ, какъ онѣ мнѣ надоѣли... Я долженъ нанять лектрису для татап, — недовольнымъ голосомъ произнесъ Ропшинъ, — ты меня извини...

— Пожалуйста, пожалуйста! — и Щербининъ, закуривъ сигару, опустился въ кресло.

— Проси! сказалъ Захару Ропшинъ.

Въ гостиную вошла Кэтъ.

Вошла и... мило сконфузилась. Вышло очень естественно. Эту сцену Кэтъ провела отлично. Она ее нѣсколько разъ прорепетировала дома...

Она была въ скромномъ сѣромъ платьѣ и гладко причесана съ проборомъ. Застѣнчиво поклонившись обоимъ офицерамъ она опустила свои длинныя рѣсницы. Ропшинъ предложилъ ей сѣсть. Она скромно сѣла на кончикъ стула.

Начиналось первое дѣйствіе... Кэтъ приготовилась.

— Вы, вѣроятно, пришли по моему объявленію? — спросилъ ее Ропшинъ по-англійски.

— Jes, sir!*) — отвѣтила Кэтъ.

— Говорите-ли вы по-русски?

*) Да, судары!

— Нѣтъ, я не знаю русскаго языка и ничего не понимаю! — рѣшительно заявила Кэтъ. — Я только недавно пріѣхала изъ Англіи...

— Вотъ тебѣ настоящій экзотическій экземпляръ! — обратился Ропшинъ къ Щербинину по-русски, — вотъ онѣ какія! Не зная варварскаго языка, пріѣзжаютъ въ варварскую страну, составляютъ у варваровъ приданья и, возвратившись въ свои „культурныя“ страны, выходятъ замужъ и потомъ бранятъ все русское! Такія кикиморы заморскія!

Щербининъ засмѣялся.

Кэтъ съ трудомъ удержалась отъ улыбки. Взятая ею на себя роль ее начинала забавлять. Она посмотрѣла на Ропшина тѣмъ-же взглядомъ, какимъ на нее смотрѣли, когда-то, въ нью-іоркскомъ колледжѣ классныя дамы, когда она ихъ бранила при Танѣ по-русски.

— Вамъ придется ѣхать въ деревню! — предупредилъ ее Ропшинъ.

— Я этому очень рада, — я именно хочу познакомиться съ русской деревней! — отвѣтила Кэтъ.

— Вамъ придется читать моей матери по англійски и по французски.

— Я знаю и французскій языкъ... У меня хорошая дикція и я надѣюсь, что миледи, которой я буду читать, останется мною довольна...

— Very well!.. Прекрасно!.. — протянулъ Ропшинъ и, помолчавъ, обернулся къ Щербинину.

— Какъ ты, между прочимъ, находишь эту рыженькую? — спросилъ онъ его, дѣлая видъ, что спрашиваетъ его о постороннемъ.

— По моему, она недурна! — отвѣтилъ Щербининъ.

— По моему — тоже... Первый сортъ... — согласился Ропшинъ. — И ротикъ, и глазки, и ножки, и ручки, и вообще все прочее на мѣстѣ... Но... хороша Маша, да не наша!..

— Охъ, какой дерзкій! — подумала Кэтъ, краснѣя и, чувствуя это, отвернулась.

Ропшинъ не замѣтилъ ея смущенія.

Онъ спросилъ Кэтъ, какъ ее зовутъ?

Кэтъ сообщила, что ея имя Анна и дома ее звали Ани.

Ропшинъ спросилъ миссъ Ани о причинахъ, которыя заставили ее прѣхать въ Россію.

Въ Кэтъ сразу проснулась драматическая актриса.

Она въ трогательныхъ краскахъ изобразила обѣднѣвшую дворянскую семью, въ которой родилась и сказала, что у нее двѣнадцать братьевъ и сестеръ...

— Такъ много! — удивился Ропшинъ.

— Да, и всѣ младше меня! — грустно подтвердила Кэтъ, не смущаясь, — и поэтому я рѣшилась ѣхать въ Россію, чтобы зарабатывать деньги и помогать моимъ престарѣлымъ родителямъ...

Этотъ разсказъ растрогалъ Ропшина.

Онъ любезно объяснилъ Кэтъ, когда ей нужно на другой день прѣхать на Николаевскій вокзалъ, чтобы онъ могъ ее посадить въ поѣздъ, и что онъ самъ скажетъ кондуктору, на какой станціи ей нужно выйти.

Кэтъ поблагодарила Ропшина и получила отъ него деньги на дорожные расходы.

Вполнѣ довольная проведеніемъ своей роли, она издала поклонилась Щербинину и вышла изъ гостиной.

Она не удержалась, чтобы не улыбнуться Ропшину инстинктивно, по-женски, глазами, когда онъ провожалъ ее въ прихожую.

Наканунъ Кэтъ случайно прочла объявленіе Ропшина въ „Новомъ Времени“ и тутъ же рѣшила познакомиться съ Танинымъ кузеномъ путемъ водовильнаго этюда, не думая о послѣдствіяхъ.

Дорѣ объ этомъ она ничего не сказала.

Она знала, что Дора найдетъ тысячу причинъ, почему этого не слѣдуетъ дѣлать...

Кромѣ того, она понимала женскимъ чутьемъ, что Ропшинъ, о которомъ она такъ много слышала отъ Тани, можетъ сыграть въ ея жизни роль и она уже заранѣе опускала занавѣсъ передъ взорами постороннихъ.

Дора тоже никогда не говорила съ Кэтъ о Ропшинѣ. Она бережно хранила его образъ въ своемъ сердцѣ, замиравшемъ отъ муки и любви къ нему, и молчала.

Возвратившись отъ Ропшина домой, Кэтъ легла спать и, прежде чѣмъ заснуть, подумала о томъ, какъ удивится Таня, когда получитъ изъ Ячменова ея письмо...

Она нашла Ропшина совсѣмъ не такимъ, какимъ она его рисовала себѣ въ своемъ воображеніи.

Воображеніе и дѣйствительность переплелись и Кэтъ не могла сразу разобраться въ новыхъ, неясныхъ и сложныхъ ощущеніяхъ.

Это должно было сдѣлать время...

XIII

Послѣ петербургской командировки Ропшинъ получилъ отпускъ.

Онъ имъ воспользовался, чтобы быть на свадьбѣ Щербинина, въ Костромѣ, и теперь подъѣзжалъ съ московскимъ поѣздомъ къ Ячменovu.

Ропшинъ перегнулся изъ вагоннаго окна.

Поѣздъ съ шумомъ пробѣжалъ Ячменовскій ручей, отъ котораго до станціи оставалось всего полторы версты.

Передъ глазами Ропшина мелькнула сосновая роща, входной семафоръ и водокачка и изъ за

поворота, сѣрымъ пятномъ, стали показываться станціонныя постройки.

День клонился къ вечеру...

Далекіе лѣса уже подернулись темной дымкой, сильнѣе запахло цвѣтами и сѣномъ, на небѣ неясно обозначился серпъ молодого мѣсяца и въ противоположной сторонѣ робко блеснула первая звѣзда. Смеркалось...

У станціоннаго крыльца Ропшинъ увидѣлъ ячменовскій кабріолетъ съ парой знакомыхъ рыжихъ лошадей, которыхъ подъ уздцы держалъ грумъ.

Графиня никогда не встрѣчала сына, потому что приближеніе поѣзда ее всегда мучительно волновало и это отражалось плохо на ея больномъ сердцѣ.

На платформѣ стояла „англичанка миссъ Ани“ въ бѣломъ платьѣ съ наброшеннымъ на голову зеленымъ газовымъ шарфомъ.

Увидя ее, Ропшинъ поймалъ себя на мысли, что она часто вспоминалась ему съ тѣхъ поръ, какъ онъ проводилъ ее на Николаевскомъ вокзалѣ въ Ячменово, и какое-то новое неиспытанное чувство нѣжнаго покровительства къ этой миловидной бѣдной дѣвушкѣ закралось въ его душу.

Соскочивъ съ поѣзда, онъ весело поздоровался съ ней. Завязавъ разговоръ на французскомъ языкѣ, онъ спросилъ ее о графинѣ.

Миссъ Ани отвѣтила ему непринужденно, тоже по-французски, что графиня была несказанно обрадована его пріѣзду въ деревню и теперь съ нетерпѣніемъ ожидаетъ его и такъ волнуется, что уже нѣсколько дней не интересуется чтеніемъ.

— Я въ этомъ узнаю свою маман! — засмѣялся Ропшинъ.

— Вы должны цѣнить ея любовь, графъ! — серьезно замѣтила ему миссъ Ани.

Они подошли къ кабріолету.

Ропшинъ посадилъ англичанку на высокое сидѣнье и усѣвшись съ ней рядомъ, взялъ въ руки вожжи. Сзади помѣстился грумъ.

Ропшинъ тронулъ вожжами и кабріолетъ, мягко покачиваясь на рессорахъ, покатился.

До барскаго дома было около двухъ верстъ.

Лошади рѣзво бѣжали, пофыркивая въ пыли станціоннаго поселка.

— Научились-ли вы уже говорить по-русски? — шутливо спросилъ Ропшинъ свою сосѣдку, когда дорога изъ поселка пошла по лугамъ.

— Вы смѣтаетесь, графъ! Я только знаю нѣсколько словъ...

— Напримѣръ?

— Samovar, drova, gribi, kvas, khoroscha Mascha da nie nascha...

Ропшинъ удивленно-подозрительнымъ взглядомъ посмотрѣлъ въ глаза миссъ Ани, которые въ темнотѣ лукаво улыбались...

— Премиленькая англичанка! — подумалъ онъ про нее, — она мнѣ, положительно, нравится, но эта „Mascha“?... Гдѣ она подхватила эту „Машу“?...

Дорога повернула вправо и стала подниматься на пригорокъ. Съ пригорка она пошла паркомъ.

Ропшинъ сильнымъ движеніемъ осадилъ лошадей и кабріолетъ остановился у ярко-освѣщенной ротонды ячменовскаго дома.

XIV

Лѣто стояло знойное.

Охота еще не начиналась и Ропшинъ занялся приготовленіемъ къ ней, т. е. совѣщаніями съ лѣсниками о томъ, гдѣ по лѣсамъ имѣются тетеревиные выводки и рябчики, гдѣ по разливамъ Ячменовскаго ручья по веснѣ осѣли утки, гдѣ по болотамъ водятся дупеля и бекасы и гдѣ по перелѣскамъ зимой были особенно замѣтны заячьи и лисьи слѣды.

Онъ осмотрѣлъ оружіе и, никому не довѣряя, самъ снаряжалъ ружейные патроны, точно, по вѣсамъ отмѣряя для нихъ порохъ и дробь.

Съ миссъ Ани онъ встрѣчался ежедневно.

Въ одно изъ воскресеній онъ ѣздилъ съ ней къ сосѣдямъ Оленинымъ, у которыхъ была обширная иностранная библіотека, изъ которой графиня иногда пользовалась книгами.

У Олениныхъ играли въ теннисъ.

— Оленино противъ Ячменова! — Молодой Оленинъ съ женой играли противъ Ропшина и миссъ Ани.

Ропшинъ долженъ былъ сознаться, что побѣда досталась въ Оленинымъ, если бы не искусная и живая игра его граціозной и быстрой партнерши.

Незадолго до своего отъѣзда, графъ Ропшинъ былъ въ лѣсной охотничьей избѣ, при которой содержались лѣтомъ своры гончихъ и борзыхъ, и вернулся домой къ вечеру.

Жара спала и чай былъ накрытъ на террасѣ.

На взмыленной лошади Ропшинъ подѣхалъ къ дому, легко соскочилъ съ сѣдла и бросилъ поводья подбѣжавшему конюху.

Графиня встрѣтила сына любовнымъ взоромъ.

Когда онъ умылся и переодѣлся и свѣжій и надушенный вернулся на террасу, графиня его усадила рядомъ съ собой.

Миссъ Ани, по обыкновенію, скромно сѣла за самоваръ.

Графиня всегда пользовалась тѣмъ, что миссъ не знаетъ русскаго языка и поэтому всегда говорила съ сыномъ, въ ея присутствіи, откровенно, по-русски.

— Вотъ, Васенька, я смотрю на тебя и думаю, — всѣ женятся, а ты... я даже не знаю увлекался-ли ты когданибудь? — спросила она сына, нѣжно глядя его бѣлокурые волосы.

— О, татап, я всегда въ этихъ случаяхъ слѣдую наполеоновской стратегіи! — отвѣтилъ онъ, почтительно цѣлуя руку матери.

Графиня сдѣлала удивленное лицо.

— Какой?

— Наполеонъ сказалъ, что самая рѣшительная побѣда въ любви — это стремительное бѣгство!

Графиня засмѣялась.

— Однако онъ самъ не слѣдовалъ этой стратегіи!

— Онъ, — да!

— И ты не слѣдуй...

— Почему?

— Въ этомъ прелесть жизни!

Ропшинъ улыбнулся.

Миссъ Ани предложила графинѣ и Ропшину чай.

— Скажи все-таки, Васенька, нравилась-ли тебѣ какая нибудь дѣвушка въ этомъ сезонѣ? — не унималась графиня, передавая сыну ломоть душистаго чернаго хлѣба съ янтарнымъ липовымъ медомъ, — то, что ея Васенька особенно любилъ.

— Да, но не въ сезонѣ...

— Кто она? Я ее знаю?

— Да!

Графиня удивилась... Она стала перебирать въ умѣ знакомыхъ невѣстъ.

— Ума не приложу! Не могу догадаться! — созналась она послѣ молчанія.

— Какая она? Брюнетка или блондинка? — спросила она, помолчавъ, съ любопытствомъ.

— Ни то, ни другое.

— Какъ это такъ! Не лысая-же она, въ самомъ дѣлѣ? — произнесла графиня въ добродушномъ смѣхѣ.

— О, нѣтъ! Она... — Ропшинъ бросилъ быстрый взглядъ въ сторону миссъ Ани, — она — золотая!.. У нее точеный носикъ и около носика рассыпаны веснушки...

Миссъ Ани встала и, чтобы скрыть охватившее ее волненіе, стала со смѣхомъ отгонять отъ абажура влетѣвшую на огонь ночную бабочку.

— Когда она смѣется, — продолжалъ Ропшинъ, — у нее на щекахъ появляются очарова-

тельные ямочки... А глаза?... За одни глаза можно забыть весь міръ...

Графиня искоса посмотрѣла на Васеньку и догадалась о комъ онъ говоритъ.

— Ну! — протянула она разочарованно — ты все шутишь, а я съ тобой серьезно говорю! — и перевела разговоръ на другое.

Въ эту ночь Кэтъ не могла уснуть...

Она даже не ложилась.

Ей казалось, что въ комнатѣ нѣтъ воздуха и нечѣмъ дышать и она всю ночь провела у окна.

Въ ея сердцѣ зрѣли нѣжные зерна новаго, неизвѣданнаго чувства...

Въ ней просыпалось раннее утро любви, когда еще ничего не сказано словами, но все кругомъ говоритъ многое...

Такъ еще невидимые, но ощущаемые живительные лучи солнца предразсвѣтной зари окрашиваютъ въ нѣжно-розовые тона далекій горизонтъ.

XV

Когда Кэтъ уѣзжала изъ Петербурга въ Ячменово, она просила Дору приступить къ составленію русской бібліотеки, начиная съ классиковъ, отдавая предпочтеніе стариннымъ изданіямъ и не стѣсняться цѣной.

Дора ей откровенно призналась, что для такого дѣла она недостаточно образованна и мало начитанна.

Кэтъ только махнула рукой...

— Это ничего, милая Дора! — сказала она, — когда я искала васъ и нашла на Васильевскомъ

островѣ, я видѣла тамъ много курсистокъ и студентовъ... Поговорите съ ними, — они вамъ помогутъ... Только, пожалуйста, въ этомъ случаѣ не стѣсняйтесь расходами... Мебель вы выберите по своему вкусу... Всѣ счета передавайте въ контору...

И съ этимъ Кэтъ уѣхала...

Дора была занята заказомъ книжныхъ шкафовъ и мебели для библіотеки.

Не рѣшаясь остановить свой выборъ на многочисленныхъ предложеніяхъ, она собрала въ папку всѣ чертежи и рисунки и поѣхала за совѣтомъ къ художнику Лачинову.

„Вакханки“ были закончены.

Лачиновъ волновался, какъ его картину оценитъ академическое жюри, и былъ въ томъ настроеніи, когда дѣло сдѣлано и остается только ждать его результатовъ.

Онъ охотно помогъ Дорѣ и, пересмотрѣвъ папку, посоветовалъ ей выбрать мебель въ стилѣ строго-выдержаннаго „ампира“.

— Какой очередной номеръ ставить, между прочимъ, ваша американка? — спросилъ онъ Дору, когда провожалъ ее изъ студіи.

— Не знаю, — улыбнулась Дора, — уѣхала куда-то!

— И не пишетъ?

— Нѣтъ!

— Ну, значить, натворить чудесъ! Она сама не знаетъ, чего хочетъ!

Дора засмѣялась.

— Она, просто, скучаетъ отъ богатства, но душа у нее чудная, у этой миссъ Кэтъ!

Лачиновъ подалъ Дорѣ накидку.

— Я, всетаки, очень жалѣю, что ваша миллионерша не натурщица, — произнесъ онъ съ видимымъ сожалѣніемъ.

— Вы на всѣхъ женщинъ смотрите съ этой точки зрѣнія!

— Что дѣлать, — что у кого болитъ, тотъ про то и говоритъ!..

— Вотъ именно, — согласилась Дора и, распрощавшись съ Лачиновымъ, пошла на Лиговку заказать выбранную мебель.

XVI

„Оже выбьютъ зубъ, и кровь увидятъ у него въ ртѣ, а людѣ выльзутъ, то 12 грвнѣ продаже, а за зубъ грвна“.

„Русская Правда“ Ярослава Мудраго.

Съ Николаевского вокзала толпой выходили пассажиры московскаго поѣзда. Нѣкоторые изъ нихъ садились въ извозчичьи дрожки, стоявшія рядами у тротуара, другіе, — по преимуществу бѣднота, съ котомками и мѣшками, просачивались на Гончарную и Лиговку и сразу растворялись въ городскомъ потокѣ.

Ропшинъ подождалъ на перронѣ, пока не разрядится толпа, и медленно вышелъ на подъѣздъ.

Онъ остановилъ свой взоръ на памятникѣ Императору Александру III, возвышавшемуся посреди площади, на фонѣ вычурнаго фасада Сѣверной гостиницы.

Эта утрированно-грузная фигура на тяжеломъ конѣ всегда напоминала ему былиннаго богатыря Илью Муромца.

Ропшинъ сталъ искать глазами свою пролетку.

— А, ты уже здѣсь! Здравствуй! — весело сказалъ онъ кучеру, ожидавшему своего офицера у подъѣзда, и легко вскочилъ въ экипажъ.

Носильщикъ положилъ ему въ ноги чемоданъ.
— Домой, — бросилъ онъ кучеру.

Рысакъ затоптался на мѣстѣ. Кучеръ тронулъ его вожжей и рысакъ рванулся. Пролетка обогнула памятникъ и выѣхала на Лиговку.

Въ это время Ропшинъ замѣтилъ быстро приближавшійся со стороны Невскаго небольшой двухмѣстный автомобиль.

— Куда его такъ несетъ? — подумалъ Ропшинъ, — вѣдь этакъ... онъ можетъ... — и прежде чѣмъ Ропшинъ успѣлъ докончить свою мысль, онъ увидѣлъ бѣлую фигуру какой-то женщины, которая испуганно метнулась передъ автомобилемъ.

Машина зацѣпила ее крыломъ. Женщина естественно упала на мостовую. Бывшая у нея въ рукахъ папка раскрылась и какіе-то бѣлые листы изъ этой папки подхватилъ вѣтеръ.

Машина шарахнулась въ сторону. Ропшинскій рысакъ, испугавшись, бросился отъ нея. Пролетка едва не опрокинулась. Ропшинъ поспѣшно соскочилъ на мостовую.

Какіе то люди поднимали женщину...

— Отвезите ее въ моемъ экипажѣ въ ближайшую больницу! — сказалъ Ропшинъ ни къ кому особенно не обращаясь и подошелъ къ автомобилю стараясь быть спокойнымъ и не возбуждая поднявшагося въ немъ негодованія.

Подбѣжавшій городской, записавъ номеръ машины, спрашивалъ господина въ котелкѣ и съ моноклемъ въ глазу, сидѣвшаго за рулемъ, — кто онъ?

— Ich spreche nicht russisch!*) — отвѣтилъ холодно господинъ по-нѣмецки и, полуобернувшись къ господину, сидѣвшему съ нимъ рядомъ, спросилъ его: — was will dieses russisches Schwein?**)

— Васъ спрашиваютъ, — кто вы? — перевелъ ему Ропшинъ, поблѣднѣвъ, вопросъ городского на нѣмецкій языкъ.

*) Я не говорю по русски.

**) Что хочетъ эта русская свинья?

— Я — австрійскій чиновникъ! — прищурившись, надменно отвѣтилъ господинъ, — и потому...

— Это не даетъ вамъ права ѣздить въ русской столицѣ не по правиламъ! — перебилъ его Ропшинъ раздражительно.

— Это мое дѣло! — съ явнымъ вызовомъ отвѣтилъ австріецъ.

Животная злость охватила Ропшина.

Онъ размахнулся... Голова у австріяца мотнулась на бокъ, котелокъ свалился съ головы и монокль выпалъ изъ глаза.

— Однако, — здорово!... — замѣтилъ, подмигнувъ, одинъ фабричный другому въ образовавшемся кольцѣ, состоявшемъ въ большинствѣ изъ мастеровыхъ и рабочихъ, падкихъ до всякаго рода уличныхъ зрѣлищъ и происшествій.

— Одно слово, — саданулъ! — одобрительно подтвердилъ другой.

— Was ist das? Was ist das!*) — растерянно повторялъ австріецъ, держась за щеку.

— Чего это онъ тамъ лопочетъ? — спросилъ какой-то рабочій.

— Развѣ не понимаешь, — еще разъ въ морду захотѣлъ!..

Кругомъ раздался смѣхъ...

Ропшинъ сообщилъ подошедшему околочному надзирателю, — кто онъ, и рѣшительно вышелъ изъ окружавшей толпы, которая передъ нимъ предупредительно разступилась.

— Разойдись! Разойдись! Тутъ не базаръ, — скопленіе личности не дозволяется! — слышалъ онъ за собой убѣждающій голосъ полицейскаго.

*) Что такое? Что такое?

Когда Ропшинъ пришелъ въ желѣзнодорожную больницу, Дора полулежала въ хирургической пріемной на клеенчатомъ диванѣ.

Ее уже осмотрѣлъ докторъ. Никакихъ серьезныхъ поврежденій онъ у нея не нашелъ.

— Пациентка перенесла сильное нервное потрясеніе отъ испуга! — объяснилъ докторъ вошедшему Ропшину свой діагнозъ и причину ея обморочнаго состоянія. — *Tinctura valeriani* три раза въ день, абсолютный покой, тишина...

Ропшинъ не слушалъ того, что дальше говорилъ докторъ, — онъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на устремленные на него черные, миндалевидные глаза и видѣлъ восторженный взоръ, который граничилъ съ обожаніемъ...

— А, знакомая незнакомка! — шутливо сказалъ Ропшинъ, подходя къ Дорѣ. — Благодарите Бога, что дешево отдѣлались, развѣ такъ можно!.. — продолжилъ онъ съ ласковой укоризной.

— Я увидѣла васъ! — въ сладкомъ томленіи призналась Дора. — Вы ѣхали около памятника... я не замѣтила, какъ автомобиль... наѣхалъ на меня...

Ропшинъ не зналъ, что говорить. Онъ подсѣлъ къ Дорѣ и положилъ ей на руку свою руку.

Онъ чувствовалъ, какъ ея рука трепетно задрожала...

— Графъ — начала Дора.

— Что такое? — наклонился онъ къ ней.

— Графы! Я больше не могу... Я... — прошептала она страстно съ мучительной тоской, — люблю васъ!..

Она еще хотѣла что то сказать, но, откинувшись на подушки, потеряла сознаніе.

Къ Ропшину въ его лагерный красносельскій баракъ зашли послѣ обѣда на кофе Щербининъ и Эрнсбергъ.

Кофе было только предлогомъ...

Эрнсбергъ предложилъ обсудить, какъ можно было-бы ликвидировать исторію съ австрійскимъ чиновниксмъ, которая, получивъ въ Петербургѣ широкую огласку, грозила Ропшину непріятными послѣдствіями.

Меньше всѣхъ заботился объ этомъ самъ Ропшинъ.

Онъ высказался въ полковой средѣ, что онъ былъ вынужденъ на репрессію и доказывать это находить лишнимъ...

Эрнсбергъ съ этимъ не соглашался, но открыто этого не высказывалъ и поэтому у Щербинина къ нему накопало какое-то нехорошее, непріязненное чувство...

Пока на верандѣ, въ серебряномъ качающемся кофейникѣ, готовился кофе и Захаръ по указанію Ропшина ставилъ на столъ печенья и разноцвѣтные ликеры, Эрнсбергъ сидѣлъ на перилахъ, въ зелени чахлаго дикаго винограда, обвинявшаго веранду, и, попыхивая папирсой, собирался съ мыслями.

Онъ щурилъ свои близорукіе глаза и нервно поправлялъ пенснѣ.

Щербининъ, удобно помѣстившись въ лонгше-зѣ, курилъ сигару.

— Я имѣю свѣдѣніе о томъ, что этотъ инцидентъ съ австрійцемъ, — началъ Эрнсбергъ менторскимъ тономъ, — произвелъ въ высшихъ кругахъ впечатлѣніе удара грома среди голубого неба и, насколько мнѣ извѣстно изъ „сферъ“, въ австрійское посольство уже послано извиненіе...

— Вполнѣ возможно! — перебилъ его Щербининъ.

— Въ одной изъ статей международнаго права...

— Эхъ, — оставьте вы международное право, ей-ей, и безъ него кисло! — снова перебилъ его Щербининъ съ досадою.

Эрнсбергъ прикусилъ языкъ.

Щербининъ былъ полковникъ и Эрнсбергъ временно зависѣлъ отъ него. Спорить было невыгодно.

Наступило тягостное молчаніе...

Ропшинъ въ душѣ смѣялся.

Щербининъ полуобернулся къ нему.

— Я, всетаки, тебѣ долженъ сказать, Васенька, — наставительно сказалъ ему Щербининъ, — что ты сдѣлалъ „faux pas“, — какой чертъ дернулъ тебя связаться съ этимъ австрійскимъ чиновникомъ... это было неосторожно!

— Ему самому надо было быть осторожнѣе! Что онъ сказалъ городовому? Что мнѣ оставалось дѣлать? — посмотрѣлъ на Щербинина Ропшинъ своимъ яснымъ взглядомъ.

— Ты, вотъ, меня понять не хочешь, Васенька! — съ ласковой укоризной сказалъ ему Щербининъ. — Я вовсе не осуждаю тебя за то, что ты далъ ему затрещину, — Боже упаси! Но зачѣмъ ты поставилъ себя въ такое положеніе, что тебѣ пришлось это сдѣлать? Вотъ что!

— Я никакъ не могъ предположить...

— Вотъ именно, и въ этомъ твой промахъ...

— Я этого не отрицаю! — просто согласился Ропшинъ.

Щербининъ глубоко затянулся сигарой.

— Люблю я тебя, Васенька, — произнесъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, — за твою прямоту... Ни глупыхъ, ни смѣшныхъ, ни, тѣмъ болѣе, оскорбительныхъ положеній ты не переносишь, не такъ, какъ многіе, которые въ погонѣ за карьерой готовы на всякіе компромиссы съ совѣстью...

По лицу Эрнсберга скользнула тѣнь самодовольной усмѣшки...

— Кажется, кофе готов! Пожалуйте къ столу! Какого ликера прикажете? Если не ошибаюсь, вы предпочитаете шартрезъ? — обратился Ропшинъ къ Эрнсбергу.

Свистулька, вставленная въ стеклянную крышку кофейника, отъ паровъ, собравшихся подъ куполомъ ея, весело посвистывала.

Эрнсбергъ соскочилъ съ перилъ.

Щербининъ съ лонгшезомъ подвинулся къ столу.

— Мнѣ кажется, что графу необходимо пустить въ ходъ свои связи... Нужно дѣйствовать — сказалъ Эрнсбергъ такимъ тономъ, который исключалъ всякое другое мнѣніе.

— Я уже принялъ опредѣленное рѣшеніе, — отвѣтилъ на это Ропшинъ.

— Какое? — удивился Щербининъ.

— Я ухожу изъ полка и вообще изъ военной службы...

— Зачѣмъ? Васъ, графъ, въ полку такъ цѣнятъ! — замѣтилъ вкрадчиво Эрнсбергъ, многозначительно пожавъ плечами.

— Вотъ поэтому-то я и ухожу... Я самъ всей душой преданъ своему полку и знаю, что съ моимъ уходомъ полку будетъ легче ликвидировать эту исторію...

— Да, ты — правъ! — прервалъ наступившее молчаніе Щербининъ съ печалью въ голосъ.

За кофе Щербининъ разсказалъ два эпизода, одинаковыхъ по мотивамъ исполненія, но разныхъ по времени и послѣдствіямъ.

— Въ 1885 году, — началъ Щербининъ, — въ царствованіе Государя Императора Александра III, въ далекомъ Туркестанѣ, афганцы, по наущенію англичанъ, неожиданно перешли русскую границу. Писать телеграммы и ожидать инструкцій было некогда, и поэтому полковникъ Комаровъ стремительно обрушился на афганцевъ со своими туркестанскими стрѣлками и, послѣ короткаго боя, разбилъ ихъ и разсѣялъ. Англичане потребовали

удовлетворенія. Императоръ, наградивъ Комарова брилліантовой саблей, повелѣлъ отвѣтить англичанамъ коротко, что Онъ, Императоръ, наградилъ полковника Комарова за его дѣйствія особой наградой. Англичане, проглотивъ эту горькую пилюлю, притихли... Такъ было раньше!

Щербининъ помолчалъ...

— Не такъ давно, — продолжилъ онъ, — въ Тегеранѣ, подкупленные англичанами, персы арестовали своего шаха, вѣрнаго сторонника Россіи. Находившійся тамъ со своей персидской казачьей бригадой полковникъ Ляховъ разогналъ революціонный меджлисъ и освободилъ шаха. Англичане начали дипломатическую переписку... Въ результатъ — Ляховъ былъ смѣщенъ и едва избѣгъ суда... Англичане торжествовали... Это — въ наши дни!..

— *Tempora si fuerint nubila, solus eris!**) — заключилъ Щербининъ свои слова латинскимъ изреченіемъ изъ Овидія.

— Что это значитъ? — я не понимаю латыни! — спросилъ Ропшинъ.

— Это значитъ, что нашъ Государь въ минуту опасности можетъ оказаться безъ вѣрныхъ людей! Вотъ что! — рѣзко отвѣтилъ Щербининъ.

— Неужели не найдутся? — подумалъ Ропшинъ, вспомнивъ Гриппенберга.

*) Если время покрывается тучами, — ты останешься одинъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда въ Петербургъ молодого графа, Кэтъ тоже уѣхала изъ Ячменова.

Старая графиня, отпуская ее, просила ее вернуться, чтобы дочитать Вальтеръ-Скотта.

Среди дѣловой корреспонденціи изъ Америки Кэтъ нашла письмо отъ Тани.

Таня писала, что научныя изслѣдованія задерживаютъ ея мужа въ Берлинѣ, что она не можетъ пріѣхать одна и поэтому пріѣдетъ въ Петербургъ съ нимъ вмѣстѣ только къ зимѣ.

Это письмо огорчило Кэтъ, которой хотѣлось, чтобы именно Таня распутала тотъ клубокъ сложныхъ взаимоотношеній, которыя она, Кэтъ, создала для себя такъ неосторожно въ Ропшинской семьѣ.

Изъ Танинаго письма было видно, что она не одобряетъ поступка своей подруги и не находитъ въ немъ того безобиднаго начала, которымъ руководилась Кэтъ.

Таня совѣтовала Кэтъ ликвидировать, пока не поздно, совершенный обманъ...

— Нѣтъ, — все-таки буду ждать Таню! — рѣшила Кэтъ твердо, перечитавъ письмо, — пусть она ликвидируется...

Дора тяжело переживала свою любовь...

Она сосредоточила всю любовь ко всей вселенной только на одномъ Ропшинѣ и возвела его на степень божества. Онъ одинъ наполнилъ для нея собою весь міръ... Дора горѣла огнемъ и со знавала, что уже ни ограничить, ни погасить его она не въ силахъ. Любовь стала ея душой, ея блаженствомъ, восторгомъ и мученіемъ... Силою страсти ея сердце стало чистымъ, какъ небесная лазурь послѣ грозы...

Начатое любовью могло быть dokonчено
только Богомъ...

— Я васъ совсѣмъ не узнаю, Дора, — васъ какъ будто подмѣнили... — говорила Кэтъ, распахнувъ пенюаръ и сидя верхомъ на верхней ступенькѣ лѣсенки передъ книжнымъ шкафомъ въ новой библиотекѣ.

— Вы все время о чемъ то думаете... Ваши мысли гдѣ-то далеко... Вы разсѣяны... Что съ вами, милая Дора?

Дора задумчиво смотрѣла въ окно.

Обернувшись, она подняла на Кэтъ свои черные, печальные глаза.

— Я ухожу въ монастырь!.. — коротко отвѣтила она.

Кэтъ удивленно посмотрѣла на нее.

— Въ монастырь? — переспросила она.

Дора, удерживая слезы, вышла изъ библиотечной.

На крутомъ склонѣ холма, при сліяніи Вислы и Сана, дремлетъ старый Сандоміръ.

Далеко, съ галиційскихъ равнинъ бѣлѣютъ стѣны стариннаго замка польскаго короля Владислава IV, отливаютъ пыльнымъ опаломъ узкія слюдяныя окна женскаго монастыря набожныхъ кармелитокъ и четко рисуется въ небѣ острая игла католической соборной колокольни.

Средневѣковый Сандоміръ романтиченъ своей древностью... Все въ немъ грезитъ о быломъ...

Остатки земляныхъ рвовъ, каменныхъ стѣнъ и башенъ временъ Казимира Великаго говорятъ о бывшихъ здѣсь кровавыхъ бояхъ; королевскій замокъ, купающій свои стѣны въ рѣкѣ, напоминаетъ о славѣ и блескѣ далекаго прошлаго: его залы

тогда пестрѣли народной толпой, гремѣли шпоры „гоноровыхъ“ пановъ и стучали каблучки жеманно-лукавыхъ паннъ и паненокъ въ тактъ мазурки и краковяка; волны времени не захлестнули монастырскихъ стѣнъ, столѣтія безсильны у ихъ подножія, миръ и тишина царитъ за ними и когда-то кипѣвшая кругомъ жизнь теперь молчаливо проходитъ мимо...

И уставъ монастырскій не измѣнился со временемъ, — онъ все тотъ-же. Это каноническое подчиненіе монахинь своей игуменьѣ со всей строгостью полного самоотреченія.

Какъ голосу Христа, *ut voci Christi*, онѣ должны исполнять съ радостью каждое приказаніе и жестъ и быть такими-же послушными орудіями, какъ топоръ въ рукахъ дровосѣка или рычагъ какой нибудь сложной машины.

По очереди каждая монахиня въ монастырской капеллѣ совершаетъ „непрестанное поклоненіе“. Это — молитва за всѣ грѣхи, совершаемые на землѣ.

Молящаяся сестра стоитъ на колѣняхъ передъ Св. Дарами со скрещенными руками и, когда падаетъ отъ изнеможенія, ложится ничкомъ, лицомъ на каменные плиты, и въ такомъ положеніи продолжаетъ молиться за всѣхъ грѣшниковъ міра.

Онѣ смѣняются, какъ солдаты на часахъ, уже въ продолженіе многихъ сотенъ лѣтъ и замаливаютъ чужіе грѣхи, насилія, несправедливости и преступленія...

Золотое августовское солнце, бросивъ на Сандоміръ прощальный лучъ, опустилось за австрійскій пограничный кордонъ.

Небольшая еврейская телѣжка съ одной лошадыю подвезла Дору къ желѣзной калиткѣ монастыря со стороны Опатова.

Возница-еврей, въ длинномъ лоснящемся лапсердакѣ и пейзажѣ, снялъ съ телѣжки Доринѣ багажъ, — небольшой холщевый свертокъ.

Дора постучала у калитки кольцомъ.

Калитка медленно отворилась и въ ней показалось изъ-подъ причудливаго головного убора молодое, изнуренное и блѣдное лицо привратницы, въ глазахъ которой уже угасла весна.

Привратница, окинувъ Дору любопытнымъ взглядомъ, тихо произнесла — Ave Maria!

— Gratia plena! — отвѣтила Дора.

Переступая монастырскій порогъ сердце у Доры щемительно сжалось... Хватить-ли у нее силъ побороть сердечныя страсти? Найдеть-ли она въ монастырѣ то душевное успокоеніе, которое ищетъ?

Женское сердце не терпитъ пустоты... Разрушеніе одного сопровождается новыми созиданіями и сладкій ядъ любви Дора замѣняла молитвой и постомъ.

XIX

Послѣ отъѣзда Доры, Кэтъ, ничего не зная о томъ, что произошло съ Ропшинымъ, рѣшила использовать то время, которое оставалось до пріѣзда Тани, путешествіями.

Побывавъ съ Дорой послѣ Костромы на Кавказѣ, Кэтъ хотѣла побывать на сѣверѣ, въ Финляндіи, для сравненія.

Къ этому вскорѣ представился случай.

Изъ американскаго посольства въ Финляндію собиралась экскурсія туристовъ.

Кэтъ присоединилась къ ней.

Маршрутъ былъ помѣченъ изъ Петербурга парохомъ до Торнео, причемъ предполагалось подняться по рѣкѣ Кеми въ Лапландію до полярнаго круга, чтобы посмотрѣть назаходящее солнце

Обратно экскурсія возвращалась изъ Улеборга по желѣзной дорогѣ.

Кэтъ обложила книги...

Приступивъ къ изученію финляндской исторіи Кэтъ никакъ не могла понять въ какой зависимости отъ Россіи находится Финляндія? Послѣ завоеванія ея прошло больше ста лѣтъ и около этого вопроса все еще происходили горячіе споры.

Нѣкоторые ученые доказывали, что Финляндія суверенное княжество, связанное съ Россіей уніей, другіе — что Финляндія автономна, но никакой унии нѣтъ, третьи, — что это государство къ государствъ и, наконецъ, четвертые, — что Финляндія это только русская провинція...

Кэтъ находилась въ недоумѣніи.

Но, прочтя, какъ финскія войска ходили при Императорѣ Николаѣ I на усмиреніе Польскаго мятежа, совершали Венгерскій походъ и участвовали въ Восточной войнѣ и при Императорѣ Александрѣ II, во время Русско-Турецкой войны, сражались на Балканахъ, — Кэтъ поняла, что Финляндія неразрывно связана съ Россіей исторически.

Кэтъ казалось очевиднымъ, что въ случаѣ войны Императоръ Александръ III, по примѣру Своего Дѣда и Отца, тоже вызвалъ-бы финскія войска для участія въ войнѣ и Кэтъ не могла себѣ объяснить, почему Императоръ Николай II эти войска уничтожилъ...

Ознакомившись съ Финляндіей книжно, Кэтъ, съ болѣе чѣмъ достаточнымъ для туристки багажомъ знаній, сѣла въ одинъ изъ вечеровъ конца августа, у Николаевского моста, на пароходъ.

Составъ экскурсіи состоялъ изъ нѣсколькихъ американцевъ и двухъ дѣвушекъ, сестеръ одного изъ нихъ. Былъ одинъ длинный, какъ жердь англичанинъ, совершившій, по его словамъ, нѣсколько кругосвѣтныхъ путешествій.

Пароходъ засвѣтло прошелъ Морской каналъ и, миновавъ Кронштадтскіе форты, взялъ курсъ на западъ. Послѣ полуночи, справа обрисовался, обли-

тый блѣднымъ луннымъ свѣтомъ, скалистый мысъ Экенесь и пароходъ черезъ часть пришвартовался у Ганге.

На другой день туристы были въ Гельсингфорсъ.

Грозный Свеаборгъ виднѣлся влѣво.

Нарядный Гельсингфорсъ удивилъ Кэтъ своей чистотой. Казалось, что его обитатели живутъ въ немъ только для того, чтобы его чистить, мыть и наводить блескъ.

Въ тотъ-же день вечеромъ другой пароходъ, значительно меньшій, чѣмъ первый, отошелъ отъ Гельсингфорса.

Аландскія шкеры онъ проходилъ днемъ.

Сѣрыя волны туманнаго моря плескались у скалистыхъ береговъ, поросшихъ хвойными лѣсами. Кое-гдѣ на мшистыхъ склонахъ виднѣлись березовые и осиновые перелѣски, кусты ивы, вереска и можжевельника.

Пароходъ иногда шелъ такъ близко отъ острововъ, что среди темной зелени береговъ были видны краснѣвшія, какъ зерна коралловъ, кисти ежевики и ягоды морошки, брусники и мамыры.

Холодное солнце не грѣло... Тихо отдыхали подъ его лучами сжатая поля... Величественная тишина природы нарушалась глухимъ прибоемъ дробящихся волнъ о прибрежный гранить...

— Какъ все это не похоже на яркія краски Юга! — думала Кэтъ. — Тамъ, залитый ослѣпительно-знойнымъ солнцемъ, пестрый и шумный Тифлисъ... Тамъ Батумское побережье, — эта сказка Гомера! Чуть колышется синева какъ-бы уснувшего моря и далеко въ прозрачной небесной лазури бѣлѣютъ на сѣверѣ снѣговья вершины Эльбруса и на югѣ Понтійскій Тавръ... Экзотическая природа дышетъ сладострастіемъ и нѣгой въ ароматѣ цвѣтовъ!.. Тамъ журчить, не умолкая, Арагва, сбѣгая горнымъ хрусталемъ съ Кавказскаго хребта, и благословляютъ ее, чистую, какъ невинную дѣвушку, съ дикаго утеса Мцхета золотые кресты собора

Св. Нины!.. Тамъ глубокое и дикое ущелье Дарьяла! Въ серебряныхъ брызгахъ и пѣнѣхъ клопочетъ на его днѣ водопадами безпокойный Терекъ и несетъ въ мутный Каспій народамъ Востока легенду о русскомъ Царѣ... Тамъ...

Пароходъ далъ протяжный гудокъ и вывелъ Кэтъ изъ задумчивости. На палубѣ поднялась суета... Навстрѣчу шла Императорская яхта „Штандартъ“.

Пароходъ по положенію, расходясь, отсалютовалъ ей флагомъ.

На вторыя сутки послѣ Аландскихъ шкеръ на фонѣ далекаго горизонта обрисовался городъ Ваза.

Дыханье осени становилось замѣтнѣе. Ночью былъ небольшой морозъ и днемъ было прохладно. Большинство пассажировъ проводило время въ каютъ-компаніи.

Кэтъ, облокотившись на подушки мягкаго дивана, разговаривала съ двумя своими соотечественниками, стремившимися ей доказать, что русскіе — варвары, а финны — культурные европейцы и поэтому между ними не можетъ быть ничего общаго.

Кэтъ горячо доказывала, что у Россіи своя самобытная культура, до которой не только финнамъ, но и всей Европѣ далеко, и при этомъ Кэтъ утверждала, что куда-бы русскіе не проникали на Востокъ, гдѣ еще не было никакой европейской культуры, они всюду вносили тамъ свою культуру и притомъ мирнымъ путемъ.

Что-же касается финновъ, то они уже давно получили свою культуру отъ шведовъ и Россія до послѣдняго времени не стремилась прививать имъ своей культуры, и потому и русскіе, и финны столѣтъ мирно жили вмѣстѣ и дружно отстаивали свои общіе государственные интересы даже, когда это было нужно, съ оружіемъ въ рукахъ.

— Вы, значить, не знаете того, что происходитъ въ послѣднее время между Россіей и Финляндіей? — язвительно замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Все это очень печально! — замѣтила Кэтъ и уклонилась отъ дальнѣйшаго разговора на тему, которая ей была непонятна.

Наступило молчаніе...

— Недавно въ Петербургѣ произошелъ инцидентъ, — прервалъ создавшееся молчаніе прежній собесѣдникъ, съ желаніемъ доказать правоту своихъ словъ, — который доказываетъ, что въ Россіи даже не признается дипломатическая неприкосновенность личности, — одинъ офицеръ избилъ на улицѣ австрійскаго чиновника, ѣхавшаго въ автомобилѣ... Можете себѣ представить! Развѣ такой случай въ Финляндіи возможенъ!..

— Конечно, возможенъ! Вѣдь на этомъ австрійцѣ не было написано, что онъ австріецъ и, надо думать, что его поведеніе было тоже далеко не безупречно... — пожала плечами Кэтъ.

— А самый фактъ такой грубой расправы? — горячо возразилъ молодой человѣкъ.

— Это другое дѣло! — отвѣтила Кэтъ.

Сидѣвшій рядомъ за кружкой эля, длинный англичанинъ, изъѣздившій весь свѣтъ, спокойно вмѣшался въ разговоръ.

— Этотъ офицеръ былъ графъ, значитъ — аристократъ! — сказалъ онъ флегматично.

Собесѣдникъ Кэтъ лукаво улыбнулся.

— Графъ... Это какъ разъ то, что создалъ Старый Свѣтъ своей культурой и что такъ высоко котируется у насъ на биржѣ американскихъ невѣсть, — продолжилъ онъ.

— Это совершенно естественно... Дорого то, чего нѣтъ... Европа создала аристократію крови, Америка — аристократію доллара... Далѣе, — законъ жизни — обмѣнъ...

— Торговля, миссъ.

— Да, если хотите... Но я лично титула себѣ покупать не собираюсь и свои манильскія плантаціи не пушу на „биржу невѣсть“! Пусть это дѣлаютъ другія! — и Кэтъ весело разсмѣялась.

— Фамилія этого аристократа — графъ Ропшинъ! — методично продолжилъ англичанинъ, ни къ кому не обращаясь и перелистывая свою путевую книжку...

Кэтъ до крови прикусила губу.

— Когда я былъ въ Новой Гвинее, — продолжалъ, между тѣмъ, англичанинъ, — и меня взяли въ плѣнъ и хотѣли съѣсть людоеды, — я записалъ всѣ ихъ приготовленія до послѣдняго момента...

— Когда изъ васъ уже собирались дѣлать бифштексы? — спросилъ молодой американецъ.

— Да.

— Но, какъ видно, не сдѣлали?

— Нѣтъ. Они не успѣли... Пришли наши моряки..

— И бѣдные людоеды остались безъ обѣда голодными! — съ сожалѣніемъ покачалъ головой американецъ. — Чѣмъ-же вы вознаградили вашихъ спасителей?

— О! Я ихъ хорошо наградилъ — я собралъ ихъ всѣхъ и прочелъ имъ все, что я записалъ...

Американцы дружно разсмѣялись.

— Королевская награда! — сказалъ одинъ изъ нихъ сквозь смѣхъ.

— Да. Это было очень интересно! — и невозмутимый англичанинъ протянулъ американцу свои замѣтки о Новой Гвинее.

Кэтъ не поѣхала дальше. Въ Вазѣ она сѣла въ поѣздъ. Въ окна вагона замелькали суровые финляндскіе пейзажи, станціи, селенія, готическія кирки... Таммерфорсъ, Тавастгусъ, Выборгъ, Бѣло-островъ, Удѣльная и... Петербургъ.

Кэтъ съ Финляндскаго вокзала послала графинѣ Ропшиной телеграмму.

Въ тотъ-же вечеръ Кэтъ получила отвѣтъ.

Графиня ждала ее.

— Чѣмъ теперь окончится наше чтеніе Вальтеръ Скотта? — думала Кэтъ, радостно собираясь въ Ячменово.

Въ 1913 году зима наступила рано...

Въ Тверской губерніи въ концѣ октября по ночамъ начало сильно морозить. Шелъ рѣдкій снѣгъ, который днемъ таялъ.

Пороша не держалась... Охота по „пушнинѣ“ не налаживалась...

Графъ Ропшинъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда можно будетъ приступить къ „Углу“, гдѣ должна была начаться выборная рубка соснового угодья.

Ожидали этого и Ячменовскіе крестьяне. Урожай изъ за раннихъ морозовъ въ этомъ году былъ ниже средняго и графъ обѣщалъ поддержать крестьянъ зимой заработкомъ по рубкѣ „Угла“ и вывозу изъ него лѣса.

Ропшинъ былъ оживленъ и дѣятеленъ.

Онъ старался войти во всѣ детали сельскаго хозяйства и это, какъ спортъ, захватывало его.

Графиня, забывая, что ея Васенька не дѣлаетъ военной карьеры, о которой она такъ мечтала, вполнѣ была счастлива тѣмъ, что онъ съ ней.

Кэтъ знакомилась съ помѣщичьимъ и крестьянскимъ бытомъ, осторожно вела у себя дневникъ и по ночамъ читала русскія книги.

Всѣ по прежнему были убѣждены, что она не знаетъ русскаго языка и не стѣснялись ея присутствія.

Такъ, крестьянка однажды откровенно говорила при ней, какъ они по ночамъ у Ропшинскаго графа воруютъ лѣсъ, — въ то время, когда одни спаивали водкой лѣсниковъ, другіе — рубили и вывозили бревна.

Кэтъ и Ропшинъ все больше сближались...

Они оба ясно сознавали, что ихъ связываютъ какія-то невидимыя, но прочныя нити, — Кэтъ съ нѣжнымъ трепетомъ любви, Ропшинъ — просто, безъ анализа.

Въ концѣ ноября ударили морозы и Ячменово замело снѣгомъ.

Было воскресенье...

Реомюръ показывалъ десять градусовъ мороза, было ясно, но барометръ шелъ къ „непогодѣ“.

Слегка мело...

Графиня только что вернулась изъ церкви.

У расчищеннаго отъ снѣга подъѣзда стояли розвальни, покрытые ковромъ.

Молодой графъ собирался ѣхать въ лѣсъ.

Онъ стоялъ въ нагольномъ тулупѣ и въ валенкахъ у розвалень, когда къ дому подъѣхалъ графининъ возокъ.

Онъ подошелъ къ возку, открылъ дверцу и помогъ матери выйти изъ него.

— Васенька, отвези къ Оленинымъ миссъ... Я совсѣмъ забыла, — у меня къ нимъ есть дѣло... Когда поѣдешь обратно, — заѣдешь за ней, — попросила она сына, медленно поднимаясь по усыпаннмъ желтымъ пескомъ ступенямъ подъѣзда.

Миссъ Ани не заставила себя ждать...

Въ теплой ватной шубкѣ и въ мѣховой бѣлицей шапочкѣ, которая особенно шла ей, она, скрипя ботиками, быстро сбѣжала съ подъѣзда и мягко опустилась рядомъ съ графомъ на ковровое сидѣнье розвалень, съ лѣвой стороны.

Графъ отпустилъ кучера и взялъ въ руки вожжи.

Застоявшійся „Бобыль“, его любимый жеребецъ, легко подхватилъ сани и, горячася, вынесъ ихъ на тугихъ вожжахъ по накатанной узкой зимней дорогѣ къ выѣзду изъ усадьбы.

Замелькала елочная изгородь...

Усадьба — позади...

Жеребецъ на рыси весь въ снѣгу. Изъ-подъ копытъ летятъ пушистые комья... Кэтъ, смѣясь, защищается отъ нихъ муфтой.

— Вамъ не холодно? — спрашиваетъ ее заботливо Ропшинъ, переводя рѣзвago жеребца въ шагъ передъ бревенчатымъ мостомъ Ячменовскаго ручья.

— Нѣтъ.

— Хорошо?

— Чудесно!

Проѣхали ручей.

— Теперь держитесь! — полуобернулся Ропшинъ къ Кэтъ и тронулъ вожжами.

Рысакъ плотно влегъ въ хомутъ, надалъ и пошелъ полнымъ ходомъ.

Широко раскинулись поля, занесенныя снѣжной пеленой; покрыто пушистымъ и мягкимъ пологомъ болотистое чахлое мелколѣсье, по которому осенью водились дупеля и бекасы; отливается на солнцѣ голубымъ отливомъ ледъ на зеркальной поверхности придорожнаго озера...

Вправо, вдали, синѣетъ за бѣлымъ блестящимъ ковромъ сосновый боръ...

Кэтъ, прижавшись къ Ропшину, какъ-бы грезила съ полузакрытыми рѣсницами.

Ропшинъ залюбовался ею.

Ея щеки разрумянились; блестяли въ улыбку ея ровные, бѣлые зубы; изъ-подъ шапочки выбился золотистый локонъ, которымъ ласково игралъ встрѣчный вѣтеръ...

Неожиданно для себя Ропшинъ нагнулся и приложилъ свои губы къ ея губамъ... И горячій звукъ поцѣлуя замеръ въ морозномъ воздухѣ...

Дальше они ѣхали молча, притихши, какъ нашалившія дѣти.

Миновали деревню... Обогнали обозъ...

Вдали, на горѣ, обрисовалась Оленинская усадьба.

„Сбились мы. Что дѣлать намъ?
 „Въ полѣ бѣсъ насъ водить, видно,
 „Да кружить по сторонамъ.“

А. С. Пушкинъ.

Ропшинъ задержался въ лѣсу.

Уже вечерѣло, когда онъ, весь запорошенный снѣгомъ, пріѣхалъ въ Оленино за Кэтъ.

Она большую часть дня провела въ библіотекѣ, — ей хотѣлось быть одной. Ея душу наполнили ощущенія счастья и надеждъ.

— Надо торопиться, — вдоль по улицѣ метелица мететъ! — услышала она внизу, въ прихожей, знакомый беззаботно-веселый голосъ Ропшина въ то время, когда Оленины уговаривали его остаться и провести вмѣстѣ вечеръ.

Это имъ удалось только отчасти, — Ропшинъ остался обогрѣться и напиться чаю.

Когда Ропшинъ и Кэтъ выѣхали отъ Олениныхъ еще свѣтила луна и можно было различать дорогу, но вѣтеръ замѣтно усиливался и заметалъ ее.

Ропшинъ подумалъ о томъ, что было-бы благоразумнѣе вернуться обратно и переждать непогоду, но... рядомъ, довѣрчиво прижавшись къ нему, сидѣла Ани, и онъ рѣзко вожжами послалъ „Бобыля“ впередъ.

Жеребецъ, фыркая, рѣзалъ грудью снѣжные сугробы, переходя въ шагъ.

Проѣхали занесенную снѣгомъ деревню, казавшуюся вымершей. Луна зашла. Настала морозная пурга съ туманомъ, которую русскій сѣверъ называетъ по-якутски „ардахъ“.

Кругомъ ничего не было видно. Стало темно.

Снѣгъ залѣплялъ глаза.

„Бобыль“ уже съ трудомъ везъ сани и, наконецъ, сталъ.

— Этого еще не доставало! — сказалъ дѣланно-спокойнымъ тономъ Ропшинъ въ завываніяхъ вѣтра.

Въ тонѣ Ропшина Кэтъ уловила тревожную ноту.

— Мы заблудились? — спросила она.

То слово, которое Ропшинъ боялся произнести, было сказано.

— Да! Надо искать дорогу!

Сани стояли на цѣлинѣ.

Ропшинъ вышелъ изъ саней, увязшихъ въ глубокомъ снѣжномъ коврѣ.

— Я поищу дорогу, а вы, миссъ, подождите меня! — нагнулся Ропшинъ къ Кэтъ, чтобы въ порывахъ вѣтра она могла слышать то, что онъ говорить.

И онъ скрылся, какъ провалившись, въ снѣжной бушующей пеленѣ.

— Не уходите! — крикнула ему Кэтъ съ мольбой, но вѣтеръ, заглушивъ ея слова, унесъ ихъ съ собой куда-то въ высь.

Минуты для Кэтъ стали казаться часами...

Страшныя картины рисовались ея воображенію.

То ей казалось, что Ропшина засыпало снѣгомъ и онъ напрасно борется, чтобы освободиться отъ снѣжнаго покрова, то ей представлялось, что онъ провалился на озерѣ подъ ледъ и ей даже чудилось, что онъ зоветъ ее.

По ея лицу струйками сбѣгалъ талый снѣгъ и она не чувствовала, какъ съ нимъ смѣшивались слезы, которыя невольно бѣжали изъ глазъ.

Она напрасно всматривалась въ темноту, — кругомъ ничего не было видно. Она теряла надежду...

— Я нашелъ какую то дорогу! — услышала она неожиданно рядомъ съ собой Ропшинскій голосъ.

Кэтъ радостно вскрикнула.

— Эта дорога куда нибудь да приведетъ! — сказалъ Ропшинъ.

Онъ взялъ „Бобыля“ подъ уздцы. Сильный жеребецъ, отдохнувъ, бодро повезъ сани. Ропшинъ вывелъ его на дорогу, передалъ вожжи Кэтъ и самъ пошелъ рядомъ, все время нащупывая ногами наѣзженный путь.

Дорога пошла среди мелкаго кустарника и вошла въ лѣсъ. Какъ по волшебству сразу стало тише и спокойнѣе. Буря бушевала по вершинамъ сосенъ и тамъ злилась вверху, что хвойный навѣсъ не даетъ ей возможности побушевать въ лѣсу такъ, какъ она это дѣлала въ чистомъ полѣ.

Ропшинъ сѣлъ въ сани.

— Теперь я знаю, гдѣ мы! — обрадовался онъ, различивъ у дороги огромную сосну, расколотую и обожженную молніей, повисшую на сучьяхъ своихъ огромныхъ сосѣдокъ-великаншъ, — мы на границѣ казеннаго лѣса и до моей охотничьей избы не больше трехъ верстъ... Тамъ мы переждемъ это свѣтопреставленіе и обогрѣемся...

Кэтъ пристально всматривалась въ лѣсную чашу.

— Тамъ я вижу какіе-то огоньки! — сказала она Ропшину.

— Гдѣ? — удивился Ропшинъ.

— Тамъ, въ глубинѣ лѣса!

— Это вамъ, просто, чудится!

— Посмотрите сами, — вотъ-вотъ... мелькаютъ... — показала Кэтъ рукой въ сторону.

Ропшинъ почувствовалъ, какъ холодный потъ выступилъ у него на лбу.

На межевой просѣкѣ горѣли фосфорическимъ блескомъ глаза волковъ.

— Что это такое? — спросила Кэтъ.

— Это... Вы не бойтесь, Ани... Это — волки!

Кэтъ ахнула и прильнула къ Ропшину.

Большой, матерой волкъ, лязгая зубами, перебѣжалъ дорогу.

„Бобыль“, прижавъ уши, захрапѣлъ и перешелъ въ галопъ.

Ропшинъ перевелъ его въ рысь, — до охотничьей избы оставалось еще около двухъ верстъ и надо было беречь его силы.

Волки бѣжали за санями.

— Ани, возьмите у меня изъ кармана зажигалку и жгите сѣно! — сухо проговорилъ Ропшинъ.

Кэтъ, собравъ всю силу воли, дрожащими руками зажгла комокъ сѣна и бросила его изъ саней.

Волки испуганно метнулись въ чашу...

— Подѣйствовало! — прошипѣлъ Ропшинъ со злобой.

Кэтъ безпрестанно бросала на дорогу горящее сѣно. Волки съ рычаніемъ отбѣгали, грызлись въ безсильной злобѣ и снова нагоняли сани.

Съ каждой минутой они становились наглѣе и уже плотнымъ кольцомъ окружали вѣдущихъ.

До избы оставалось не больше полуверсты...

„Бобыль“, весь въ мылѣ, тяжело дыша, неся вскачь...

— Неужели ворота во дворъ заперты? Не дай Богъ! — думалъ Ропшинъ, перегнувшись всѣмъ тѣломъ впередъ въ стремительномъ движеніи саней. — Что тогда дѣлать?..

Кэтъ уже не вѣрила въ спасеніе... Каждое мгновеніе ей казалось вѣчностью и страшная гибель неизбежной...

Волки у самыхъ саней... Слышно ихъ горячее дыханіе... Надежды нѣтъ!

Сани, какъ метеоръ, влетѣли во дворъ. Ропшинъ на ходу выбросился изъ нихъ. Кэтъ услышала спасительный ржавый скрипъ воротъ и лишилась сознанія...

Къ утру метель прекратилась. Вѣтеръ утихъ. По горизонту еще толпились тяжелыя свинцовыя тучи. Кое-гдѣ, между быстро летящихъ жидкихъ облаковъ, синѣло небо. Вершины сосенъ тихо шелестѣли и отряхивали съ себя пушистый снѣгъ.

Ропшинъ и Кэтъ вернулись въ Ячменово къ полудню.

Въ усадьбѣ они застали Щербинина съ молодой женой, пріѣхавшихъ въ это утро изъ Петербурга въ Ячменово.

Послѣ завтрака графиня назначила въ большемъ залѣ ячменовскаго дома благодарственный молебень по случаю чудеснаго спасенія своего сына отъ нападенія „звѣря лютаго въ лѣсахъ и дебряхъ сущаго“.

Кэтъ горячо молилась...

XXII

„Ревность — болѣзнь любви“.

Старинныя футлярныя часы въ столовой пробили десять.

Большая керосиновая лампа съ рефлекторомъ освѣщала чайный столъ и свѣтъ ея искрился на причудливомъ морозномъ узорѣ оконъ.

— Надо идти спать, Настенька... Я сегодня такъ переволновалась... Вы устали съ дороги... Мужчинъ мы оставимъ, — у нихъ свои дѣла... — и графиня, оставивъ чашку, встала изъ-за стола.

— Помилуйте, графиня! — запротестовалъ Щербининъ.

— Знаю, знаю... Но мы вамъ мѣшать не будемъ! Я попрошу миссъ, чтобы она осталась за хозяйку.. При ней вы можете говорить по-русски все, и она васъ не стѣснитъ... Спокойной ночи!

Сама графиня провела Настю на запасную половину, гдѣ Щербинины были отведены тѣ комнаты, въ которыхъ, по обычаю, жили всѣ новобрачные Ропшинской семьи и въ которыхъ сама графиня послѣ свадьбы провела съ мужемъ свой счастливый медовый мѣсяцъ.

Ропшинъ и Щербининъ перешли въ сосѣднюю гостиную.

Кэтъ осталась въ столовой.

До ея слуха доносились отдѣльныя слова и фразы Щербинина. — Нашъ полкъ... Красное Село... Стрѣльба выше хорошаго... Зимній дворецъ...

Кэтъ вышла въ буфетную. Вернувшись, она услышала, что Ропшинъ упоминаетъ ея имя. Ропшинъ говорилъ тихо, но Кэтъ слышала каждое его слово и ея сердце наполнялось радостью, счастьемъ и любовью.

— ...Ани держала себя съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ, — говорилъ Ропшинъ. — Она все время бросала изъ саней горящее сѣно... Послѣдній моментъ былъ совсѣмъ критическій, — казалось, что вотъ-вотъ волки бросятся въ сани... Когда мы влетѣли во дворъ съ Ани сдѣлался обморокъ... Я не зналъ, что мнѣ дѣлать, — въ первый разъ мнѣ приходилось приводить барышню въ чувство! Я ее отнесъ въ избу и положилъ на диванъ... Разстегнулъ платье... Нашелъ въ избѣ, въ аптечномъ ящикѣ нашатырный спиртъ... Ничего не помогаетъ! Я тогда началъ на нее брызгать водой... Она открыла глаза... Испугалась, — волки были за воротами... Я ее успокоилъ... Затопилъ печь... Оказалось, что у Ани отморожены ноги... Я снялъ съ нея ботинки, туфли и чулки и сталъ снѣгомъ растирать побѣлѣвшіе пальцы... Черезъ нѣкоторое время они стали розовѣть... Я ихъ, конечно, расцѣловалъ по очереди... Чудныя ножки!..

— И это тоже относится къ медицинѣ? — услышала Кэтъ добродушный Щербининскій вопросъ.

— Конечно, — это былъ докторскій гонораръ! Щербининъ засмѣялся.

Кэтъ возмутилась. — Какъ онъ смѣетъ рассказывать это... Это наша тайна! Этого никто не долженъ знать... — и бокалъ, который она держала въ рукахъ, со звономъ упалъ на полъ.

— Что-же было дальше? — спросилъ Щербининъ.

— Это я только тебѣ одному расскажу... Ани лежала на диванѣ въ золотѣ разсыпавшихся волосъ... Вся она была — любовь... „Гонораръ“ пьянилъ меня... Волна неудержимой страсти туманила разсудокъ... Я выбѣжалъ на крыльцо, отвернулъ рукавъ тулупа и съ силой впился зубами въ руку... Посмотри! — заключилъ Ропшинъ свое откровенное признаніе.

— Боже мой! — услышала Кэтъ вслѣдъ за этимъ испуганное восклицаніе Щербинина. — Сколько крови!

— Это вернуло меня къ сознанію!

— Однако, этотъ знакъ на рукѣ останется у тебя на всю жизнь!

— Ну, и пусть... Это моя побѣда надъ самимъ собой!..

— Мой милый, хорошій... — шептала Кэтъ и нѣжное, доброе чувство наполнило ея душу ощущеніями счастья и тепла. — И только мой... мой... — и неожиданно ей пришло на умъ сравненіе, которое она недавно вычитала при чтеніи графинѣ Виктора Гюго: „капля росы дрожитъ на лепесткѣ розы и играетъ, точно алмазь, радужнымъ свѣтомъ на солнцѣ; это дѣвушка — прежде, чѣмъ она отдалась. Та же капля, упавъ, смѣшалась съ грязью и сама сдѣлалась ею; это дѣвушка — послѣ паденія...“

Горничная накрывала ужинъ. Звенѣлъ хрусталь...

— Миссъ Ани, не забудьте нашу знаменитую ячменевскую наливку! — услышала Кэтъ изъ гостиной голосъ Ропшина по-англійски.

— If you please!*) — весело отвѣтила Кэтъ.

*) Пожалуйста, если вамъ угодно.

Въ гостиной на нѣкоторое время воцарилось молчаніе.

— Ты все такъ же много куришь? — послышался вопросъ Ропшина послѣ того, какъ Щербининъ срѣзалъ гильотинкой кончикъ сигары и закурилъ.

— Да. Поддерживаю манильскую фирму Таминой подруги Кэтъ! — отвѣтилъ Щербининъ.

— То есть несешь свою дань ея милліонамъ?

— Несу, — покорно согласился Щербининъ.

Кэтъ не могла удержаться отъ улыбки.

— Кстати, помнишь-ли ты ту женщину, которая явилась косвенной причиной твоей давнишней дуэли съ Несвижскимъ... Ту, которая бросилась въ вагонъ защищать тебя? — спросилъ Щербининъ послѣ молчанія.

Кэтъ насторожилась. Что-то больно кольнуло въ сердцѣ...

— Я случайно узналъ про нее многое! — продолжалъ Щербининъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я недавно познакомился съ художникомъ Лачиновымъ. Онъ мнѣ много про нее рассказалъ...

— Что-же именно?

— Ее зовутъ Дора. Она была когда-то натурщицей и въ послѣднее время служила компаньонкой у какой-то богатой и вздорной американки, пріѣхавшей въ Россію неизвѣстно для чего!

— Ну, и что-же?

— Эта Дора — это та самая женщина, которая такъ убивалась, когда ты, раненый, безъ сознанія, лежалъ послѣ дуэли въ клиникѣ, — я ее тогда нѣсколько разъ видѣлъ, и которая тебѣ приносила цвѣты... Эта Дора — это та женщина, изъ-за которой ты ушелъ изъ полка, давъ австрійцу пощечину...

— Что ты говоришь? — удивился Ропшинъ.

— Я думаю, что она влюблена въ тебя и теперь уѣхала въ какой-то католическій монастырь, въ Польшу...

— Зачѣмъ?

— Вѣроятно испугалась соблазна...

— Глупо!.. Такая красивая женщина...

Какое-то новое, безудержное чувство овладѣло Кэтъ. Она тяжело дышала... Ей казалось, что все кругомъ грохочетъ и стучитъ, — такъ мучительно билось ея обиженное сердце. Краска пятнами покрывала ея лицо... Ноздри нервно вздрагивали...

— Эта Дора относится къ одному изъ моихъ неоконченныхъ романовъ, — весело, между тѣмъ, признался Ропшинъ.

Кэтъ забыла все. Она стремительно вбѣжала въ гостиную.

— Что случилось? — спросилъ ее удивленно Ропшинъ.

Кэтъ стояла въ вызывающей позѣ. Ея глаза горѣли гнѣвомъ.

— Вы гадкій, мерзкій, низкій обманщикъ! — бросила ему Кэтъ на чистомъ русскомъ языкѣ. — Вы говорили, что любите меня! Это — ложь! Вы любите другихъ женщинъ! Въ васъ влюблена Дора...

Дальше Кэтъ не могла говорить.

— Вы не смѣете ее любить!.. — выкрикнула она со стономъ.

— Успокойтесь, миссъ Ани! — поднялся къ ней Ропшинъ, удивленный ея словами, не замѣчая того, что она такъ неожиданно заговорила по-русски. — Что съ вами?

— Не подходите ко мнѣ!.. Не смѣйте!.. — отбѣжала отъ него Кэтъ и, чтобы не упасть, облокотилась на старый клавесинъ. — Вы мнѣ противны...

— Миссъ Ани...

— Я не миссъ Ани!..

— Кто-же вы?..

— Я — богатая и вздорная американка!.. Я — схожу съ ума!.. Я — Танина подруга! Я — Кэтъ!

Щербининъ и Ропшинъ смотрѣли на нее широко открытыми глазами...

На другой день, рано утромъ, Кэтъ уѣхала изъ Ячменова въ Петербургъ, а черезъ три дня сибирскій экспрессъ увозилъ ее, поблекшую и осунувшуюся, черезъ Владивостокъ въ Америку.

Вскорѣ послѣ ея отъѣзда въ Ячменово пріѣхала Таня. На своемъ будуарномъ столикѣ она нашла голубой конвертъ, въ который была вложена записка, написанная рукою Кэтъ торопливымъ и неровнымъ почеркомъ: „ахъ, Таня, почему ты не пріѣхала раньше?..“

XXIII

„Когда сильный съ оружіемъ охраняетъ свой домъ, тогда въ безопасности его имѣніе“

Ев. отъ Луки, 11, 21.

Наступило лѣто 1914 года.

Въ Европѣ назрѣвали событія мірового значенія.

Политическая атмосфера была наэлектризована до послѣдняго предѣла и разрядъ долженъ былъ окончиться грозой.

Споръ между великими державами ожидалъ своего рѣшенія „желѣзомъ и кровью“...

Завѣтъ стараго, мудраго Мольтке — „горе тому, кто первый зажжетъ пожаръ въ Европѣ“ — былъ Германіей забытъ и она, зазнавшись, подожгла горючій матеріалъ.

Англія не старалась его тушить изъ-за корыстныхъ цѣлей — ослабить свою противницу на моряхъ — и, несмотря на всѣ мѣры и миролюбіе Русскаго Императора, въ іюлѣ началась Всемирная война.

Къ 4 - 6 августа русскія арміи развернулись по р. Нѣману, Бобру и Нареву — противъ Германіи и къ югу отъ Люблина, Холма и Ковеля, по линіи Луцкъ, Дубно, Проскуровъ — противъ Австро-Венгріи.

Не дождавшись своего окончательнаго сосредоточенія двѣ русскія арміи (1-ая и 2-ая), спасая союзницу Францію, перешли въ рѣшительное наступленіе и вторглись въ Восточную Пруссію.

Нѣмцы немедленно сняли съ французскаго фронта два своихъ корпуса (XI и Гвард. резервный) изъ „ударнаго молота“ для отправки ихъ на русскій фронтъ, что вскорѣ привело нѣмцевъ къ пораженію на Марнѣ.

Цѣною русской арміи, погибшей на поляхъ Танненберга, на р. Алле*), Парижъ былъ спасенъ.

Въ то же время на русско-австрійской границѣ, между Вислой и Прутомъ, началась Великая Галицкая битва...

Кровопролитные бои смѣнялись одинъ другимъ...

Военное счастье колебалось...

Въ концѣ августа австрійцы начали поспѣшный отходъ по всему фронту и 30 августа ихъ главная масса спасалась за Санъ.

Это было бѣгство...

Гвардейская пѣхота входила въ составъ девятой арміи генерала Лечицкаго**). Къ 15-му августа, собранная у Люблина, она двинулась на Суходолы

*) На тѣхъ-же поляхъ, у Грюнвальда, въ 1410 году, дружными усиліями русскихъ (смоленскихъ полковъ), поляковъ и литовцевъ были разгромлены нѣмецкіе рыцари.

**) 9-ая армія была сформирована въ поддержку 4-ой и 5-ой армій, развернувшихся отъ р. Вепржа по линіи Красникъ, Грубешовъ и Владиміръ-Волынскій на правомъ флангѣ всего русскаго расположенія. Южнѣе, до Прута, развернулись 3-я и 8-я арміи.

и Жуковъ. Упорными атаками гвардіи, гренадеръ и армейскихъ корпусовъ сопротивленіе австрійцевъ было сломлено и лучшая австрійская армія генерала Данкля, состоявшая изъ босанскихъ частей, была разбита.

Той-же участи подвергся германскій корпусъ Вейерша, подошедшій на выручку, армія Айффенберга и все, что было южнѣе.

При преслѣдованіи были захвачены десятки тысячъ плѣнныхъ, многочисленные обозы, огнестрѣльные припасы...

Поля сраженій были завалены трупами и брошеннымъ оружіемъ...

Такого сраженія, какъ Галиційское, по количеству людей, принимавшихъ въ немъ участіе, по его продолжительности и по числу жертвъ, которыя оно унесло съ собой, еще не видѣлъ міръ.

XXIV

Въ одинъ изъ дождливыхъ осеннихъ дней сентября большой транспортъ раненыхъ изъ-за Вислы приближался къ Сандомиру.

Прямо съ понтоннаго моста санитарныя двуколки вереницей поднимались на гору.

При въѣздѣ въ городъ раненыхъ встрѣчалъ персоналъ полевого госпиталя — молодой докторъ изъ заурядъ-врачей съ неестественно блестящими утомленными глазами, сестра (она была не въ формѣ) съ правильными и строгими чертами блѣднаго лица, съ черной косой, обвивавшей обручемъ ея красивую голову, и санитаръ. Тутъ-же суетился транспортный фельдшеръ, дававшій объясненія.

Они распредѣляли раненыхъ и въ зависимости отъ этого двуколки ѣхали съ перекрестка улицъ направо — въ городъ или налѣво — на монастырскій дворъ.

Заморенная вороная лошадь съ трудомъ везла, шлепая по грязи, крытую двуколку.

На козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, сидѣлъ рослый солдатъ съ забинтованной головой. Онъ безпрестанно заглядывалъ внутрь двуколки, изъ которой слышались по-временамъ тихіе и скорбные стоны.

— Вотъ и привезъ своего командира! — сказалъ ему покровительственно фельдшеръ, когда двуколка остановилась у перекрестка.

— Слава Богу! — отвѣтилъ солдатъ, — а то, поди, всю дорогу мучились — будь она не ладна, эта самая Вильгельма! Сколько тамъ этого православнаго народу накрошили, почему зря, изъ орудіевъ, чтобъ ей пусто было, не приведи Господь!..

Фельдшеръ, не слушая того, что дальше говорилъ солдатъ, уставшій отъ долгаго молчанія въ пути, направилъ двуколку въ монастырь.

— Захаръ! — послышался изъ двуколки слабый голосъ.

— Чего извольте? — заглянулъ въ двуколку солдатъ.

— Что тамъ такое?

— Приѣхали! — отвѣтилъ солдатъ, — въ этой самый Сандоміръ...

Фельдшеръ подошелъ къ доктору.

— Такъ что чижало... въ животъ!.. — доложилъ онъ и подумавъ, добавилъ для убѣдительности названіе раненія по-латыни.

— Офицеръ?

— Такъ точно. Графъ Ропшинъ...

— Кто? — задохнулась сестра.

— Капитанъ графъ Ропшинъ... да не выживетъ... куда тамъ! — заключилъ фельдшеръ убѣжденно.

Сестра пошатнулась. Она схватилась рукою за сердце...

— Что съ вами, сестра Дора? — спросилъ ее заботливо докторъ, — вамъ дурно? На васъ лица нѣтъ...

— Нѣтъ... ничего... — провела сестра рукой по глазамъ. — Вотъ къ намъ везутъ еще раненыхъ...

Докторъ обернулся... Дѣйствительно, вдали, извиваясь сѣрой лентой, двигался къ Сану новый санитарный транспортъ.

Начало войны застало Ропшина въ деревнѣ. Въ тотъ-же день онъ ѣхалъ въ Петербургъ, назначенный обратно въ свой полкъ, изъ котораго ушелъ годъ тому назадъ и уѣхалъ въ деревню.

Галиційское сраженіе прошло для него счастливо, но въ одномъ изъ боевъ за Вислой, при атакѣ австрійскаго арьергарда, онъ былъ тяжело раненъ въ животъ изъ пулемета.

Прямо съ перевязочнаго пункта его уложили въ санитарную двуколку и отвезли въ Сандоміръ.

Доктора говорили, что только операція можетъ спасти Ропшина и откровенно сознавались, что надежды на нее мало...

Дорѣ казалось, что она сходитъ съ ума. Она нервно перебирала четки подъ больничнымъ халатомъ, пробовала молиться, но не могла...

Къ вечеру, послѣ операціи, Ропшину стало совсѣмъ плохо... Дыханіе временами прекращалось и пульсъ отсутствовалъ. Доктора принимали всѣ мѣры, чтобы поднять угасающія силы...

Такъ прошла вся ночь, въ теченіе которой Дора не смыкала глазъ...

Къ утру появилась слабая надежда, что сильный организмъ Ропшина можетъ побѣдить болѣзнь...

Началось медленное выздоровленіе...

И вмѣстѣ съ этимъ у Доры воскресалъ тотъ призракъ счастья, котораго она такъ боялась, и та жажда жизни, отъ которой она бѣжала въ монастырь...

О томъ, что было давно, она теперь, не оглядываясь, никогда не вспоминала и не думала о будущемъ...

Вскорѣ изъ Москвы въ Сандоміръ пріѣхала графиня...

Тяжело-раненыхъ изъ монастыря увозили вглубь Россіи, — полевой госпиталь уходилъ изъ Сандоміра подъ Перемышль, паденіе котораго ожидалось со дня на день. Ропшинъ долженъ былъ ѣхать съ послѣднимъ эшелономъ, который назначался въ Петербургъ.

Графиня, сдѣлавъ въ монастырь щедрый вкладъ, упросила мать-игуменью отпустить съ этимъ эшелономъ послушницу Дору.

XXV

„Моя любовь не умираетъ...“

Дамаскинъ.

Казеннымъ фасадомъ николаевскихъ временъ стоитъ надъ Невой огромный розовый квадратъ Клиническаго госпиталя.

Тамъ тысячи людей умирали отъ ранъ, выздоравливали и ѣхали на фронтъ, чтобы пополнить порѣдѣвшіе ряды своихъ полковъ или отбрасывались, какъ никому не нужный угольный шлакъ паровой машины, возвращаясь калѣками въ „первобытное состояніе“.

Въ день пріѣзда Ропшинскаго эшелона въ Петербургъ надъ городомъ висѣлъ густой осенній туманъ и моросилъ, какъ черезъ мельчайшее сито, мелкій дождь.

Съ Варшавскаго вокзала раненыхъ развозили по госпиталямъ въ санитарныхъ вагонахъ трамвая.

Ропшина назначили въ Клинической госпиталь о чемъ хлопотала графиня, и помѣстили въ не-, большой палатѣ, гдѣ уже лежали три офицера Каспійскаго полка, раненые въ августѣ подъ Ополе.

Рана у Ропшина постепенно заживала...

По мѣрѣ выздоровленія у него появлялась та счастливая жизнерадостность, которая, обычно, бываетъ у людей, перенесшихъ тяжелую болѣзнь или смертельную опасность...

Онъ началъ съ того, что въ одно утро попросилъ палатную сестру позвать къ себѣ парикмахера, долго смотрѣлся въ зеркало, смѣялся, какъ онъ похудѣлъ, и сердился на графиню за то, что она не привезла ему его любимыхъ духовъ.

Полулежа въ подушкахъ онъ съ вниманіемъ слушалъ рассказы Каспійскихъ офицеровъ о ихъ полковой жизни и съ добрымъ чувствомъ смѣялся, когда одинъ изъ нихъ рассказаль, какъ Наслѣдникъ Цесаревичъ въ Петергофскомъ дворцѣ началъ, забавляясь, здороваться по утрамъ съ часовыми, чтобы слышать ихъ громкій, отчетливый, уставной отвѣтъ: „здравія желаю!..“

— Государь про это узналъ, — продолжалъ свой рассказъ офицеръ, — и приказалъ часовымъ отвѣчать на привѣтствіе Наслѣдника только — „здравствуйте!“

— На другое утро Наслѣдникъ подошелъ къ часовому, тряхнулъ своей шелковистой головой, подбоченился важно и говорить — „здорово, Каспійецъ!“, а тотъ кивнулъ головой и вмѣсто „здравія желаю!“ отвѣтилъ просто — „здравствуйте!“

— Наслѣдникъ обидѣлся и побѣжалъ къ Государю.

Какъ-то, ночью, Ропшину не спалось... Онъ лежалъ съ открытыми глазами, прислушиваясь къ завываніямъ вѣтра, къ дождю, ударявшему о стекла оконъ и къ глухимъ выстрѣламъ съ Петропавловской крѣпости, предупреждавшимъ жителей городскихъ окраинъ о наводненіи...

Въ палатѣ былъ полумракъ...

Электрическая лампа подъ зеленымъ абажуромъ, на столѣ у дежурной сестры, была притушена и сама сестра Дора, задумавшись, сидѣла у окна.

Свѣтъ падалъ ей въ лицо.

Красивыя черты ея лица Ропшину показались знакомыми...

— Гдѣ я ее видѣлъ раньше? — думалъ онъ съ напряженіемъ памяти.

И неожиданно какая-то защелка въ мозгу пріоткрылась и онъ вспомнилъ...

— Вагонъ желѣзной дороги, уланъ Несвижскій, дуэль... Музей Александра III... Австріецъ, лѣчебница... Щербининскій рассказъ... но, можетъ быть, это все-таки не она? — подумалъ Ропшинъ.

— Она! — рѣшилъ онъ, внимательно присматриваясь къ сестрѣ, — такихъ глазъ больше нѣтъ! Мысли бѣжали, перегоняя одна другую...

Дора медленно повернула голову... Взоры Ропшина и Доры встрѣтились...

Она встала и подошла къ Ропшинской постели.

— Отчего вы не спите? Вамъ поправить подушку? — спросила она Ропшина обычнымъ тономъ сестры.

— Нѣтъ, благодарю, — мнѣ хорошо... Присядьте, сестра!

Дора нерѣшительно опустилась на край постели.

— Скажите мнѣ, сестра, вы меня знали раньше? — спросилъ ее Ропшинъ.

— Да, — опустила голову Дора.

— Отчего-же вы меня избѣгали?

Дора молчала.

— Отчего? — переспросилъ ее Ропшинъ.

— Такъ было нужно! Но вамъ нельзя разговаривать, — вамъ докторъ запретилъ!.. — и Дора встала.

Она положила руку на голову Ропшина. Онъ прижался щекой къ ладони и вскорѣ спокойно уснулъ отъ слабости и душевныхъ волненій.

Исхудавшая, прозрачно бѣлая рука Ропшина лежала на одѣялѣ.

На безымянномъ пальцѣ, въ перстнѣ, кроваво-краснымъ цвѣтомъ, какъ облитый кровью, горѣлъ камень.

— Онъ еще вчера горѣлъ зеленымъ цвѣтомъ, а теперь... Почему онъ красный?.. — удивилась Дора. — Александритъ! Такой самый, какъ у Кэты! — прорѣзало мозгъ неожиданное воспоминаніе и, не отводя глазъ отъ густой капли крови, свѣтившейся въ перстнѣ Ропшина, сердце у Доры сжалось непонятной тоской.

XXVI

Прошла зима...

Война уже тянулась больше полугода...

Всѣ надежды Германіи на быстрые и рѣшительныя побѣды отъ нее ускользнули...

Война принимала позиціонный характеръ.

Нѣкоторыя части уже въ третій разъ мѣняли свой составъ.

Подъ Варшавой, командуя полкомъ, былъ убитъ полковникъ Щербининъ.

„Послушай море, —
„Услышишь сердце глубинъ морскихъ,
„Послушай сердце, —
„Услышишь море страстей людскихъ...”

Ропшинъ, послѣ госпиталя, нѣсколько разъ собирался ѣхать въ свой полкъ, но врачебныя коммисіи его настойчиво задерживали и не пускали до полного выздоровленія.

Онъ побывалъ въ Москвѣ и въ Ячменовѣ...

Отъ графини онъ узналъ, что Настя Щербина, овдовѣвъ, находится съ маленькимъ сыномъ у Тани въ Батумѣ, куда Суконниковъ (графиня по прежнему называла его „моимъ шалопаемъ“) назначенъ по мобилизаціи хирургомъ.

Ропшинъ колебался, не проситься-ли ему, въ связи съ этимъ, на турецкій фронтъ, въ лучшія климатическія условія, на что онъ имѣлъ право, но, какъ это ему не казалось заманчивымъ, желаніе быть въ своемъ полку взяло верхъ и онъ рѣшилъ ѣхать въ болота Стохода, гдѣ въ это время гвардія занимала позиціи.

Ропшинъ сидѣлъ на скамейкѣ, на главной аллеѣ Лѣтняго сада, у памятника Крылову.

Былъ полдень теплаго апрѣльского дня...

Кругомъ рѣзвились дѣти, суетились бонны и гувернантки и старухи-няни дремали съ вязаньемъ въ рукахъ.

Нѣсколько мальчиковъ катали по песку клубокъ шерсти, какъ футбольный мячъ.

Ропшинъ ждалъ Дору...

Онъ зналъ, что она должна пройти черезъ Лѣтній садъ, чтобы сѣсть на набережной Невы на пароходъ, перевозившій пассажировъ на Выборгскую сторону.

Передъ отъѣздомъ въ полкъ онъ рѣшилъ объясниться съ ней. Сложное чувство, которое онъ

переживалъ, усложнялось тѣмъ, что Дора, видимо, избѣгла объясненій и Ропшинъ не понималъ причинъ.

Передъ его глазами воскресали картины прошлого...

Слова Доры „я люблю васъ!“ — въ лѣчебницѣ, послѣ происшествія съ автомобилемъ, все время приходили на умъ.

Ропшинъ облокотившись на спинку садовой скамьи, думалъ о томъ, какъ незамѣтно для него самого, его чувства къ Дорѣ постепенно росли и, наконецъ, охватили все его существо. Образъ Кэтъ постепенно туманился и эпизодъ съ ней казался мимолетнымъ увлеченіемъ.

Прошло много времени...

Изъ набѣжавшей тучи началъ накрапывать дождь.

Дѣтей увели. Площадка опустѣла.

Ропшинъ остался одинъ.

Онъ медленно всталъ и, рѣшивъ написать Дорѣ письмо, направился къ выходу изъ сада, въ сторону Инженернаго замка.

Пріѣхавъ на свою квартиру (онъ занималъ свою прежнюю квартиру, при казармахъ, въ которыхъ теперь размѣщался запасный баталіонъ), онъ рѣшительно сѣлъ къ письменному столу...

Въ груди у него горѣло... Мысли бѣжали быстро...

Черезъ часъ письмо было готово. Прочитавши его Ропшинъ остался имъ доволенъ. Оно вылилось изъ сердца и звучало искренностью.

Онъ позвонилъ своему новаго денщика (Захара Ропшинъ отпустилъ „на побывку“) и долго объяснялъ ему, какъ проѣхать въ Клинической госпиталь и найти сестру Дору.

— Подожди отвѣта! — приказалъ солдату Ропшинъ, когда тотъ аккуратно заложилъ письмо за обшлагъ шинельнаго рукава.

Ропшинъ сталъ ожидать его возвращенія съ нарастающимъ нетерпѣніемъ. Солдатъ вернулся черезъ часъ.

— Такъ что сестра приказали кланяться и сказали — хорошо!

Ропшинъ началъ спрашивать его о подробностяхъ, но солдатъ неопредѣленно повторялъ:

— Онѣ взяли письмо, посмотрѣли въ нутро и сказали — иди!

— Почему-же ты не сказалъ, что нуженъ отвѣтъ.

— Я говорилъ.

— Ну, и что-же?

— Сказали — иди!

Солдатъ виновато топтался.

Ропшинъ не зная, что думать...

Солнце садилось...

Сумерки быстро сгущались и затушевывали все кругомъ. Неясными сѣрыми контурами обрисовывались дома на другой сторонѣ слабо освѣщенной улицы. Въ окнахъ домовъ зажегся свѣтъ.

Въ напряженномъ воображеніи Ропшина рисовалась Дора, ея госпитальная комната съ малѣйшими подробностями и временами чудился ея грудной голосъ.

Неожиданно въ прихожей рѣзко зазвенѣлъ звонокъ.

— Отвѣтъ, — подумалъ Ропшинъ и бросился въ прихожую. Сердце колотилось въ груди. Ропшинъ съ волненіемъ отворилъ дверь и отступилъ въ изумленіи. На порогѣ стояла Дора. Она была въ форменной косынкѣ и бѣлой пуховой кофтѣ, плотно облегавшей ея стройную фигуру.

Свѣтъ отъ стѣнного бра слабо освѣщалъ лицо Доры. Но Ропшинъ замѣтилъ, что оно было блѣдно и исполнено рѣшимости.

Онъ машинально проводилъ ее въ гостиную и подвинулъ ей кресло.

Волненіе еще больше овладѣло имъ.

— Вотъ... я пришла... — начала Дора, переводя учащенное дыханіе, — чтобы сказать вамъ... что ваше письмо мнѣ сдѣлало больно!

— Больно? Я этого не хотѣлъ... — тихо произнесъ Ропшинъ.

— Я не могу быть вашей женой... — и по лицу Доры разлилось страданіе.

— Я васъ люблю!

— А я... развѣ я не люблю васъ? Но... вы просите о невозможномъ! Есть причины!.. Поймите!.. — произнесла Дора съ мольбой.

— Вы сами не вѣрите тому, что говорите! — опустившись передъ Дорой на колѣни убѣждалъ Ропшинъ, цѣлуя ей руки.

Ея руки дрожали.

— Вы согласны?

— Мой милый, — не могу! — и Ропшинъ увидѣлъ, какъ изъ прекрасныхъ глазъ Доры скатились ей на грудь двѣ крупныя, какъ жемчужины, слезы.

Ропшинъ вздрогнулъ. Ему показалось, что кругомъ все затмилось...

— Вы плачете!

Дора хотѣла заговорить, но не могла...

Ропшинъ чувствовалъ, какъ мучительно билось ея наболѣвшее сердце. Она подняла на него глаза, полные любви и неожиданно обвила его шею руками и, сомкнувъ рѣсницы, со вздохомъ прижалась къ его губамъ пылающимъ поцѣлуемъ.

— Желанный!.. — страстно прошептала она, теряя волю... и замирая

.
.

Нѣмцы лѣниво обстрѣливали русскую позицію тяжелой артиллеріей.

„Чемоданы“ падали въ сосѣдную рощу.

Блиндажъ, въ которомъ помѣщался Ропшинъ, находился на обратномъ склонѣ холма и изъ узкаго, какъ щель, оконца было видно, какъ въ рощѣ выросли фонтаны черной земли и щепы разбитыхъ деревьевъ.

Ропшинъ командовалъ баталіономъ и его роты, обороняя болотистый участокъ, послѣ ряда боевъ, зарылись въ землю и оплелись проволокой.

Онъ жилъ одинъ. Рядомъ съ его блиндажомъ, но подъ тѣмъ-же накатникомъ, помѣщалась телефонная станція, гдѣ непрерывно трещали звонки и слышались вызовы телефонныхъ гудковъ.

Ропшинъ вышелъ изъ душнаго блиндажа.

Шагахъ въ двадцати протекала болотистая рѣчка, а за ней, въ верстѣ, виднѣлась небольшая деревушка, въ которой находился штабъ полка. У рѣчки, недовольно ворча на сырые угли, Захаръ раздувалъ самоваръ сапогомъ, какъ кузнечнымъ мѣхомъ.

Неожиданно съ гуломъ вверху пронеслась нѣмецкая граната.

— Спаси и сохрани! Пресвятая Богородица! — перекрестился Захаръ и припалъ къ землѣ. Приподнявшись, онъ проводилъ полетъ гранаты глазами, и, послѣ того, какъ она съ грохотомъ разорвалась въ полѣ, разразился по ея адресу отборными ругательствами.

— Чтобъ тебя, проклятую...

Ропшинъ невольно засмѣялся.

Увидѣвъ его Захаръ сконфузился...

Онъ виновато поднялъ свалившійся съ самовара сапогъ, наставилъ голенище на трубу и снова началъ старательно накачивать воздухъ.

Самоваръ закипѣлъ. Ропшинъ вошелъ въ блиндажъ. Захаръ, священнодѣйствуя, налилъ стаканъ мутнаго чая. Подошелъ посыльный и принесъ почту изъ штаба полка. Онъ успѣлъ разсказать Захару свѣжую новость, что въ роту резерва залетѣлъ „чемоданъ“ и разбилъ походную кухню (о томъ, что при этомъ, ранило кашевара онъ не сказалъ) и что поэтому солдатамъ будутъ выдавать „консерву“.

Вмѣстѣ съ чаемъ Захаръ принесъ Ропшину почту. Среди газетъ и журналовъ Ропшину было письмо. Оно было изъ Петербурга. Адресъ на конвертѣ былъ написанъ незнакомой рукой.

Ропшинъ вскрылъ конвертъ и посмотрѣлъ на подпись. Оно было отъ одного изъ офицеровъ Каспійскаго полка, съ которымъ онъ лежалъ въ госпиталѣ.

Офицеръ писалъ, что въ госпиталѣ случилось неожиданное несчастье. У одного прибывшаго раненаго офицера на столикѣ, у постели, лежалъ заряженный браунингъ, и сестра Дора, по неосторожности, выстрѣлила изъ этого браунинга и случайно попала въ себя.

„Какъ это произошло, — никто не видѣлъ“, писалъ офицеръ. „Подъ вечеръ, въ палатѣ, неожиданно раздался выстрѣлъ и вслѣдъ за этимъ сестра Дора упала. Всѣ бросились къ ней... Ея бѣлый передникъ на груди былъ залитъ кровью... У нее оказалось прострѣленнымъ сердце...“

Дальше Ропшинъ не могъ читать. Онъ сжалъ голову руками и со стономъ упалъ на походную кровать.

Вечеромъ, обходя роты по узкимъ окопамъ, Ропшинъ думалъ о смерти...

Но кругомъ все было тихо... Только у егерей шла рѣдкая ружейная перестрѣлка, которая къ темнотѣ тоже затихла...

XXVIII

„Никто тебя съ такимъ самозабвеніемъ,
„Съ такимъ страданіемъ не любилъ.“

А. Алухтинъ.

Ропшинъ осунулся, похудѣлъ и поблѣкъ...

Нервы были напряжены до послѣдняго предѣла и неизвѣстность о томъ, почему Дора убила себя (что это была не случайность, въ этомъ онъ не сомнѣвался), мучила его воображеніе.

Прошло нѣсколько дней...

Захаръ, возвратившись изъ штаба полка, принесъ съ собою для Ропшина почтовую посылку. Въ ней оказалась небольшая шкатулка, въ которой Ропшинъ нашелъ аккуратно переплетенную тетрадь.

На ея заглавномъ листѣ было написано рукою Доры: „Мой дневникъ“.

— Вотъ все, что осталось отъ Доры! — подумалъ Ропшинъ, въ безсиліи опускаясь на скамью и чувствуя, какъ у него сжимается горло.

Онъ машинально открылъ дневникъ и сталъ читать отрывками, не обращая вниманія на даты, не столько для того, чтобы понять смыслъ прочитаннаго, сколько отъ сознанія, что это писала Дора.

Ропшинъ читалъ:

„О, какъ я ненавижу Несвижскаго! Чѣмъ
„больше я умоляю его отказаться отъ этой
„ужасной дуэли, тѣмъ больше онъ дразнитъ
„меня... Это отвратительный, гадкій человѣкъ!..

.

„— Дуэль зависить отъ васъ! — сказалъ
„мнѣ сегодня Несвижскій, насмѣшливо при-
„щуривъ глаза.

„Я не поняла. — Почему?

„— Мое условіе, — или дуэль или вы!..
„Если вы упрямы, то я еще упрямѣе... На 40

„шаговъ я попадаю въ туза, и если вы не
„сдадитесь, то графъ будетъ убитъ...

„Я вся похолодѣла.

„— Вы согласны? — спросилъ меня Несвижскій грубо.

„Когда я, презирая себя, выходила
„утромъ изъ квартиры Несвижскаго, онъ, тор-
„жествующій, мнѣ, смѣясь, говорилъ: — кто
„вы такая? Танцовщица изъ кабарѣ и больше
„ничего! Понимаете? Всѣ эти прекрасныя лю-
„бви вамъ совсѣмъ не къ лицу! Графъ вашей
„жертвы не оцѣнитъ, если-бъ даже и зналъ...

„— Онъ не будетъ объ этомъ знаты! —
„отвѣтила я.

„— Надѣюсь! — сказалъ Несвижскій и
„въ его голосѣ мнѣ почудилась угроза.

„Несвижскій меня обманулъ: дуэль со-
„стоялась. Онъ убитъ, а графъ, раненый, при
„смерти...

„Я схожу съ ума...”

Ропшинъ въ волненіи закрылъ глаза... Въ его
воображеніи воскресла вся сцена бывшей дуэли и
какое-то новое злобное чувство къ убитому Не-
свижскому овладѣло имъ. Поведеніе Доры начина-
ло становиться понятнымъ... Карты открывались...

„За этотъ мѣсяцъ я вся переродилась...”
читалъ дальше Ропшинъ. „Я много мучилась
„и много перестрадала. Да, я люблю графа...
„Какъ это случилось, — я не знаю! Развѣ
„можно знать какими путями въ душу про-
„никаетъ любовь?

„Графъ поправляется. Я уже не ношу
„ему цвѣтовъ и не жду, какъ воровка, у подъ-
„ѣзда больницы, когда отъ него уѣдетъ его
„мать, чтобы мнѣ съ нею не встрѣтиться...

„Онъ въ полномъ сознаніи и я не хочу,
„чтобы онъ во мнѣ узналъ одну изъ тѣхъ
„женщинъ, которыя были причиной дуэли.
„Съ прошлымъ я порвала все...“

„Боже мой! Я на краю отчаянія, — сно-
„ва прошлое... Мнѣ докторъ сказалъ, что я
„буду матерью... Ребенокъ Несвижскаго! Отъ
„этой мысли я вся дрожу...
„Со мною у доктора сдѣлался обморокъ.“

Дверь въ блиндажъ пріоткрылась и изъ за ея
косяка показалась голова Захара.

— Такъ что, обѣдать пора...

Ропшинъ не отвѣчалъ. Онъ сидѣлъ, облоко-
тившись на столъ.

— Обѣдать пора!

— Я не буду!

Захаръ укоризненно посмотрѣлъ на него.

Ропшинъ продолжалъ, волнуясь, читать то,
что дальше писала Дора.

„... У меня родилась дѣвочка. Ее крести-
„ли въ православной церкви друзья моихъ
„родителей, старики, живущіе на Охтѣ и ранъ-
„ше служившіе въ циркахъ, онъ — атлетомъ,
„а она — наѣздницей, и назвали Дарьей (До-
„рой), какъ и меня.

„Они меня просили оставить дѣвочку у
„нихъ...“

— Ваше Сіятельство! Этакъ никакъ невоз-
можно! — взмолился Захаръ. — Ежели отощаете,
то мнѣ передъ графинею-барынею отвѣчать и опять-
же, не ѣмши, нѣмца не побѣдимъ! — привелъ За-
харъ болѣе вѣскій аргументъ.

— Дай чаю! — бросилъ Ропшинъ, не отрыва-
ясь отъ чтенія.

— Что чай? Я щей принесу, — не сдался За-
харъ и сталъ упрямо снимать съ полки посуду.

Ропшинъ прочелъ дневникъ ночью, — днемъ наблюдатели замѣтили въ непріятельскихъ окопахъ передвиженіе войскъ (это нѣмцы производили смѣну частей) и поэтому позиція жила до вечера призракомъ нѣмецкой атаки.

Къ вечеру все успокоилось... Отъ ротъ были высланы на ночь надежные секреты...

XXIX

„Всякая дѣвушка нравственно выше мужчины, потому что несравненно его чище.“

„Крейцера соната“. *Гр. Л. Толстой.*

Кэтъ, послѣ внезапнаго отъѣзда изъ Ячменова, поселилась въ Маниллъ...

Она постепенно входила во всѣ отцовскія дѣла и удивляла своего главноуправляющаго стараго мистера Гордона своимъ практическимъ умомъ и способностями, но въ перепискѣ съ Таней она запуталась въ противорѣчійхъ.

Таня, мечтавшая о томъ, чтобы такъ или иначе наладить отношенія своего двоюроднаго брата и любимой подруги, и считавшая, что только ея поздній пріѣздъ изъ Берлина все разстроилъ, поставила ей, наконецъ, вопросъ прямо: „любишь-ли ты графа Ропшина?“ „Да“, — отвѣтила Кэтъ. „А что ты можешь сказать о случаѣ въ Ячменовѣ?“ „Я мечтала, что онъ такой-же, какъ я — „безъ романовъ“! Я ревновала... и ревную... И, наконецъ, это обидно, гадко...“

На это Таня назвала Кэтъ „наивной и глупой дѣвчонкой“ и написала, что прошлое мужчинъ не

должно касаться ихъ будущихъ женъ, гордая тѣмъ, что ея мужъ былъ чистъ и дѣвственъ до свадьбы, какъ она сама.

Прошло полтора года...

Кэтъ, полулежа въ плетеномъ креслѣ подъ большимъ полотнянымъ зонтомъ, въ фешенебельной части Манильскаго пляжа, безразлично наблюдала знакомое оживленіе въ бухтѣ и полуголыхъ мужчинъ и женщинъ, плескавшихся въ морѣ, игравшемъ бирюзовыми переливами въ яркихъ лучахъ жаркаго филиппинскаго солнца.

Она безразлично слушала то, что ей говорилъ сидѣвшій рядомъ мистеръ Гордонъ и задумчиво смотрѣла на вершину мыса Мервель, надъ которымъ, въ прозрачныхъ облакахъ, летѣлъ почтовый аэропланъ.

— Вамъ, миссъ, есть письмо. Изъ Россіи, — добавилъ мистеръ Гордонъ, доставая письмо изъ бокового кармана чесунчоваго пиджака.

Кэтъ вскрыла конвертъ.

Письмо было отъ Доры.

„Милая и золотая Кэтъ“, писала Дора.
„Я помню, Вы всегда упрекали меня и даже сердились за то, что я никогда Васъ ни о чемъ не просила... И вотъ теперь я должна („я должна“ было подчеркнуто) измѣнить своему правилу. Мнѣ осталось жить... (зачеркнуто). Я ухожу отъ жизни... Это — расплата!..“

Кэтъ, испуганная, съ остановившимся дыханіемъ, не вѣрила своимъ глазамъ... Но глаза опять прочли то страшное, что случилось съ Дорой... Дальше Кэтъ читала, какъ во снѣ...

„У меня есть маленькая дочь. Это мой грѣхъ и моя совѣсть! И вотъ теперь, когда

„меня не будетъ, я умоляю Васъ замѣнить ей
„мать и воспитать ее.

„Только одинъ человѣкъ знаетъ о про-
„исхожденіи моей дѣвочки. Онъ офицеръ, былъ
„тяжело раненъ въ Галиціи и я была его се-
„строй милосердія. Я знаю, — онъ всегда
„поможетъ ей. Обращайтесь къ нему... Теперь
„онъ на войнѣ. Это — графъ Ропшинъ, Ва-
„силій...”

Кэтъ показалось, что море заволновалось и
на пляжѣ заколебался песокъ.

Письмо выпало у нее изъ рукъ.

Мистеръ Гордонъ его сейчасъ-же поднялъ.

Къ письму были приложены документы, адреса
и бумаги.

Кэтъ сидѣла, опустивъ голову на грудь, и не-
ожиданно увидѣла, что александритъ, вдѣланный
въ ея кольцо съ алмазами, вспыхнулъ на солнцѣ
кровоаво-краснымъ свѣтомъ, потухъ и снова за-
игралъ зеленымъ блескомъ.

Она, не вѣря своимъ глазамъ, не сразу при-
шла въ себя...

— Найдите, прошу васъ, надежнаго человѣка
для исполненія въ Петербургѣ моего частнаго и
срочнаго порученія, — сказала она, придя въ себя,
мистеру Гордону, незамѣтно смахнувъ съ рѣсницъ
набѣжавшія слезы.

— All right! — коротко отвѣтилъ мистеръ
Гордонъ, который, за время своей службы у сэра
Смита, привыкъ къ причудамъ богатыхъ людей.

Наступилъ двадцать второй годъ царствованія Императора Николая II, — 1917-й...

Еще при Императорѣ Александрѣ III Россія достигла своего расцвѣта и была накануне рѣшенія своихъ національныхъ задачъ.

И въ этотъ историческій моментъ Императоръ Александръ III неожиданно умеръ, и она оказалась безъ той самодержавной власти, которая ее вела до этого по ея историческимъ путямъ. По народной идеологіи Императоръ Николай II, въ противоположность Своему Отцу, не былъ тѣмъ Самодержавнымъ Монархомъ, которому за Его справедливую строгость и властную самостоятельность русскій народъ всегда прощалъ все, — „и излишество пороковъ и недостатокъ добродѣтелей“ и, гордясь Имъ, былъ Ему рабски преданъ. Новый Императоръ, при всѣхъ Своихъ высокихъ нравственныхъ качествахъ, былъ слабъ и нерѣшителенъ, и не умѣлъ оцѣнивать и выбирать людей.

Государственный организмъ былъ расшатанъ... Въ народѣ росло глухое недовольство.

Въ февралѣ въ Государственной Думѣ начался открытый мятежъ, къ тушенію котораго не было принято никакихъ мѣръ...

Перекинувшись въ армію, онъ тамъ быстро охватилъ тотъ безпринципный элементъ, изъ котораго комплектовался высшій командный составъ, воспитанный въ безнравственномъ понятіи обезпеченной карьеры „безъ всякихъ нравственныхъ доктринъ“.

Русскій предалъ Государя въ Псковѣ...

Съ фронта пріѣхалъ Корниловъ, и не для того, чтобы, какъ Гриппенбергъ, когда-то, открыть Государю глаза и умолять Его о проявленіи власти, а для того, чтобы оскорбить Государыню арестомъ въ Царскомъ Селѣ и, нанеся этимъ самой монар-

хической идеѣ непоправимый ударъ, „углубилъ“ революцію.

Въ Могилевѣ, въ Ставкѣ, противъ Государя велась двойная игра...

Все измѣняло, пряталось, бѣжало...

Государь отрекся за Себя и за Сына отъ Престола...

Народъ, ничего не понимая, окончательно обезумѣлъ...

Началась революція...

— Царя нѣтъ, — все дозволено! Вся земля — наша! — пронеслось электрической искрой по всему необъятному пространству Россіи, и крестьяне бросились грабить усадьбы и убивать помѣщиковъ.

Въ Пасхальную ночь, въ Ячменовѣ, двумя дезертирами, бѣжавшими съ „краснаго“ фронта, была задушена у себя въ молельной графиня Ропшина.

Прислуга нашла ее утромъ, на коврикѣ передъ аналоемъ, уже похолодѣвшей.

На аналоѣ лежало Евангеліе.

Оно было открыто на 24-й главѣ отъ Матѳея и 6-й стихъ, — „Смотрите, не ужасайтесь: ибо надлежитъ всему тому быть; но это еще не конецъ“, — былъ залитъ воскомъ нагорѣвшей упавшей свѣчи.

ЭПИЛОГЪ

Весна въ 1920 году въ Сѣверной Америкѣ была ранняя.

Къ концу марта солнце уже пригрѣвало такъ, что молодыя деревья облиствѣли и только старыя держались строго и мрачно, не вѣря обманчивому теплу.

На розовыхъ побѣгахъ золотистый листъ трепеталъ счастьемъ пробуждавшейся жизни, и на непросохшей землѣ робко пробивалась свѣжая трава.

Въ Нью-Йоркѣ весна проходила незамѣтно, но въ окрестностяхъ все уже дышало ею.

Такъ было и на бостонской виллѣ Кэтъ, гдѣ садовники разбивали и вскапывали клумбы, сажали цвѣты и усыпали дорожки гравіемъ и пескомъ.

Кэтъ копошилась у одной изъ клумбъ, засѣвая ее желтофіолями и настурціями, огненный цвѣтъ которыхъ въ поблекшемъ осенью ячменевскомъ саду ей такъ нравился и остался въ счастливыхъ воспоминаніяхъ далекаго прошлаго.

Она осторожно сыпала въ бороздки коричневые и бѣлые крупинки зеренъ и думала о Ропшинѣ, о которомъ уже третій годъ не было никакихъ

свѣдѣній и котораго Таня, жившая въ Нью-Йоркѣ, гдѣ ея мужъ „famous russian doktor Soukonnikov“ имѣлъ хирургическую клинику, считала погибшимъ, и только по настоянію Кэтъ, убѣжденной, что онъ живъ, не служила по немъ панихидъ.

Настя Щербинина, жившая со своимъ пятилѣтнимъ сыномъ у Суконниковыхъ, поддерживала Кэтъ въ ея убѣжденіи.

Уже много разъ Кэтъ давала объявленія во всѣхъ европейскихъ газетахъ о розыскѣ Ропшина, но все было тщетно, — даже его слѣдъ не находился...

Только недавно Кэтъ получила изъ Варшавы письмо. Оно было отъ сослуживца Ропшина по полку, Дорна, который писалъ, что въ 1918 году онъ былъ съ Ропшинымъ въ Москвѣ, гдѣ состоялъ въ одной „бѣлой“ организаціи, поставившей себѣ задачей освободить Государя и Его Семью изъ Екатеринбургскаго плѣна.

„Все шло хорошо“, писалъ Дорнъ, „пока „неожиданно всѣ члены нашей организаціи „не были арестованы и разстрѣляны. Этого „избѣжали только нѣсколько человѣкъ, которые въ этотъ моментъ были внѣ Москвы, и „въ томъ числѣ графъ Ропшинъ и я.

„Оказалось, что всѣхъ насъ предалъ чека „нашъ бывший сослуживецъ Маквицъ-Эрнсбергъ и графъ рѣшилъ погибнуть, но отомстить ему за всѣхъ.

„Мы долго скрывались, находясь „внѣ „закона“...

„Отъ ужасныхъ условій жизни мои раны „Великой войны открылись и я уѣхалъ въ „Серпуховъ къ одному вѣрному человѣку для „лѣченія и подготовки побѣга за границу.

„Тамъ я прочелъ въ „Извѣстіяхъ“, что „энергичный коммунистъ товарищъ Маквицъ „убить контръ-революціонеромъ и что къ по-

„имкѣ этого опаснаго контръ-революціонера
„приняты мѣры, и понялъ, что его убилъ
„графъ, который послѣ этого скрылся...

„Дальше я про графа ничего не знаю, и
„сказать не могу, но пока я былъ въ Россіи
„я въ спискахъ разстрѣлянныхъ его фамиліи
„не встрѣчалъ...

„Черезъ полгода мнѣ удалось пробраться
„въ Польшу...”

Въ концѣ письма Дорнъ просилъ Кэтъ сообщить ему, если ей что либо станетъ извѣстно о Ропшинѣ, и въ свою очередь спрашивалъ ее, не знаетъ-ли она о судьбѣ жены полковника Щербинина, у котораго онъ съ графомъ были шаферами на свадьбѣ...

Настю Щербинину это письмо очень растрогало...

Высыпавъ въ борозду послѣднія зерна, Кэтъ, отряхнувъ передникъ, поднялась.

Наружностью Кэтъ измѣнилась мало. Только между бровей обозначилась скорбная складка и когда то веселые и живые глаза смотрѣли теперь грустно и задумчиво.

Людей она избѣгала... Только съ дѣтьми и, въ частности, со своей „племянницей“ Дорой, которой уже шелъ 13-й годъ и которая выравнивалась въ такую-же красавицу, какой была ея мать, она была общительна, шаловлива и рѣзва.

Съ женщинами она была сдержанна, но привѣтлива, но отъ мужчинъ держалась далеко, производя на нихъ впечатлѣніе Афины-Паллады, не побѣдившей въ себѣ женственности.

Съ Таней она была по-прежнему откровенна...

Въ началѣ апрѣля Кэтъ собралась въ Нью-Йоркъ.

Она надѣялась уговорить Таню и Настю переѣхать на лѣто въ бостонскую виллу и кромѣ того, ее настоятельно вызывалъ мистеръ Гордонъ по дѣламъ, который, не замѣчая ея душевныхъ

переживаній, удивлялся непостоянству женскаго характера, — такъ Кэтъ въ послѣднее время стала разсѣянна и невнимательна къ дѣламъ.

Въ то же время Дора, которая воспитывалась въ колледжѣ на Третьемъ авеню, уже посылала „тетѣ Кэтъ“ одно письмо за другимъ съ длинными уменьшающимися рядами минутъ, остающихся до Пасхи.

Пріѣхавъ въ Нью-Йоркъ, Кэтъ отправилась въ кондитерскую, чтобы купить Дорѣ ея любимыхъ конфектъ.

Тамъ оказался какой-то высокій господинъ, который началъ пристально смотрѣть на нее.

Кэтъ недовольно отвернулась.

Но, когда она расплачивалась у кассы, этотъ высокій господинъ смѣло подошелъ къ ней.

— Good day!

— Что вамъ угодно? — сухо спросила Кэтъ.

— Я только хочу провѣрить свою память, — методично произнесъ высокій господинъ.

Кэтъ скользнула по нему любопытнымъ взглядомъ.

— Не та ли вы гражданка Соединенныхъ Штатовъ, — продолжилъ высокій господинъ, поднявъ палецъ кверху, — которая, въ августъ 1913 года, не докончивъ путешествія по финляндскимъ шкеламъ, не достигла полярнаго круга и поэтому не имѣла возможности видѣть незаходящее солнце? — и въ его голосъ послышалась горечь обиды.

Лицо Кэтъ озарилось улыбкой.

— Вы не ошиблись и ваша память вамъ дѣлаетъ честь... Значить вы тотъ англичанинъ... — Кэтъ засмѣявшись, поправила — гражданинъ Соединеннаго Королевства, который передъ этимъ достигъ Новой Гвиней и, не только наблюдалъ, но и записалъ всѣ приготовленія, какъ его собирались жарить людоеды? Не такъ-ли?

— Именно на Новой Гвиней! — съ нескрываемой гордостью къ этому событію подтвердилъ англичанинъ.

Кэтъ привѣтливо протянула ему руку.

Англичанинъ уже собирался уходить, когда по его какъ бы каменному лицу промелькнула тѣнь любопытства.

— Должно быть очень важныя причины заставили васъ отказаться отъ дальнѣйшаго путешествія по Кеми и созерцанія холодныхъ красотъ сѣверной природы? — спросилъ онъ, подумавъ.

— Совершенно вѣрно, и вы сами были этому причиной, — отвѣтила Кэтъ, вспоминая при какихъ обстоятельствахъ она въ Вазѣ пересѣла съ парохода въ поѣздъ, стремясь въ Ячменово.

Англичанинъ поднялъ брови.

— Вы тогда упомянули фамилію моего знакомаго русскаго графа, у котораго въ Петербургѣ произошелъ инцидентъ съ австрійскимъ чиновникомъ, и я вернулась! — объяснила Кэтъ.

— О, я уже тогда предполагалъ, что этотъ австріецъ былъ неправъ и недавно окончательно убѣдился въ этомъ... Я его видѣлъ!

— Австрійца?

— Нѣтъ, графа!

— Вы?... Графа?... Недавно?... Гдѣ?... — прерывающимся голосомъ бросала Кэтъ, чувствуя какъ у нее падаетъ сердце.

— Онъ, конечно, тоже былъ неправъ...

— Гдѣ онъ? — безцеремонно схватила Кэтъ англичанина за рукавъ.

— Безъ путевой книжки я не помню широты и долготы рифа Тортугасъ...

— Боже мой! Гдѣ этотъ рифъ?

— Въ Мексиканскомъ заливѣ, южнѣе Флориды... Имъ оканчивается гряда мелкихъ и скалистыхъ острововъ Ки-Веста...

— Что онъ тамъ дѣлаетъ?

— Кто?

— Я васъ спрашиваю о графѣ!

— Онъ обслуживаетъ маякъ и живетъ среди моря одинъ... Тамъ новые рефлекторы и сильные

аккумуляторы служатъ источникомъ свѣта... Все это у меня въ книжкѣ записано...

Кэтъ уже дальше не слушала. Она выбѣжала изъ кондитерской и, крикнувъ на ходу шофферу: — къ Суконниковымъ! — вскочила въ автомобиль и помчалась къ Танѣ...

Трехтрубный океанскій исполинъ, шедшій къ устью Миссиссипи, въ Нью-Орлеанъ, везъ Кэтъ, всю въ ощущеніяхъ близости достигаемой цѣли, въ Ки-Вестъ.

Пароходъ шелъ Флоридскимъ проливомъ...

Солнце только что поднялось изъ за Багамскихъ острововъ и раздвинуло горизонтъ.

Волны съ разбѣга ударялись о бортъ парохода и, шипя, разсыпались пѣной и брызгами.

Дулъ сильный вѣтеръ и наполнялъ воздухъ мятежнымъ шумомъ моря.

Кэтъ поднялась на верхнюю площадку. Передъ ней открылся обширный видъ на далекія зеленя горы острова Барри, которыя, казалось, выглядывали одна изъ-за другой и синѣли по мѣрѣ удаленія отъ нихъ.

Кэтъ перевела взоръ на Флориду...

Вдали виднѣлся Ки-Ларгъ, которымъ начинались мелкіе острова Ки-Веста съ врѣзавшимся въ море рифомъ Тортугасъ на западѣ ихъ...

Кэтъ отдалась мечтамъ и грезила счастьемъ...

.
.

А въ далекой персидской Исфгани въ это время была темная ночь...

Въ небольшой глинобитной саклѣ, въ нѣжной и ароматичной зелени виноградника, на окраинѣ города, при мерцающемъ пламени оливковаго свѣтильника, дряхлый старикъ Ибрагимъ-Ага-Эддинъ

таинственно рассказывалъ своему маленькому внуку Парвизу вѣщую легенду о чудесномъ и драгоценномъ русскомъ камнѣ, носящемъ имя Великаго Русскаго Царя, побѣдившаго Хиву, Бухару и самаго непобѣдимаго Турецкаго Падшаха...

К О Н Е Ц Ъ

ОТЪ АВТОРА

„Россія вся въ настоящемъ и будущемъ.“

Эпизодическая часть „Александрита“ въ большей части взята мною изъ дѣйствительной жизни.

Несомнѣнно, многіе Петербуржцы помнятъ шумѣвшую въ свое время дуэль между конвойцемъ, княземъ Витгенштейномъ и драгунскимъ полковникомъ Максимовымъ (извѣстнымъ охотникомъ на львовъ въ Африкѣ), которая произошла въ Лиговѣ и окончилась смертью конвойца.

Но, взявъ для романа этотъ эпизодъ, я не вывелъ въ немъ ни Витгенштейна, ни Максимова.

Нѣкоторые-же эпизоды, какъ, напримеръ, изъ періода Русско-Японской войны и Великой войны, я бралъ со всѣми дѣйствовавшими въ нихъ лицами и вывелъ ихъ въ романъ.

Такъ, по этой канвѣ, я вышивалъ литературный узоръ...

„Александритъ“ также, какъ и мой предыдущій романъ „Разгоновы“, — два самостоятельныхъ романа, написанные мною, главнымъ образомъ, для будущей Россіи. Въ нихъ я старался съ безпристрастіемъ летописца описать ту эпоху, которая непосредственно предшествовала русской смутѣ и которой „свидѣтелемъ Господь меня поставилъ“.

Приношу мою благодарность молодой поэтессѣ Раисѣ Михайловнѣ Якушевой за то вниманіе, которое она удѣляла „Александриту“, когда онъ былъ еще въ рукописи, и Георгію Евгеньевичу Гарничѣ-Гарницкому за тотъ матеріалъ, который онъ мнѣ предоставилъ для романа

Димитрій СВЕРЧКОВЪ.

7 Января 1928 года
Бѣлградъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Вступленіе	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
Главы I — XX	13 - 67
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
Главы I — XXX	68 - 160
ЭПИЛОГЪ	161

Того-же автора:

„РАЗГОНОВЫ“

Истор. романъ-лѣтопись въ 3 частяхъ.

Цѣна 50 дин. — 1 долларъ.

Книга была встрѣчена читающей публикой очень радушно и тепло. Критика дала лестные отзывы. Одинъ изъ нихъ мы и приводимъ:

Романъ Д. Сверчкова интересенъ по фабулѣ и читается легко, порой съ захватывающимъ интересомъ.

Онъ написанъ по старинному, безъ углубленія à l'a Dostoevskij въ душевныя переживанія, безъ психологическаго анализа, но и безъ скучныхъ описаній природы (этого необходимаго атрибута), или протокольнаго изложенія мелочей. И, можетъ быть, правильнѣе всего сдѣлалъ авторъ, назвавъ его романомъ-лѣтописью.

Какъ отъ лѣтописи — отъ романа вѣтъ наивной простотой, отъ которой мы давно уже отучились, — и это его достоинство. Но, пожалуй, большее достоинство въ томъ, что доведя свою лѣтопись до кошмарныхъ дней революціи и гражданской войны, авторъ ни на одну минуту не впалъ ни въ человѣконенавистничество, ни въ трафаретное превознесеніе стараго строя.

„Старый строй“ дорогъ и близокъ автору — и это чувствуется изъ каждой строки его книги: не даромъ эпиграфомъ онъ взялъ слова Жуковскаго:

„О дняхъ минувшихъ не грусти,

„Не говори съ тоской — ихъ нѣтъ,

„Но съ благодарностію — были.“

„Но“, — говоритъ авторъ въ послѣсловіи, — „я никого и ничто не критикую, — я даю правдивый матеріалъ, предлагая самимъ читателямъ дѣлать изъ этого матеріала свои выводы и умозаключенія.“ И намъ кажется, что такой выводъ и умозаключеніе будутъ состоять въ томъ, что романъ Д. Сверчкова долженъ быть названъ хорошей книгой, и что авторъ можетъ сказать словами поэта:

„Чувства добрыя я лирой пробуждалъ...“

В. ДАВАТЦЪ.

(„Новое Время“ отъ 22 окт. 1926 г., № 1645)

Готовятся къ печати:

„Повѣсти и рассказы“

Послѣднія изданія

Русской Типографіи С. Филонова

Новый Садъ. Югославія.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

Кн. ЖЕВАХОВЪ. „Воспоминанія Товарища Оберъ-
Прокурора Св. Синода“ томъ II дол. 1.50

МАРІЮШКИНЪ, Ал. „Помни войну!“ Вопросы
современной и будущей войны дол. 0.40

СУХОТИНЪ, Л. М. Учебникъ Русской Исторіи, ч. I.
Его же. Учебникъ Русской Исторіи, часть II-я.

Его же. „Любовь въ русской лирикѣ“

СВЕРЧКОВЪ, Д. „Разгоновы“, романъ-лѣтопись въ
3 частяхъ . . . дол. 1.00

Его-же. „Александритъ“, романъ въ 2 ч. дол. 1.00

ТУТКОВСКІЙ, П. „Дозволенное и Недозволенное“
романъ въ 3 частяхъ . . . дол. 1.60

РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ С. ФИЛОНОВА
Новый Садъ (Югославія)

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

Выполненіе всевозможныхъ типографскихъ работъ.
Похвальный отзывъ на выставкѣ въ Бѣлградѣ.
Особо льготныя условія расплаты.

Цѣна 45 динаръ,
для заграницы 1 долларъ.

Лѣтомъ онъ долженъ былъ ѣхать въ Самарскую губернію на кумысъ.

Х.

Уже шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Таня и Кэтъ поступили вмѣстѣ въ Нью-Йоркскій колледжъ.

Ихъ дѣтство, проведенное безъ материнской ласки, но въ нѣжной дѣтской обоюдной привязанности, какъ-бы замѣнившей имъ эту ласку, несмотря на разницу ихъ характеровъ, происхожденія и даже религіи (Смиты, какъ выходцы изъ Ирландіи, были—католики), уже ушло въ область свѣтлыхъ и, порой, даже неясныхъ воспоминаній.

Рыженькая Кэтъ выровнялась въ миловидную и живую дѣвушку съ карими глазами и нѣжнымъ полудѣтскимъ румянцемъ точенаго лица, а Таня еще находилась въ томъ переходномъ возрастѣ, когда дѣвочки только начинаютъ формироваться, — когда у нихъ ломается голосъ и слышатся новыя грудныя ноты и глаза, то загораются яркимъ блескомъ, то мечтательно смотрятъ въ даль, то безъ причины грустны.

Танинъ отецъ, женившись второй разъ, получилъ новое назначеніе въ Бразилію и уѣхалъ съ молодой женой изъ Бостона, оставивъ, на этотъ разъ, свою дочь на попеченіе сѣра Смита.

Послѣ переходныхъ экзаменовъ Таня должна была ѣхать въ Россію, въ Москву, къ своей теткѣ и крестной матери графинѣ Ропшиной, которую она смутно помнила изъ ранняго дѣтства, передъ своимъ отъѣздомъ съ отцомъ въ Америку.

— Я не могу себѣ представить, какъ я останусь одна! — говорила Кэтъ послѣ экзаменовъ, нѣжно прижимаясь къ Танѣ, за которой пріѣхалъ ее отецъ, чтобы на другой день ѣхать въ Россію, и неожиданно разрыдалась.

Таня обняла свою подругу и, сама глотая слезы, не находила словъ утѣшенія. Имъ обѣимъ казалось, что онѣ, каждая, переживаютъ свое первое большое горе...

Онѣ сидѣли, обнявшись, на узкомъ диванѣ въ hall'ѣ колледжа, пока черезъ оконныя жалюзи не заглянули сумерки и не покрыли своей сѣрой пеленой ихъ и все окружающее.

Обыкновенно тихая Третья авеню къ вечеру оживлялась.

Но онѣ ничего не замѣчали и, погруженные въ свои грустныя думы, не слышали ни шума улицы, ни звонковъ въ колледжѣ, приглашавшихъ къ ужину, ни вечерняго оживленія подругъ...

Кэтъ вспомнились дѣтскіе рассказы Тани о Россіи, полные наивной простоты, какъ у всѣхъ дѣтей, богатыхъ большимъ воображеніемъ.

По этимъ фантастическимъ рассказамъ Россія представлялась юному воображенію Кэтъ какой-то огромной снѣжной равниной, по которой лѣниво бродятъ страшные, лохматые бурые медвѣди, рыскаютъ стаи сѣрыхъ волковъ и носятся по дорогамъ со звономъ колокольчиковъ и бубенчиковъ „удалыя“ тройки...

У Чернаго моря живутъ свирѣпыя бородатые люди, которые носятъ названіе „казаковъ“. Въ Малороссіи бѣлѣютъ хутора, на Волгѣ, въ чащѣ лѣсовъ, блестятъ золотомъ церковныя купола, и избы, до трубъ, занесены сугробами снѣга, а по Сибири раскинулся блестящій ледникъ и какъ гигантскій глетчеръ, переливается на морозномъ солнцѣ алмазами.

На югѣ, за Кавказскимъ хребтомъ съ снѣжнымъ двугорбымъ Эльбрусомъ, обитаютъ многочисленные красочныя племена, подвластныя рус-